

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В. В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. Д. Цветкова, к.ф.н, доцент (Казахстан, Павлодар), А. П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, И. Ю. Колесов,, Л. М. Комиссарова, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова

Секретариат

С. В. Доронина, М. П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, институт массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405а.

Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philology_journal/

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- С. И. Якимова.** Ориентализм как идейно-художественный концепт творчества писателя, мыслителя и журналиста
Вс. Н. Иванова 7
- М. Ю. Сидорова.** Субъектная структура текстов
о «новой реальности»..... 19
- Н. В. Николенкова.** Бытовая орфография и пунктуация как признак правописной ситуации в русском языке начала XXI века..... 38
- О. Н. Григорьева, Ли Силян.** Названия атмосферных осадков в современном русском языке 52
- Лю Яньчунь, А. П. Дронова.** Формирование понятия «польза» в русском языке 65
- О. Г. Борисова, А. Ю. Костина.** Лингвокогнитивная сущность родственных отношений в диалектной картине мира жителей Кубани (на примере микрополя «Кровные родственники»).
Часть 2..... 83
- Т. А. Дьякова.** Функционально-стилистические аспекты использования иноязычных топонимов в художественных текстах Михаила Матусовского 100
- С. А. Осокина.** Концепция «легкого языка» и перспективы ее развития в лингвистике 115

Научные сообщения

- А. А. Шибанов.** Оправдан ли сарказм М. Е. Салтыкова-Щедрин в политико-правовом контексте эпохи Александра II? (на примере романа «История одного города»)..... 134

В. В. Останин. Типология и прогрессия смерти в произведении Дж. Р. Р. Толкина «Дети Хурина»	142
М. В. Оберюхтина. Феномен переключения кодов как художественный прием (на материале оригинального текста романа К. Бакли «Thank You for Smoking»).....	150
Е. Э. Уланова. Лингвистические и экстралингвистические особенности репрезентации языковой личности переводчика.....	158
И. П. Амзаракова. Ребенок в стихии разговорной речи: тезаурус и его фиксация.....	169

Люди. Факты. События

Н. В. Бубнова. Современные тенденции в науке о человеке (по материалам XIX Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»).....	179
Резюме	184
Наши авторы	198

CONTENTS

Articles

- S. I. Yakimova.** Orientalism as Ideological and Fiction Concept of Vs. N. Ivanov's Works, a Writer, Thinker and a Journalist.....7
- M. Yu. Sidorova.** Subject Structure of Texts on New Reality19
- N. V. Nikolenkova.** Faulty Spelling and Punctuation as the Main Feature of Spelling of the Russian language at the Beginning of the XXI century.....38
- O. Grigorieva, Li Xilian.** Names of Atmospheric Precipitation in the Modern Russian Language52
- Liu Yanchun, L. P. Dronova.** Formation of the Concept "Benefit" in the Russian Language65
- O. G. Borisova, L. Y. Kostina.** Linguistic and Cognitive Essence of Relations in Dialect Worldview of Kuban Region Inhabitants (Based on the Example of Blood Relatives Microfield). Part 283
- T. A. Diakova.** Functional and Stylistic Aspects of Foreign Toponyms Used in the Literary Texts of Michael Matusovsky..... 100
- S. A. Osokina.** The Concept of "Easy Language" and its Perspectives in Linguistics 115

Scientific reports

- A. A. Shibanov.** Is the Sarcasm of M. E. Saltykov-Shchedrin Justified in the Political and Legal Context of the Era of Alexander II? (On the Example of the Novel "The History of a Town") 134
- V. V. Ostanin.** Typology and Progression of Death in the Work of J. R. R. Tolkien "The Children of Hurin" 142

M. V. Oberyukhtina. Code-Switching as a Literary Device (in “Thank You for Smoking” by Ch. Buckley).....	150
E. E. Ulanova. Linguistic and Extralinguistic Features of Linguistic Persona of the Interpreter.....	158
Irina P. Amzarakova. The Child in the Colloquial Speech: Thesaurus and its Fixation	169

Reviews

N. V. Bubnova. Modern Trends in Human Science (Based on the Materials of the XIX International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region”)	179
Summary	184
Our authors	198

СТАТЬИ

ОРИЕНТАЛИЗМ КАК ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ, МЫСЛИТЕЛЯ И ЖУРНАЛИСТА ВС.Н. ИВАНОВА

С. И. Якимова

Ключевые слова: Вс. Н. Иванов (1888–1971), ориентализм, идейно-художественный концепт, универсализм творчества.

Keywords: Vs. N. Ivanov, orientalism, ideological and fiction concept, universal creative activity.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–01

Введение

Творчество писателя, мыслителя и журналиста Иванова, рассматриваемое как единый текст, актуализирует главные линии философских, идейно-эстетических исканий русской литературы и журналистики XX века в социокультурном контексте. Приверженность Иванова ориентализму отражает одну из главных тенденций глобального социокультурного процесса XX века в его поликультурной направленности и предвосхищает многие из актуальных процессов межкультурной коммуникации [Якимова, 2016, с. 10].

Ориентализм наследия Вс. Н. Иванова отличается многоаспектностью, обусловившей особую его продуктивность. С одной стороны, ориентализм во многом способствовал максимально полной самореализации творческой индивидуальности автора. Присущее Иванову особое внимание к вещному миру и предметному пространству как значимым обстоятельствам социокультурной жизни общества и жизни отдельного человека было отмечено еще критиками в 1920-е годы [Струве, 1928, с. 4]. Приверженность Иванова ориентальным принципам письма, предметной детальности и убедительной конкретике в отображении явлений действительности и жизни человека, отражая особенности авторского восприятия действительности, способствовала формированию и развитию индивидуального стиля этого художника слова. Данное качество художественного стиля Вс. Н. Иванова отражает одну из фундаментальных

особенностей восточной культуры, ее приверженность созерцательности [Цзяо, 1994, с. 8].

Важным фактором в формировании индивидуального стиля писателя стал синтез науки и искусства, заметно проявившийся в его универсальном творчестве периода эмиграции (1922–1945). Главной работой Вс. Н. Иванова-евразийца в этот период стало его философско-публицистическое эссе «Мы: культурно-исторические основы русской государственности» (Вс. Иванов, 1926). Свой особый интерес к теме востока Иванов обосновывает в предисловии к этой книге: «*Только перетряхивая полным пересмотром историю Востока, найдем мы самих себя*» (Вс. Иванов, 1926, с. 13). При этом журналистскую, публицистическую задачу Иванов считает приоритетной, отмечая, что «*книга написана не ученым-историком, а журналистом*» (Вс. Иванов, 1926, с. 12).

Тема востока вошла в сознание будущего писателя и журналиста со страниц газетных публикаций в начале XX века, когда, будучи учеником костромской классической гимназии, ощутил притягательность далеких, но необъяснимо манящих его точек на карте мира, находящихся на востоке. Увидеть мир востока своими глазами, чтобы с горечью для себя понять глубокую ошибочность детских впечатлений, Иванову было суждено много позднее. «*Китайцы — варвары! — кричали газеты. — Убийцы! Дикий народ! Убивают миссионеров! Язычники, не знающие Христа! О, бедный Христос!*» (Вс. Иванов, 1987, с. 54). Иванов, проживший в Китае в период эмиграции более двух десятилетий, близко узнал культуру и особенности уклада жизни народа этой страны и своим творчеством как журналист, поэт и прозаик внес значительный вклад в процесс интеграции культуры востока и запада, Китая и России.

Ориентализм в поэзии

«Беженская поэма», зародившаяся в сознании Вс. Н. Иванова весной 1920 года, отразила его вхождение в художественно-поэтическое постижение темы востока через творчество А. Блока. В этой поэме Иванов разворачивает глубоко лирические переживания драматической истории России, включающей период татаро-монгольского нашествия, Петровскую и Екатерининскую эпохи, трагические события XX столетия.

Юношеские мысли о востоке, давняя тяга к изучению Китая, его древней истории и экзотического быта получили в эмиграции благоприятную для Вс. Н. Иванова возможность осуществиться. Объективные и субъективные предпосылки, волею судьбы соединившись в этот период жизни Вс. Н. Иванова, получили художественную, в том числе поэтическую, реализацию.

В начале 1920-х годов, на пороге эмиграции, Иванов опубликовал в дальневосточной периодике свои первые поэтические отклики на знакомство с культурой Китая. Его стихи «Голубой дракон» и «Китайцы» отражают размышления лирического героя о двух главных сторонах человеческой жизни: труде как основе физического, одухотворенного идей гармонии человека и природы существования, и празднике, воплощающем духовное содержание жизни. В центре внимания автора «Голубого дракона» — главные в культуре востока образы дракона и праздника фонарей, испокон веков одухотворяющие духовно-нравственные ценности народа («*Как само небо древний, // Царственный синий дракон*») (Вс. Иванов, 1921а, с. 2). Синий дракон, как олицетворение голубого неба, покровительствующего человеку в его духовно-созидательной деятельности, занимает центральное место в картине мира человека востока. Синий дракон — это еще и символ весны, пробуждения природы, гарант будущего. Стихотворение передает тоску лирического героя об умиротворяющей гармонии, которая оставалась недостижимой и далекой от реалий российской действительности, раздираемой последствиями социокультурных потрясений, вместе с тем наполненной неустанными, пытливыми исканиями научной и творческой интеллигенции России. Это стихотворение актуализирует фундаментальные ценности бытия: жизнь человека в гармонии с природой, одухотворенность труда. Художественный мотив тоски дополняет гармонирующий отношения человека и мира пафос стихотворения, наполняя его экзистенциальным звучанием.

Стихотворение «Китайцы», опубликованное в том же приложении к владивостокской газете «Русский край», дополняет картину мироощущения человека востока представлениями о высокой ценности духовного содержания жизни, знакомя читателя с одним из главных, традиционных праздников Китая, праздником фонарей: «*Китайцы ходят с фонарями, // С большими, красными, как луны, // Что над китайскими полями // Вписали огненные руны*» (Вс. Иванов, 1921б, с. 2). Праздник фонарей, имея тысячелетнюю историю, непосредственно связан с плодородием, главным занятием народа-земледелца. Это стихотворение передает незыблемое для культуры востока представление о жизни как извечной гармонии материального и духовного: «*Суровы древние законы, // И потому покой их мирен: // Ведь вокруг селений и кумирен // Змеятся горы, как драконы*» (Вс. Иванов, 1921б, с. 2). Красными фонарями люди воздают благодарение Небу, как основе мироздания, и Дракону, его олицетворяющему. Через антитезу черного и белого автор передает драматизм противостояния разрушительного Запада и со-

зидательного, вселяющего веру в будущее Востока: «Здесь страх пред будущим излишен, // Здесь серебристой ширмой Запад // Еще чеканит чернью лапы // Душистых, крупных, белых вишен» (Вс. Иванов, 1921б, с. 2). Автор стихотворения, разделяя мироощущение лирического героя, открывающего для себя восток, завершает стихи жизнеутверждающим пафосом, передающим глубинную веру в торжество жизни, исполненной света и добра: «И слушая тысячелетий // невнятный, но понятный голос, // Они, доверчивые дети, // Выращивают пышный колос» (Вс. Иванов, 1921б, с. 2).

Вс. Н. Иванов одним из первых обратился в поэзии к вопросам японской культуры и литературы, которые стали притягательными для многих русских эмигрантов на востоке. «Японские стихи», написанные в традиционной силлабической форме японской поэзии, ритмика которой основана на чередовании определенного количества слогов, вышли в свет в 1921 году в воскресном приложении к газете «Русский край» (№ 137), издаваемой во Владивостоке. В этих стихах, посвященных главным стихиям жизни природы, вечным ценностям человеческой жизни и культуры, Иванов продолжил знакомить читателя-соотечественника с мало известным ему миром востока.

Публикация включает шесть катренов. Символика названий через сложные ассоциации и словесную игру отражает эстетический идеал культуры востока через главные историко-культурные символы: очарование вещей, красота одинокой печали, сокровенная красота. Эти стихи передают новаторскую и смелую попытку русского поэта, находящегося на пороге эмиграции, открыть для себя и своих соотечественников существо японской эстетики, поэтики, мировосприятия и мирозерцания, тем самым раздвинуть не только географические, но и историко-культурные, нравственно-эстетические, философские горизонты.

В первом стихотворении Вс. Н. Иванова («Слива»), символика цвета которого (голубое и лиловое) олицетворяет утро и весну, пробуждение дня и природы, воплощен один из ведущих флористических образов японской культуры и литературы, имеющий символику женского начала мира:

Белые цветы, как бабочки на тонких ветках,

<...>

Фарфоровая Луна на зеленом небе.

Слива цветет (Вс. Иванов, 1921г, с. 1).

Безрифменный стих японской поэзии рождает послечувствие: глубокий отзвук поэзии затихает не сразу, словно круги на воде от брошенного камня. Умение восхищаться сиюминутной красотой как ментальная осо-

бенность мировосприятия японцев, отраженная во многих видах искусства Японии, находит свой отклик в стихах Иванова, обнажая в лирическом герое общие корни с культурой востока. В стихотворении «Красота» автор знакомит российского читателя с тремя основными культурами эстетического поклонения японцев. Это — цветы, луна, снег.

Красота

*Луна холодна на синем шелке неба, над черной зонтичной сосной;
Холодны цветы, изысканы изящные вырезы без запаха;
Всего холоднее белый снег на пурпуровых воротах храма.
Эти три холодные вещи весьма красивы (Вс. Иванов, 1921г, с. 1).*

У японцев не принято говорить прямо о чувствах, в стихах о любви превалирует ассоциативный план, недосказанность, незавершенность, сердечный отклик. В стихотворении Вс. Н. Иванова «Любовь» нет никакой повествовательности, только изобразительность, ассоциативно передающая сложный внутренний мир лирического героя:

Любовь

*Серебряные нити дождя во тьме, на электрическом свете,
Вонзаются в кустики брызг, тоже блестящих.
Плоский зонтик, черная крыша, соединяет их обоих.
Стоят прижавшись (Вс. Иванов, 1921г, с. 1).*

Неотъемлемой частью японской культуры является игрушка, в том числе кукла, олицетворяющая аксиологические ценности национальной культуры. Одно из рассматриваемых стихотворений («Игрушка») навеяно воображаемой встречей лирического героя в торговой лавке с одним из таких атрибутов Японии — куклой самурая. С этим образом в японской культуре связаны представления о личности воина, не только обладающего умением владеть мечом, но и постоянным стремлением к нравственному и духовному совершенствованию. Актуализация темы физического здоровья человека, духовно-нравственного начала в человеческой природе дополняется флористическим образом-метафорой цветущей вишни, олицетворяющей женское начало мира. Цветы в японской культуре являются одним из трех культов эстетического поклонения, а через очарование вещей, как один из трех историко-культурных символов Японии, передается целостное представление об эстетическом идеале:

Игрушка

*Под зеленым светом газа в длинной лавке,
Среди зеркал и гребенок стоит игрушка:
Разодетый самурай под цветущей вишней
Чертит на дереве заветное имя (Вс. Иванов, 1921г, с. 1).*

Главные стихии природы, вечные ценности человеческой жизни и культуры востока являются концептуальными темами японских стихов Вс. Н. Иванова [Якимова, 2018, с. 271].

Во второй книге журнала «Врата» (Шанхай, 1935), учрежденного участниками объединения «Восток», «Японские стихи» Вс. Н. Иванова вновь увидели свет, отражая устойчивость интереса к теме востока не только их автора, но и многих русских эмигрантов, обреченных на жизнь в изгнании в окружении другой, восточной, культуры. Через название периодического издания («Врата») редакция русского эмигрантского журнала отразила направленность издания на знакомство россиян с востоком, идею продуктивности диалога культуры Запада и Востока, России и Китая [Штейн, 1990, с. 232].

Уже в эмиграции, в Китае, Иванов продолжил поэтическое изучение темы востока, актуализируя проблему диалога культуры Китая и России в условиях адаптации россиян-изгнанников к жизни в окружении новой для них культуры [Раев, 1994; Печерица, 1999]. В эмигрантском журнале «Врата» в Шанхае в 1934 году были опубликованы стихи Вс. Н. Иванова «Сумерки» и «Харчёвка», в которых с максимальной глубиной автор воссоздает картину жизни востока, интегрирующей в себе быт и бытие, высокое и приземленное, утилитарное. Начальные, высоко поэтические пейзажные строки стихотворения «Сумерки» (*«Из голубого в палевый // Спустился цвет небес. // Опаловый, эмалевый // На нем горы отвес. // Изогнутое дерево // Прорисовало кисть»* /), соединяясь с образами реальной жизни человека труда, переходят в социально-бытовую зарисовку, воссоздающую незатейливый быт и уклад жизни китайских крестьян (*«Лазорево и хмелево // В полях дымки свились. // И близко над оврагами // Из глины битый дом // Уж светится бумагою // Заклеенным окном»*) (Вс. Иванов, 1934а, с. 10). Широкая палитра красок передает богатство эстетического мировосприятия лирического героя, особенности таланта и стиля писателя Иванова, тяготеющего к подробному, точному описанию предметов и явлений действительности, детальному воссозданию картин жизни и бытия. Тяготение к философичности помогает Иванову точно передать тонкие нюансы национального менталитета человека восточной культуры.

Стихотворение «Харчёвка» самим названием переносит читателя в драматический мир реальной, бытовой, плотской жизни. В нем Иванов обнажает свои первые подступы к художественному исследованию мира чувств и переживаний эмигранта, прошедшего через огонь и кровь Гражданской войны в России: *«В фарфоровом тазу при входе стынет кровь; // Кругом лежит рубиновое мясо»* (Вс. Иванов, 1934б, с. 11). Осо-

бенности мироощущений лирического героя, эмигранта, и зависимости человека восточной культуры Иванов передает через антитезу глаголов (танцует и гудит). Умиротворяющие эпитеты (меланхоличный, томный, круглый) отражают систему воззрений человека востока, гармонического бытия всего живого и сущего: *«Огонь под очагом танцует и гудит, // Кот изгибается в меланхоличной лени...»* (Вс. Иванов, 1934б, с. 11).

Стихи Вс. Н. Иванова о культуре востока дополняют отечественную поэзию ориентальной тематики новыми реалиями жизни, развивая традиции русской классики, приверженной теме востока [Кириллова, 2015, с. 117]. Обогащая русскую поэзию новыми образами, ориентальная поэзия Вс. Н. Иванова способствует развитию межкультурной коммуникации, динамично и продуктивно развивающейся в современном глобальном мире [Якимова, 2012, с. 219].

Ориентализм в журналистике

В начале 1920-х годов, проживая во Владивостоке и активно участвуя в общественно-политической жизни региона как журналист, Иванов получил возможность первой встречи со страной юношеских мечтаний, с Китаем. Поездка в Пекин в 1920 году к генералу Хорвату послужила основой его первого журналистского опыта ориентальной тематики, воплотившегося в большой, растянувшейся на несколько лет, работе над путевым очерком «Пекин». Первая редакция очерка была опубликована в литературно-художественном приложении к газете «Русский край» в 1920 году. В тот период Иванова *«привела в себя древняя мудрость Пекина»* (Вс. Иванов, 1995, с. 37). Вот только некоторые из размышлений Вс. Н. Иванова над жизнью, навеянных встречей с Пекином: *«...у людей революция уже девять лет, но все как будто остается на своих местах — в огромной стране царит осторожное спокойствие умиротворенного труда <...> Все их исторические переживания занесены в государственные анналы»* (Вс. Иванов, 1995, с. 38). В этих уроках сфокусированы главные проблемы универсального творчества Вс. Н. Иванова, его философской и эстетической системы.

Своим путевым очерком журналист Иванов открывает читателю-отечественнику новые географические горизонты. Загадочные, полные очарования пейзажи востока заключали в себе удивительные для россиянина картины жизни природы и человека в их гармонии, дарили полузабытые за годы войны моменты радости от встречи с прекрасным, распрямляли души людей, открывая новые горизонты бытия. Красочная и яркая картина столицы Китая, Пекина, сочетает изящество и величие с монументальностью природы, с размеренностью и умиротво-

ренностью китайского быта. Благодаря таланту художника и публициста читатель проникается умиротворением китайской жизни. Автор очерка восхищается мудростью и величием китайской культуры. Описывая богатство и красоту внутренней жизни города, он находит в этом приемы, близкие культуре автора-россиянина. Два культурных мира России и Китая и похожи, и различны одновременно. Но, показывая сходство Китая и России, Пекина и Москвы, автор задается вопросом: «*Какими же узами связаны мы, русские, с Китаем?*» (Вс. Иванов, 1921в, с. 3). Этим вопросом автор-публицист и сегодня побуждает читателя к раздумьям в глобальном социокультурном контексте.

Позднее, уже в эмиграции, Иванов продолжил этот очерк путешествием по выдающимся достопримечательностям Пекина: Богдыханскому дворцу, музею Пекина.

В главе «В Богдыханском дворце» Иванов словно экскурсовод-профессионал уводит читателя от бурь современности в мир красоты и вечных ценностей: «*Красные, лакированные ворота богдыханского дворца раскрывают свои створы, пропуская нас в заповедные поля бывшего, которые обнажила теперь незнающая удержу рука революции*» (Вс. Иванов, 1931, с. 156). Революция, подчеркивает Иванов, принесла не только разрушения, но и открыла новые горизонты для дальнейшего, поступательного развития мира, ускорила интеграционные, взаимно обогащающие процессы между западом и востоком. Журналист воссоздает олицетворяемую этим дворцом картину устойчивого мироздания, исполненного верой в силу добра и красоты: «*...внизу плещется море, простерлась правильными завитками пахотная земля, острыми пиками поднимаются горы, а выше, в крутящихся облаках, в лучах солнца, среди планет живет основа всего — Голубое Небо, сам вечный дракон. И дворец богдыхана — как небесное жилище Сына Неба*» (Вс. Иванов, 1931, с. 158).

В следующей главе, «В музее Пекина», внимание Иванова привлекают изготовленные из драгоценных камней образы природы (цветы, дерева, грибы и др.), «*отвечающие китайскому духу: — Не на них ли почил дух долголетия? Ведь эти цветы — вечны!*» (Вс. Иванов, 1931, с. 160). Фарфор, являющийся вторым предметом искусства в этом музее, насчитывающий семь эпох, автор очерка описывает как тонкий ценитель красоты, передавая переживаемое им потрясение: «*О, сколько наслаждения таят они (вазы из фарфора. — С. Я.) для эстета и для знатока, сколько радости может найти он в различении хотя бы красок*» (Вс. Иванов, 1931, с. 160). Своим восторгом перед изысканностью, которая «*пронизывает китайскую жизнь всюду*», «*которой может поучиться и наше*

время», Иванов-журналист укрепляет связь эпох и культур (Вс. Иванов, 1931, с. 161).

Вторую редакцию очерка «Пекин» Иванов представил на суд своих соотечественников в 1931 году в эмигрантском журнале с символическим названием «Багульник» (по имени растения, особо почитаемого в Маньчжурии и начинающего цвести первым). Журналист Вс. Н. Иванов открывает читателю-соотечественнику азиатскую гармонию жизни, жизнеутверждающее миропонимание через описание природы и быта Китая. Словно продолжая свое путешествие в Китай 1920 года, автор дорисовывает картину востока своим, новым «маслом».

Заключение

Ориентализм как идейно-художественный концепт творчества писателя, мыслителя и журналиста Вс. Н. Иванова, цементируя его универсальное писательское и журналистское наследие, ярко иллюстрирует органическую преемственность и устойчивую системность интереса русской культуры и литературы к одной из древних и богатых культур мира, способствует выявлению в ней глубинных общечеловеческих идеалов и ценностей [Мелихов, 1997].

Вс. Н. Иванов осознанно взял на себя миссию просветителя и популяризатора, подвижника истории и культуры древнего и мудрого востока в глобальное культурное пространство во имя будущего процветания России и человечества в целом. Как журналист и поэт, увлеченно и художественно убедительно освещая жизнь народа востока в ее частных и конкретных проявлениях, Иванов и сегодня своими произведениями побуждает читателей-соотечественников к знакомству со словесной культурой востока, обнаруживающей свою все возрастающую социокультурную значимость и ценность.

Библиографический список

Кириллова Е. О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б. М. Юльский, Н. А. Байков, М. В. Щербakov, Е. Е. Яшнов). Владивосток, 2015.

Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997.

Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1999. URL: <http://russianemigrant.ru/collection/pecheritsa-v-f-duhovnaya-kultura-russkoj-emigratsii-v-kitae-vladivostok-1999>.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. URL: <https://www.ozon.ru/product/rossiya-za-rubezhom-istoriya-kultury-russkoj-emigratsii-1919-1939-3763378/?sh=Gw2-A3Va>.

Струве Г. «Поэма еды» Вс. Иванова // Россия и славянство. Париж, 1928. 22 дек.

Цзяо Ч. Русский литературный Харбин 1920–1930-х годов. Иваново, 1994.
Штейн Э. Журналы русского Китая // Знамя. 1990. № 5. С. 231–236.

Якимова С. И. Литературно-художественная критика русского зарубежья Дальнего Востока в историко-культурном контексте. Хабаровск, 2016.

Якимова С. И. Универсализм и полидисциплинарность творчества писателя-мыслителя Вс. Н. Иванова (к 130-летию со дня рождения) // Грамота. 2018. № 11 (89). Ч. 2. С. 268–273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalizm-i-polidistsiplinarnost-tvorchestva-pisatelya-myslityelya-vs-n-ivanova-k-130-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/viewer>.

Якимова С. И. Филологические аспекты интеграционных процессов межкультурной коммуникации литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока в контексте традиций Серебряного века // Грамота. 2012. № 6 (17). С. 218–222. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2012/6/53.html>.

Список источников

Иванов Вс. Н. Голубой дракон // Русский край (Владивосток). 1921а. № 137.

Иванов Вс. Н. Дело человека: Опыт философии культуры. Харбин, 1933.

Иванов Вс. Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток (Хабаровск). 1995. № 1. С. 3–87. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/ivanov.htm>.

Иванов Вс. Н. Китайцы // Русский край (Владивосток). 1921б. № 137. Литературно-художественное приложение.

Иванов Вс. Н. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин, 1926.

Иванов Вс. Н. Пекин: очерк // Русский край (Владивосток). 1921 в. № 137.

Иванов Вс. Н. Пекин // Багульник (Харбин). 1931. Кн. 1.

Иванов Вс. Н. Повествование о времени и о себе: Юность и свобода // Дальний Восток (Хабаровск). 1987. № 7. С. 32–57.

Иванов Вс. Н. Сумерки // Врата (Шанхай). 1934а. Кн. 1.

Иванов Вс. Н. Харчёвка // Врата (Шанхай). 1934б. Кн. 1.

Иванов Вс. Н. Японские стихи // Русский край (Владивосток). 1921. № 137.

References

Kirillova Ye. O. *Oriental'nyye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka* (В. М. Yul'skiy, N. А. Baykov, M. V. Shcherbakov, Ye. Ye. Yashnov). [Oriental themes, images, motives in the literature of the Russian Diaspora of the Far East (В. М. Yul'skiy, N. А. Baikov, M. V. Shcherbakov, E. E. Yashnov)]. Vladivostok, 2015.

Melikhov G. V. *Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye (1917–1924)* [Russian emigration in China (1917–1924)]. Moscow, 1997.

Pecheritsa V. F. *Dukhovnaya kul'tura russkoy emigratsii v Kitaye*. [Spiritual culture of the Russian emigration in China]. Vladivostok, 1999. URL: <http://russianemigrant.ru/collection/pecheritsa-v-f-duhovnaya-kultura-russkoy-emigratsii-v-kitae-vladivostok-1999>.

Rayev M. *Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy vnešney emigratsii 1919–1939*. [Russia Abroad: The History of the Culture of the Russian Emigration 1919–1939]. Moscow, 1994. URL: <https://www.ozon.ru/product/rossiya-za-rubezhom-istoriya-kul'tury-russkoy-emigratsii-1919-1939-3763378/?sh=Gw2-A3Va>

Struve G. “*Poema yedy*” Vs. Ivanova. [“The Poem of Food” розничной Vs. Ivanova]. In: *Rossiya i slavyanstvo*. [Russia and Slavism]. Parizh. 1928. December 22.

TSzyao CH. *Russkiy literaturnyy Kharbin 1920–1930-kh godov*. [Russian literary Harbin 1920–1930s]. Ivanovo, 1994.

Shteyn E. *Zhurnaly russkogo Kitaya*. [Journals of Russian China]. In: *Znamiya*. [Banner]. 1990. No. 5. P. 231–236.

Yakimova S. I. *Literaturno-khudozhestvennaya kritika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v istoriko-kul'turnom kontekste*. [Literary and artistic criticism of the Russian emigration of the Far East in a historical and cultural context]. Khabarovsk, 2016.

Yakimova S. I. *Universalizm i polidistsiplinarnost' tvorchestva pisatelya-myslatelya Vs. N. Ivanova (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya)*. [Universalism and polydisciplinarity of creativity of the writer-thinker Vs. N. Ivanova (to the 130th anniversary of his birth)]. In: *Gramota*. [Gramota]. 2018. No. 11 (89). Part. 2. P. 268–273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalizm-i-polidistsiplinarnost-tvorchestva-pisatelya-myslatelya-vs-n-ivanova-k-130-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/viewer>.

Yakimova S. I. *Filologicheskiye aspekty integratsionnykh protsessov mezhkul'turnoy kommunikatsii literatury i zhurnalistiki russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v kontekste traditsiy Serebryanogo veka*. [Philological aspects of the integration processes of intercultural communication of literature and journalism of the Russian diaspora of the Far East in the context of the traditions of the Silver Age]. In: *Gramota* [Gramota]. 2012. No. 6 (17). P. 218–222. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2012/6/53.html>

List of sources

Ivanov Vs. N. *Goluboy drakon*. [Blue Dragon]. In: *Russkiy kray* [Russian edge]. Vladivostok. 1921a. No. 137.

Ivanov Vs. N. *Delo cheloveka: Opyt filosofii kul'tury*. [Human Business: Experience of the Philosophy of Culture]. Kharbin, 1933.

Ivanov Vs. N. *Iskhod: Povestvovaniye o vremeni i o sebe*. [Exodus: A Story about Time and Oneself]. In: *Dal'niy Vostok*. [Far East]. Khabarovsk. 1995. No. 1. P. 3–87. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/ivanov.htm>

Ivanov Vs. N. *Kitaytsy*. [Chinese]. In: *Russkiy kray*. [Russian edge]. Vladivostok. 1921b. No. 137.

Ivanov Vs. N. *My: Kul'turno-istoricheskiye osnovy russkoy gosudarstvennosti*. [We: Cultural and Historical Foundations of Russian Statehood]. Kharbin, 1926.

Ivanov Vs. N. *Pekin*. [Pekin]. In: *Russkiy kray*/ [Russian edge]. Vladivostok. 1921v. No. 137.

Ivanov Vs. N. *Pekin. Vs. N. Ivanov*. [Beijing. Sun. N. Ivanov]. In: *Bagul'nik*. [Ledum] Kharbin. 1931. Kn. 1. P. 152–165.

Ivanov Vs. N. *Povestvovaniye o vremeni i o sebe: Yunost' i Svoboda*. [Narration about time and about oneself: Youth and freedom]. In: *Dal'niy Vostok* [Far East]. Khabarovsk. 1987. No. 7. P. 32–57.

Ivanov Vs. N. *Sumerki*. [Twilight]. In: *Vrata* [Gates]. Shankhay. 1934a. Kn. 1.

Ivanov Vs. N. *Kharchovka*. [Kharchevka]. In: *Vrata*. [Gates]. Shankhay. 1934b. Kn. 1.

Ivanov Vs. N. *Yaponskiye stikhi*. [Japanese poetry]. In: *Russkiy kray*. [Russian edge]. Vladivostok. 1921. No. 137.

СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ О «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

М. Ю. Сидорова

Ключевые слова: субъект, предикация, русский язык, синтаксис текста, новая реальность.

Keywords: subject, predication, the Russian language, syntax of the text, new reality.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–02

Введение

Одним из продуктивных приложений концепции функционально-коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой является лингвистический анализ текстов, отражающих актуальные тенденции развития общества. Среди этих тенденций особое место занимает возникновение новых реалий, связанных с научно-техническим прогрессом и — в первую очередь — разработкой искусственного интеллекта. Такое особое место обусловлено прежде всего тем, что эти новые реалии могут создать (и уже создают) новую реальность, где модифицируются отношения человека (по сути своей) с вещами, которые он наделяет определенной самостоятельностью и характеризует некий уровень этой самостоятельности как «интеллект». Эти отношения весьма противоречивы. Взгляд исследователей «распределенного (между человеком и компьютером. — М. С.) интеллекта», выраженный в формулировке «Мы не сотрудничаем с машинами так же, как не сотрудничаем с овцами, мы просто их используем» [Сломан, Фернбах, 2017, с. 166], конфликтует с их же признанием: «Подобно живому организму, интернет непрерывно изменяется в таких направлениях, которые мы не можем предвидеть и контролировать. Сейчас операционные системы и приложения компьютера изменяются автоматически. Когда вы включаете компьютер, то, вообще говоря, у вас уже нет уверенности в том, что это тот самый прибор, на котором вы работали вчера» [Сломан, Фернбах, 2017, с. 166].

Главными объектами нашего анализа будут произведение французского философа М. Серра «Девочка с пальчик» (Michel Serres, *Petite Poucette*) в переводе на русский язык [Серр, 2012] и концепция развития нейрообразования, опубликованная на сайте Национальной тех-

нологической инициативы Нейронет¹. Мы намерены показать значимое сходство в способах организации субъектного плана в этих текстах. При всех жанровых и стилистических различиях эти тексты объединяет, во-первых, тема цифровизации и ее влияния на положение человека в мире, во-вторых, то, что они написаны на русском языке, обладающем средствами организации субъектного плана, как общими с другими языками (разграничение активного субъекта и пассивного, возможность свертывания предикации с указанием носителя признака или элиминацией его и т. п.), так и специфичными (например, различные типы обобщенно- и неопределенно-личных предложений с невыраженным субъектом). Эти ресурсы языковой системы могут использоваться говорящим (в первом случае — переводчиком, опирающимся на иноязычный текст, во втором — коллективным автором концепции) сознательно или бессознательно, но в любом случае через них и только через них мы познаем его замысел.

Сказанное (написанное) — может быть интерпретировано, а возможный протест сказавшего против интерпретации — это только одна из версий трактовки текста, поскольку, как мы только что отметили, далеко не все ресурсы языка применяются автором целенаправленно, с полным осознанием смысловых эффектов, которые они дают, поэтому сказать (написать) можно гораздо больше, чем ты намеревался. Право интерпретации остается за читателем и дается ему кое-чем большим, чем он сам и чем субъект-автор, — языковой системой и правилами ее функционирования.

Важно, что, анализируя внутритекстовую субъектную перспективу, то есть характер, взаимодействие, способы выражения субъектов предикаций (ситуаций, положений дел), названных в тексте, мы можем получить представление как о внутритекстовых субъектах, так и о субъектной позиции автора: индивидуальной (той, которой традиционно занимается российская функционально-коммуникативная грамматика школы Г.А. Золотовой [Золотова, 1973; 1982; 2005; Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998]), и обобщенной (той, которая составляет предмет интереса французской школы анализа дискурса). «Субъект же высказывания (*énonciateur*) приобретает существование только потому и только тогда, когда он говорит. Он образуется в акте высказывания и не существует до этого акта. Он представляет собой категорию дискурса, «реальность речи» в отличие от говорящего индивидуума из плоти и крови» [Серио, 1999а, с. 15–16]. Иначе говоря, именно в тексте говорящий конституиру-

¹ <http://rusneuro.net>

ется как субъект, поэтому мы можем реконструировать его субъектную позицию на основе лингвистических данных, что открывает нам доступ к его идеологии как «организованной системе идей» [Серио, 1999а, с. 17].

Позиция субъекта в тексте выявляется через две основные языковые операции.

Во-первых, это **номинация** — «наклеивание» словесной этикетки на объект, отражающее его категоризацию и позволяющее читателю (интерпретатору) группировать внутритекстовые субъекты и получать доступ к авторской точке зрения на них. Во-вторых, это **предикация** — приписывание субъекту (определенному, неопределенному или общенному, личному или неличному, названному или не названному) признака (активного действия, состояния и т. п.) [Сидорова, Чжон Хюн, 2014аб]. Понимание того, кому (чему) какой признак приписан в данном высказывании, какое языковое оформление и почему приобретают этот субъект и признак, составляет основу понимания высказывания. Неслучайно великий русский филолог Ф. И. Буслаев еще в XIX веке писал в книге «О преподавании отечественного языка», что первым навыком анализа родной речи, который ребенок получает в школе, научившись читать и писать, должен быть навык понимания предложения через обнаружение в нем субъекта и предиката [Буслаев, 1844]. Мы даем ребенку предложение типа «Бог сотворил небо и землю» и спрашиваем: «Кто сотворил небо и землю?» и «Что говорится здесь о Боге?». И именно в этом состоит первый акт аналитического познания языка.

Именно предикация будет нас далее интересовать как наиболее значимый для выявления субъектной структуры и авторской позиции в исследуемых текстах аспект.

Предикация как языковая и когнитивная операция

Рассматривая предикацию, то есть приписывание признака субъекту, как основу содержания предложения, лингвисты привыкли говорить о простейшем предложении как об отражении, или выражении, некоторой ситуации действительности. Следует уточнить, что в эту формулировку имплицитно включаются несколько не просто языковых, но когнитивных операций, в каждой из которых проявляется выбор говорящего, обусловленный не только характером референтной ситуации, но и условиями коммуникативной ситуации, типом создаваемого текста и замыслом (целью) высказывания. Согласно современным представлениям о порождении речи, Концептуализатор в нашем внутреннем языковом механизме предшествует Формулятору [Levelt, 1989].

Мы вычленим ситуацию из непрерывного недискретного потока действительности, «назначаем» субъект (носитель признака) и пред-

кат (признак), выбираем слова и формы для их вербализации, с учетом нашего желания и возможности придать субъекту большую или меньшую долю активности, скрыть (затемнить) или обобщить субъект, свернуть предикацию и вставить ее в другое предложение, создав тем самым усложненную (полипредикативную) конструкцию, ср.: *Петя с Васей дерутся в коридоре* и *Петя в коридоре избивает Васю*; *Я хочу получить книги* и *Мне сказали, что у вас выдают книги*; *Специалисты считают, что Шолохов написал «Тихий Дон»* и *Создание (Шолоховым) «Тихого Дона» — вопрос (среди специалистов) дискуссионный*. Некоторые из этих операций по вербализации субъекта являются общими, системно обусловленными для ряда европейских языков, как например:

- а) неназванность субъекта в свернутой предикации, которую журналисты, пишущие на разных языках, активно используют для создания интриги в заголовках статей, а иногда и для дезинформации читателя;
- б) все более расширяющееся использование предикатов, обозначающих действия лица, при субъектах, называющих машины, электронные приборы, разного рода интеллектуальные устройства и компьютерные программы.

Следующие примеры из новостных заметок на разных языках демонстрируют «очеловечивание» технических устройств как на номинативном, так и на предикативном уровне:

(01) *This year, Nasa's Osiris-Rex **performed a daring** «touch-and-go» manoeuvre with the asteroid Bennu, **in order to collect** samples of rock and soil for **delivery** to Earth... **In order to collect** samples, Osiris-Rex **used** a long boom with a ring-shaped collection chamber on the end. The spacecraft **descended** towards Bennu's surface, **delivering** a squirt of nitrogen when the boom made contact with the asteroid...*

(02) *Curiosity a quelque chose en lui de Terminator: **outragé, blessé, diminué**... il continue d'avancer sans mot dire. Certes, il a déjà **perdu la mémoire** — son ordinateur de bord a craté, avant d'être remplacé par un calculateur de secours; il **souffre aussi d'arthrose**, puisque son **bras** articulé et sa foreuse **donnent des signes de vieillesse anticipée**.*

(03) *«Зонд-ПП» **составит первую карту из космоса**. Запущенный буквально три месяца назад аппарат «Зонд-ПП» уже через пару месяцев **будет готов представить** на Землю первую карту, демонстрирующую распределение влаги по поверхности всей земной суши, а также уровень солености мирового океана.*

(04) *Зонд Европейского космического агентства «Розетта», который уже 10 лет **преследует** комету 67P/Чурюмова-Герасименко, **полу-***

чил первые снимки своей космической «жертвы». В августе 2014 года произойдет максимальное сближение с объектом, но уже сегодня «Розетта» пересылает снимки «хвостатой звезды».

(05) Вояджер официально покинул Солнечную систему. Вояджер смело проник туда, куда не проникал ни один зонд до этого, совершив тем самым одно из самых значительных технологических достижений в анналах истории науки, и поскольку он проник в межзвездное пространство, это открывает новую главу в человеческой науке.

Следует особо подчеркнуть отличие подобных предложений от предложений с предметным субъектом и неакциональным предикатом типа *Дорога ведет к реке, Карты демонстрируют распределение влаги по поверхности Земли, Петунии любят подкормку*. В примерах (01) — (05) предикаты акциональные, они сообщают о **действиях** высокотехнологичных «самостоятельных» устройств, что подтверждается и лексическим окружением: *смело проник, будет готов представить снимки своей «жертвы»*. Космические аппараты не просто *маневрируют* и *проникают*, но *делают* это смело, обретая тем самым самостоятельную внутреннюю сферу и (почти) целеполагание. Апогеем этого очеловечивания является ведение аккаунтов в социальных сетях от имени подобных устройств и аппаратов (например, американский марсоход Perseverance).

Рядом с отмеченными чертами организации субъектного плана, характерными, как мы видели, и для других европейских языков, в русском языке выступают специфические особенности, связанные с наличием так называемых неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных конструкций, которые характеризуются отсутствием имени субъекта (носителя признака) в именительном падеже и противопоставляются «каноническим» двусоставным предложениям со значением «лицо и его действие». Следует заметить, что сами эти названия типов предложений условны. Термин «безличные» прямо противоречит семантической сущности и коммуникативному предназначению предложений типа *Мне не спалось, Мне душно, Его подбросило на месте, Его потянуло на родину* [Золотова, 1973, 1982]. Термины «неопределенно-личные» и «обобщенно-личные» точнее, но не отражают всего богатства семантических эффектов, которое достигается в русском языке отсутствием упоминания действующего лица в конструкциях с предикатом в форме 2-го лица единственного числа или 3-го лица множественного числа (в прошедшем времени — просто множественного числа). Так, последние могут использоваться как для эмпатического включения говорящего в круг действующих субъектов, так и для выражения противопоставления «свой — чужой». См., например, наши статьи о неопределенно-

личности у Чехова [Сидорова, 2011] и о роли «безличных» и неопределенно-личных предложений в тексте романа Булгакова «Белая гвардия» [Сидорова, 2001]. Кроме того, традиционное выделение неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций только среди предложений «односоставных», то есть с невыраженным субъектом, не учитывает того, что аналогичные значения могут выражаться и двусоставными (опять же в традиционном понимании, присваивающем любому именительному падежу позицию главного члена) предложениями, ср.:

(06) *Говорят, = Люди / Все говорят, = Ходит слух / Существует мнение, что глобального потепления не будет; В саду поют = кто-то поет = раздается / слышно пение; В нашем городе строят стадион = строится стадион = идет строительство стадиона.*

Использование неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений, а также «безличных», которые в концепции коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой называются инволютивными, что точнее отражает их семантическую сущность, для обозначения действий людей позволяет управлять уровнем обобщения и активностью внутри-текстовых субъектов, демонстрировать разную степень целенаправленности их действий и контролируемости ими внешнего мира [Halliday, 1971]. В результате могут возникать художественные картины мира, в котором человеку подвластно все или ничего, наказуема или поощряема деятельность или, напротив, пассивность, события развиваются естественным путем или, как пишет М.А. Булгаков в романе «Белая гвардия», «продельвают причудливые зигзаги», человек способен управлять миром, событиями и своей жизнью или беспомощен перед судьбой и, как щепка течением, влеком не зависящим от него ходом событий. Активизация вещей (точнее, «человекоподобных» автоматизированных устройств и компьютерных программ), также претендующих на целенаправленность и активность действий и в чем-то уже составляющих конкуренцию человеку, также не может не оказать влияния на субъектную структуру виртуальных миров, выстраиваемых авторами художественных, публицистических, научных, философских и даже официально-деловых текстов.

Стоит подчеркнуть, что эту «активизацию вещей» порождает не их собственное сознание, а сознание человека: мы сами отдаем (или приписываем) им ту или иную степень целенаправленности и активности действий. Эти разные уровни могут сосуществовать в пределах одного текста:

(07) *Новый алгоритм искусственного интеллекта, созданный ИВМ, может помочь врачам диагностировать или предсказывать наступ-*

ление болезни Альцгеймера... И все, что нужно, это чтобы субъект **рассказал алгоритму историю**. **Сравнивая** образцы текста, написанные участниками исследования в течение нескольких лет, **алгоритм смог предсказать** наступление болезни Альцгеймера на годы вперед с 75-процентной точностью. Потенциально **это решение дает врачам новый инструмент для выявления** болезни Альцгеймера... **Алгоритм рассматривает данные** неврологического исследования... **Алгоритм научился распознавать** такие закономерности, как... В настоящее время, после того как **алгоритм был протестирован** на болезнь Альцгеймера, команда IBM надеется испытать его с целью прогнозирования других неврологических заболеваний².

В первом предложении этой новостной заметки алгоритм выступает в пассивно-вспомогательной функции: он создан IBM, то есть является продуктом человека, и роль его заключается в том, чтобы *помочь* врачам, а действия *диагностировать* и *предсказывать* приписываются человеческим субъектам. Но уже во втором предложении он явно обретает самостоятельность и антропоморфные черты: человек должен *рассказать алгоритму историю*. Далее алгоритм обретает способность к ментальным действиям — *сравнивать*, *предсказать*. Но эти действия все же представляются как вторичные по отношению к действиям врачей: алгоритм приравнивается к инструменту выявления болезни, а не к субъекту, выявляющему болезнь. Далее снова появляются антропоморфизирующие алгоритм предикаты ментальных действий — *рассматривает данные*, *научился распознавать закономерности*. Однако в последнем предложении алгоритм снова возвращается под власть своих создателей.

Итак, на сегодняшнем этапе лексико-грамматические средства, уже существующие в системе языка, получили новое предназначение — участвовать в осмыслении и вербализации отношений между человеком и миром умных устройств и цифровых технологий, в определении места человека в новой реальности. Эта реальность и новый тип субъекта, созданного ею, привлекают внимание философов в разных странах. Французский философ М. Серр охарактеризовал ситуацию так: «Незаметно для нас за короткий период, прошедший с 1970-х годов, возник новый человек. У него (и у нее) другое тело, другой горизонт жизни, они иначе общаются, видят перед собой иной мир, живут в иной природе и в ином пространстве. <...> У них не такая голова, как у родителей, они иначе познают. И иначе пишут. Восхищенно глядя на то, как быстро они набирают двумя большими пальцами смс — у меня с моими корявыми паль-

² <http://evercare.ru>

цами так никогда не получится, — я и прозвал их (с нежностью, какую только способен проявить дед к своим внукам) Девочками и Мальчиками с пальчик. <...> Они говорят на другом языке. <...> Девочка с пальчик и ее друг будут трудиться совсем на других работах»³.

Субъектный план в русском переводе эссе М. Серра «Девочка с пальчик»

Лейтмотивом приведенного фрагмента являются слова, акцентирующие новизну пришедшего цифрового поколения, не похожесть его на родителей: *другой, не такой, иной, иначе*. Но приход нового мира манифестируется в том тексте, который благодаря переводу доступен русскоязычному читателю не только через лексику, но и через грамматику. В грамматической ткани текста, как мы сейчас увидим, «односоставные» предложения и двусоставные не противопоставлены, а взаимодействуют, создавая картину мира, где нет практически никаких личных субъектов, которые действуют, кроме Девочки с пальчик и ее братьев, зато повышенной активностью обладают неодушевленные объекты. Вот характерный пример:

(08) *Помню, как я был удивлен несколько лет назад, увидев, как на кампусе Стэнфорда, где я преподаю вот уже тридцать лет, **возводятся** — по соседству с главным двором, на средства миллиардеров из соседней Силиконовой долины — **здания** отделения информатики, более или менее такие же (с поправкой на железо, бетон и громадные окна), как и кирпичные корпуса, в которых сто лет как **преподают** инженерную механику и историю Средневековья. Тот же план, те же коридоры и аудитории: тот же **вдохновленный страницей формат**. Как будто недавняя **революция**, по своей силе вполне сравнимая с преобразованиями, которые принесли с собой письменность и книгопечатание, ничего не **изменила** ни в знании, ни в педагогике, ни в самом университетском **пространстве, придуманном с помощью книги и ради нее**.*

Нет. Новые технологии требуют уйти от пространственного формата, предполагаемого книгой и страницей. А как от него уйти?

Здания возводятся, страница вдохновляет формат, революция (не) изменила, новые технологии требуют, книга и страница предполагают... При этом четыре предиката, субъектом которых является человек, в тексте лишены этого субъекта: *преподают* — неопределенно-личное предложение, *придуманном* — оборот с пассивным причастием без указания имени деятеля (зато с указанием предмета — книги как инструмента и цели), *уйти* — один раз использовано как вторичный предикат по-

³ Здесь и далее текст цитируется по русскому переводу [Серр, 2012].

сле «требуют» и второй раз в инфинитивном предложении (во французском оригинале во втором случае предложение безглагольное, но также бессубъектное: *Les Nouvelles technologies obligent à sortir du format spatial impliqué par le livre et la page. Comment?*). Кто преподает? Кто придумал университетское пространство? Кто должен уйти от пространственного формата? Эти субъекты не получают права быть названными в мире, где правят обезличенные информационные технологии.

Автор поддерживает диалог с читателем и создает свой образ с помощью средств, соответственно, адресации и авторизации, как мы увидим в следующем примере, но это только усиливает ощущение изоляции. Автор и читатель как бы беседуют на крошечном пятачке, окруженном действующими предметами и абстрактными сущностями:

(09) *Изгнанный под давлением жалостливых мамаш и психологов из школы, оценочный бум охватил гражданское общество. Публикуются рейтинги продаж, присуждаются Нобелевские премии, Оскары и кубки из поддельных металлов, составляются рейтинги университетов, банков и предприятий, оцениваются даже государства, некогда суверенные. И вы, читатель, переворачивая страницу, ставите мне оценку.*

Некий двуликий демон заставляет нас признавать что-то плохим, а что-то хорошим, что-то невинным, а что-то вредным. Трезвый взгляд проводит, скорее, другое различие — между умирающими остатками старого мира и ростками нового. Что сегодня намечается, так это переворот, устанавливающий равноправную циркуляцию оценивающих и оцениваемых, их своего рода взаимослияние.

Бум охватил, рейтинги публикуются и составляются, премии присуждаются, государства оцениваются... Кем — не сказано, потому что не важно: оценивающие субъекты лишены индивидуальной субъектности, они как бы сливаются в нерасчлененную единоголосую массу. *Жалостливые мамашаи и психологи* и некоторые другие субъекты, возникающие по ходу изложения, как правило, не в позиции основного субъекта предложения, упоминаются обычно как проигравшие пережитки прошлого (в прошлом личным субъектам действовать не возбраняется).

Обратим внимание на резкий контраст двух предикаций в первом предложении этого фрагмента, создаваемый взаимодействием семантики и формы глагольных и именных компонентов. *Оценочный бум*, который в старом мире был объектом активного воздействия людей, то есть был *изгнан* индивидуализованными субъектами (в русском переводе индивидуализации способствует использование экспрессивных лексем *жалостливый* и *мамаша*), в новом мире побеждает, отбирая у личных

субъектов монополию на активность. Он *охватил гражданское общество*, присвоив себе право не просто на активное действие, но на действие высокой интенсивности. Что касается людей, то они, напротив, потеряли индивидуальность, слившись в *гражданское общество*. Этот же взгляд на мир торжествует и во втором абзаце фрагмента: двуликий демон заставляя, трезвый взгляд проводит, переворот устанавливает. Удел нас — признавать, превращаться в оценивающих и оцениваемых, вступать в *циркуляцию и взаимослияние* (обратим внимание на невозможность использовать глаголы, соответствующие двум последним существительным, для обозначения активного действия лица: **Я циркулирую, я сливаюсь...* — за исключением иронического фразеологизма *слиться в едином порыве*, который не обозначает действия).

Квинтэссенцией картины нового мира, над которой нам предлагает задуматься М. Серр, является главка «Голоса». В ней мы видим в обостренном и концентрированном виде все те же лексико-грамматические особенности и тактические приемы построения текста, что и в рассмотренных примерах.

(10) *До сегодняшнего утра преподаватель в классе или аудитории передавал знание, которое отчасти уже содержалось в книгах. Он оглашал написанное, читал со страницы-источника. Если он изобретал что-то новое, — а это редкость, — на следующий день появлялась страница в сборнике. В общем, он был глашатаем на трибуне кафедры. И вешал, требуя тишины. Теперь это невозможно.*

Поднимающаяся в детстве, в подготовительных и начальных классах, в средней школе волна болтовни нарастает, как цунами, и достигает пика в студенческих аудиториях, которые сегодня — впервые в истории — наводнены гулом, заглушающим извечный голос книги. Это явление настолько обыденное, что его уже не замечают.

Девочка с пальчик не читает книг и не желает слушать озвученный текст — как собачка со старинной рекламы, не узнающая хозяйский голос. Вынужденно молчавшие в течение трех тысячелетий, ныне Девочка с пальчик и ее сестры и братья составляют немолчный хор, гудящий, перекрывая глас текста.

Индивидуальный субъект активных действий (преподаватель) остался в прошлом (стоит заметить, что выбивающаяся в русском переводе из перечисления его активных действий предикативная единица с предметным субъектом *появлялась страница в сборнике* отстывает от французского оригинала, где на этом месте *il écrit*). Новый мир, наступающий после слова *теперь*, лишен индивидуальной субъектности, Девочка с пальчик получает право на целенаправленное действие (*не читает,*

не желает слушать) только для того, чтобы отвергнуть прошлое — это придает больше убедительности и силы такому отвержению. Зачем же она его отвергает? Чтобы обрести свою, новую субъектность? Нет, чтобы слиться со своими «сестрами и братьями» в единый гудящий хор. Ни *составлять*, ни *перекрывать* активного действия здесь не обозначают, *хор* — объект восприятия анонимного наблюдателя.

Здесь важен парадоксальный характер противопоставления преподавателя из первого абзаца, который, кажется, выглядит как изолированный одиночка, и Девочки, которая, казалось бы, обретает индивидуальный голос и окружена такими же, как она. Но это мнимость. Девочка находится еще в большем вакууме, чем преподаватель. В школе и в студенческих аудиториях никого нет, кроме гула и болтовни. Они пусты, наполнены только голосами. И те, кто *не замечают* это явление, тоже не существуют в пространстве текста Серра, не устаиваются номинации (во французском оригинале — конструкция с *on*). И самостоятельного голоса у Девочки тоже нет, как нет и направленной коммуникации. Преподаватель *передавал знание, требовал тишины* у аудитории. У гула и хора нет адресатов. Бестелесность, развоплощение выступают как следствие утери индивидуальной субъектности.

Таков новый цифровой мир, нарисованный французским философом и с достаточной долей точности переданный русским переводчиком. Восприятие русским читателем Девочки с пальчик, существующей в социальном вакууме и мнимой активности, возникает прежде всего как эффект использования переводчиком неопределенно-личных конструкций и конструкций, в которых глагол действия соединяется с неодушевленным субъектом, а личному субъекту предидируется неакциональный глагол. Остается задаться вопросом: а является ли эта картина сугубо индивидуальным видением М. Серра и каким-то уникальным, специфичным использованием языковых средств?

Затемнение личного субъекта и активизация неодушевленного субъекта в «манифестах» цифровизации образования

Мы обнаруживаем аналогичную языковую технику построения субъектного плана в текстах, которые, как нам представляется, также выражают определенную философию — манифестах и выступлениях российских адептов цифровизации общества и онлайн-образования. Поскольку их проекты предполагают существенную перестройку отношений между машиной и человеком, негативно — в большинстве своем — встречаются обществом и при этом должны демонстрировать непревзойденно новаторский характер задуманного, без некоторой доли философских рассуждений о прекрасном будущем и том, что необходимо для его дости-

жения, в подобных текстах не обойтись. Объем статьи позволяет привести только один пример, однако весьма репрезентативный, — описание программы «Нейрообразование» с официального сайта Национальной технологической инициативы Нейронет и краткую самохарактеристику этой инициативы в целом:

(11) **Система образования будет опираться на нейрокогнитивные механизмы приобретения** новых знаний, а также на данные об индивидуальных **предрасположенностях человека и применение нейрокомпьютерных интерфейсов, элементов виртуальной и дополненной реальности, гибридного интеллекта.**

В настоящее время **продукты и сервисы** рынка НейроОбразования **развиваются** в таких сегментах, как дистанционное обучение, обучение через всю жизнь, массовые открытые онлайн-курсы, смешанное обучение, а также инновационные модели дополнительного образования.

В качестве приоритетов **выделяются создание** учебно-лабораторных мест для школьников и студентов на основе нейротехнологий **расширенного восприятия, оптимизированного запоминания и усиления познавательных функций, а к 2035 году — полноценное использование интегрированных систем естественного и искусственного интеллекта**⁴.

(12) С Нейронет-технологиями, по оценкам экспертов, **будет связана** следующая технологическая революция: кардинальное **увеличение производительности умственного труда произойдет** за счет **интеграции** мозга человека и вычислительных машин. Биотехнологическая **революция стартовала** после **расшифровки** генома человека, а **стремительное развитие нейротехнологий начнется** после **завершения расшифровки (картирования) работы мозга.**

Нейронет станет следующим этапом развития современного интернета (Web 4.0), в котором **взаимодействие** участников (человек — человек, человек — машина) **будет осуществляться** с помощью новых нейрокомпьютерных интерфейсов, а сами **компьютеры станут** нейроморфными (похожими на мозг) с помощью гибридных цифроаналоговых архитектур. **Прогнозируется появление социальных нейросетей и полноценного гибридного человекомашинного интеллекта**⁵.

Как видим, люди, занимающиеся расширением и развитием той реальности, которую описал уже десять лет назад французский философ, мыслят категориями, подмеченными и зафиксированными им. В соответствии с жанром текста здесь отсутствуют неопределенно- и обобщенно-личные (с точки зрения формальной грамматики) конструкции с пре-

⁴ <http://rusneuro.net/chto-takoe-nejronet/segmenty-i-proyekty/neyro-obrazovaniye>

⁵ <http://rusneuro.net/chto-takoe-nejronet>

дикатами в форме множественного числа, однако во множестве присутствуют имена ситуаций (свернутые предикации), лишённые субъектной отнесенности. Очевидно, что между субъектами *приобретения новых знаний и применения компьютерных интерфейсов* в первом предложении фрагмента нет равенства, но точно установить это не представляется возможным из-за неназванности субъектов. Можно предположить, что в третьем абзаце школьники и студенты являются субъектами *восприятия и запоминания*, но выступают как объекты *усиления познавательных функций*. Кто будет активным субъектом *полноценного использования систем искусственного интеллекта*, также не сообщается. Используются синтаксические техники снижения ранга субъекта (перемещения его из позиции подлежащего в позицию второстепенного члена), например, не *участники будут взаимодействовать*, а *взаимодействие участников будет осуществляться*, не *эксперты полагают*, а *по оценкам экспертов*. Ни в одном из предложений субъектом не является личное имя, хотя речь идет о процессе межсубъектного взаимодействия — обучении.

В противоположность ослаблению позиции личного субъекта усиливается позиция субъектов неодоушевленных, обретающих самостоятельность и даже активность. *Система образования будет опираться, продукты и сервисы развиваются, биотехнологическая революция стартовала* и т.д. Создается впечатление, что авторы текста наблюдают ситуацию как бы извне и не собираются становиться активными действующими субъектами в описываемых событиях, представляя их как естественный ход вещей (обратим внимание на употребление глаголов *произойдет* и *станет*). Они не берут на себя ответственность даже за прогнозы и оценки: без эксплицированного субъекта остаются авторизационные глаголы *наблюдаются* и *прогнозируются*, по сути своей предназначенные для выражения точки зрения субъекта. Что это как не обезличенный гул голосов, не желающих назвать себя, предсказанный М. Серром?

Наконец, следует обратить внимание на два употребления предлога *с помощью* в последнем предложении примера (12). Первое — вполне соответствует нормам русского языка и находит соответствие во многих текстах, где речь идет о цифровых технологиях и электронных устройствах (подобных тем, которые мы рассматривали выше): *люди будут делать что-то с помощью вещей* (отношения «активный личный субъект — инструмент»). Ср.:

(13) *Ученые смогли продемонстрировать, что с помощью портативного микроскопа на базе смартфона можно обнаруживать небольшие фрагменты ДНК в сыворотке крови.*

Предлог *с помощью*, согласно мнению Т.Ф. Ефремовой [2000], употребляется «при указании на что-л., пользуясь чем производится какое-л. действие; при помощи чего-л., посредством чего-л.».

Второе употребление предлога *с помощью* в примере (12) ощущается носителями русского языка как не вполне правильное: **Компьютеры станут нейроморфными с помощью гибридных цифроаналоговых архитектур*. Правильно было бы сказать так, чтобы субъектом действия был человек:

(14) *С помощью гибридных цифроаналоговых архитектур будут созданы нейроморфные компьютеры.*

В том же варианте, который представлен в тексте, *стать нейроморфным* выглядит как активное, целенаправленное действие компьютеров.

Возможно, это результат использования при создании данного текста некоторого англоязычного первоисточника, что характерно для подобных документов в нашей современной действительности. Но тем более интересно использование доступных в русском языке синтаксических техник затемнения и подмены субъектных позиций в соответствии с коммуникативной целью авторов, которые таким образом снимают с себя ответственность за описываемые процессы, представляя изменения как естественный ход вещей, не подвластный воле человека. Предметы действуют и процессы развиваются самостоятельно, оставляя деиндивидуализованному до неназванности личному субъекту пассивную роль наблюдателя и покорного потребителя неотвратимых перемен. Девочке с пальчик предлагается то самое «взаимослияние», о котором пишет Серр, только уже с машиной. Отказавшись от «глашатая на трибуне» и «гласа книги», она получила взамен голоса цифровых невидимок и имеет все шансы превратиться в ту самую лейбницевскую монаду виртуального мира, о которой провидчески писал еще в 1997 году американский философ М. Хейм в книге «Метафизика виртуальной реальности» [Heim, 1997].

И снова возникает вопрос о степени специфичности рассмотренного документа и обнаруженных нами в нем языковых черт. Некоторые из них вызывают ассоциации с советским политическим дискурсом, проанализированным в известном исследовании П. Серию, посвященном речам Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева [Серио, 1999б]. Обилие свернутых предикаций (номинализаций) Серию называл в качестве одной из основных черт этого дискурса. Причину высокой частотности номинализаций Серию видит в общей тенденции такого «способа оперирования языком» и стоящего за ним «ментального мира» к обобщенности, неопределенности и переложению ответственности. Присоединяясь к высказанно-

му Серию положению о том, что особое использование языка влечет активизацию некоторых его черт и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики, мы бы хотели указать на две вещи. Во-первых, на существенное различие между дискурсом, исследованным Серием, и интересующими нас текстами, касающееся их субъектной структуры. Во-вторых, на тот факт, что использование свернутых предикаций (номинализаций) в русском тексте ни в коей мере само по себе не определяет характеристики субъектного плана этого текста — все зависит от того, эксплицированы ли субъекты этих предикаций одним из возможных в русском языке способов. Ср. *родители ссорятся — ссора родителей, родительская ссора, ссора отца с матерью, ссора между родителями, ссора у родителей (произошла неожиданно)*. Возможность называть или не называть субъект свернутой предикации — в руках говорящего, и мы полагаем, что тенденция к неэксплицированности субъекта не сближает тексты о нейротехнологиях и цифровизации, подобные рассмотренным нами, с советским партийно-государственным дискурсом, а напротив — радикально отличает их от него.

Речи советских партийных лидеров, как и весь советский партийный и государственный дискурс той поры, конструировали «ментальный мир», державшийся на двух важнейших идеологемах — именно субъектного плана: а) руководящая роль партии и лично ее лидеров, что отразилось в известном лозунге «Партия — наш рулевой» и превращении формулировки «и лично Леонид Ильич Брежнев» в прецедентный текст (не случайно именно такое название получил фильм, выпущенный журналом Л. Парфеновым к 100-летию Брежнева); б) полярное восприятие мира по принципу «свой — чужой» (как во внешней, так и во внутренней политике). На полюсе «свой» — трудящиеся под руководством Коммунистической партии и наши друзья в других странах, на полюсе «чужой» — так называемый «мировой империализм», «расхитители социалистической собственности» и прочие «враждебные» субъекты. Мир, построенный на таких идеологемах, не может не быть насквозь субъектен, даже в текстах, наполненных номинализациями. Об этом говорят примеры, приводимые самим Серием, как например:

(15) *Политическая и организаторская работа партии в массах, самоотверженный труд советского народа обеспечили дальнейший рост экономики страны и повышение благосостояния советских людей* (Л. И. Брежнев — цит. по: [Серие, 1999б, с. 358]).

(16) *Советский народ своим трудом и героической борьбой под руководством партии добился больших успехов в социалистическом строительстве* (Н. И. Хрущев — цит. по: [Серие, 1999б, с. 349]).

(17) *Бдительно несут службу по разоблачению и пресечению происков империалистических разведок и их агентуры органы государственной безопасности, наши славные пограничники* (Л. И. Брежнев — цит. по: [Серио, 1999б, с. 347]).

Из пяти предикативных единиц в примере (15) три имеют выраженного личного субъекта (*работа партии, труд народа, благосостояние людей*). Из пяти предикативных единиц в примере (16) при четырех субъект эксплицирован (*народ добился успехов, своим трудом и борьбой, руководство партии*), субъект пятой (*строительство*) определяется однозначно из синтаксической конструкции и фоновых знаний (добиться успехов можно только в том, что ты делаешь). Субъекты всех четырех предикаций в примере (17) названы, причем весьма характерным для советского политического дискурса способом. Номинации противостоящих сторон продублированы: *разведкам и их агентуре* противостоят *органы госбезопасности и славные пограничники*. Вряд ли можно говорить, что здесь происходит сокрытие или обобщение деятеля, скорее, его подчеркивание, высвечивание. В случаях, когда личные субъекты отсутствуют, они, как правило, легко восстанавливаются на основе ценностной окраски свернутой предикации — позитивной или негативной — в проекции на знакомую всем адресатам текста парадигму «свой — чужой»: все хорошее делают свои, плохое — чужие.

Сравним примеры (15) — (17) с примерами (11) и (12). Значимое отсутствие личного субъекта в последних по сравнению с первыми очевидно: в потоке номинализаций «растворились» деятель, «глашатай», бенефициар. Обезличенный гул, о котором пишет М. Серр, выросшая Девочка с пальчик перенесла из студенческой аудитории в документы, с помощью которых она намерена творить новый мир.

Выводы

Можно заключить, что наличествующие в языке средства организации субъектной перспективы текста, главными из которых являются номинация и предикация, способны не только отражать понимание автором текста текущего состояния мира и происходящих в нем изменений — они могут использоваться интерпретатором (независимо от воли говорящего) для декодирования желаемого автором мира. «Особое использование» свернутых предикаций с неназванным субъектом, неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций, приписывание неличным субъектам предикатов действия, ментального и эмоционального состояния, наделение самостоятельностью и интенциональностью «умных» вещей и сетевых технологий, соответствует

современной тенденции к обобщенности, неопределенности акциональной позиции личных субъектов и «отказу от ответственности», к манипулированию виртуальными сущностями. Важно, что языковыми инструментами конструирования «ментальных миров», обладающих перечисленными свойствами, не могут быть отдельно предикаты (их семантика и формы) и компоненты предложения с субъектным значением (их семантика и формы, в том числе «нулевые»), а только их комбинации, например: личный субъект — названный или не названный — и акциональный предикат, предметный субъект и акциональный предикат, имя процесса и акциональный предикат, личный субъект и неакциональный предикат и т. п.

Отмеченные синтаксические техники «совпали» с движением к цифровизации общества и межличностному отчуждению, сопутствующему ей. При этом мы наблюдаем два взаимонаправленных процесса. Одни и те же языковые средства и приемы построения текста одинаково хорошо служат и обезличиванию, развоплощению, инволютивизации личного (человеческого) субъекта, и в то же время обособлению от него, активизации и персонализации «умных» вещей и сетевых технологий, если в интенцию говорящего входит построение обладающей соответствующими характеристиками «новой реальности».

Библиографический список

- Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1844. URL: http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1844_o_prepodavanii_olderfo.shtml
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М., 2000.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса современного русского языка. М., 1973.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г. А. О чем говорит предложение? // Мир русского слова. 2005. № 3–4. С. 58–61.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999а. С. 12–53.
- Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999б. С. 337–384.
- Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М., 2001.
- Сидорова М. Ю. Неопределенно-личность в поэтике Чехова // Gramatyka a Tekst. Katowice, 2011. Вып. 3. С. 110–115.

Сидорова М. Ю., О Чжон Хюн. Система субъектов в лирической поэзии — ключ к инвариантным смыслам художественного мира автора // *Филология и человек*. 2014а. № 3. С. 36–46.

Сидорова М. Ю., О Чжон Хюн. Система субъектов как основа для моделирования поэтического мира (на примере лирики Булата Окуджавы) // *Структуры и функции: исследования по русистике*. 2014б. Т. 1. № 2. С. 46–67.

Сломан С., Фернбах Ф. Иллюзия знания: почему мы никогда не думаем в одиночестве. М., 2017.

Halliday M. A. K. Linguistic function & literary style: An inquiry into the language of William Golding's *The Inheritors* // Seymour Chatman (ed.). *Literary style: a symposium*. New York, 1971. P. 330–368.

Heim M. *The Metaphysics of Virtual Reality*. New York, 1993.

Levelt W. J. M. *Speaking: From Intention to Articulation*. Cambridge, MA, 1989.

Источник

Серр М. *Девочка с пальчик*. М., 2012.

References

Buslaev F. I. *O prepodavanii otechestvennogo yazyka*. [On teaching mother language]. Moscow, 1844. URL: http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1844_o_prepodavanii_oldorfo.shtml.

Efremova T. F. *Novyj slovar russkogo yazyka*. [Ney dictionary of Russian]. Moscow, 2000.

Zolotova G. A. *Ocherk funkcionalnogo sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Description of functional syntax of Russian]. Moscow, 1973.

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, 1982.

Zolotova G. A. *O chem govorit predlozhenie?* [What does a sentence talk about?]. In: *Mir russkogo slova*. [The world of Russian word]. 2005. No. 3–4. P. 58–61.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. [Communicative grammar of Russian]. Moscow, 1998.

Sériot P. *Kak chitayut teksty vo Francii*. [How we read texts in France]. In: *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa*. [Squaring the sense: the French school of discourse analysis]. Moscow, 1999a. P. 12–53.

Sériot P. *Russkij yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizacij*. [The Russian language and the analysis of Soviet political discourse: analysis of nominalizations]. In: *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola*

analiza diskursa. [Squaring the sense: the French school of discourse analysis]. Moscow, 1999b. P. 337–384.

Serres M. *Devochka s palchik*. [Petite Poucette]. Moscow, 2012.

Sidorova M. Yu. *Grammatika hudozhestvennogo teksta*. [The grammar of fiction]. Moscow, 2001.

Sidorova M. Yu. *Neopredelenno-lichnost v poetike Chekhova*. [Indefinite personality in Chekhov's poetics]. In: *Gramatyka a Tekst*. [Grammar and text]. Katowice, 2011. Iss. 3. P. 110–115.

Sidorova M. Yu., O Chzhon Hun. *Sistema subjektov v liricheskoj poezii — klyuch k invariantnym smyslam hudozhestvennogo mira avtora*. [The system of subjects in lyrical poetry as a key to invariant ideas of the author's fictional world]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2014a. No.3. C. 36–46

Sidorova M. Yu., O Chzhon Hun. *Sistema subjektov kak osnova dlya modelirovaniya poeticheskogo mira (na primere liriki Bulata Okudzhavy* [The system of subjects as the basis for modelling of the poetic world (in B. Okudzhava's lyrics)]. *Struktury i funkcii: issledovaniya po rusistike* [Structures and functions: studies in Russian linguistics]. 2014b. T. 1, No. 2. S. 46–67.

Slooman S., Fernbach F. *Illyuziya znaniya: pochemu my nikogda ne думаем в одиночестве*. [The Knowledge Illusion: Why We Never Think Alone]. Moscow, 2017.

Halliday M. A. K. *Linguistic function & literary style: An inquiry into the language of William Golding's The Inheritors*. Seymour Chatman (ed.). *Literary style: a symposium*. New York, 1971. P. 330–368.

Heim M. *The Metaphysics of Virtual Reality*. New York, 1993.

Levelt W. J. M. *Speaking: From Intention to Articulation*. Cambridge, 1989.

Source

Serre M. *Girl with a finger*. Moscow, 2012.

БЫТОВАЯ ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ КАК ПРИЗНАК ПРАВОПИСНОЙ СИТУАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Н. В. Николенкова

Ключевые слова: русский письменный язык начала XXI века, орфографические и пунктуационные нормы.

Keywords: Russian written language of the beginning of the XXI century, spelling and punctuation norms.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–03

Во время объявления результатов ЕГЭ в июне 2021 года в прессе появилась новость: юная фигуристка, сдав русский язык на 100 баллов, выложила эту информацию в социальную сеть, сопроводив комментарием: «Я даже не знаю как это комментировать. Стобальница получается»⁶. Конечно, реакцией на это стало обсуждение пользователями сети общей безграмотности молодежи и необходимости отменить «экзамен-угадайку» (многие по-прежнему уверены, что ЕГЭ — это тест, где ставят галочки). Были и те, кто, жалея девочку, писал «не постаралась, не провела, волновалась». Для автора же статьи эта ситуация стала иллюстрацией для рассуждений о современной правописной ситуации и о содержании понятия «грамотный человек» сегодня.

Если совсем кратко и поверхностно обратиться к истории образования и грамотности в России в период XIX–XX веков, то можно нарисовать такую картину. В XIX — начале XX века четко разделялись грамотные носители языка (они умели и читать, и писать, знали правила правописания) и безграмотные, не обладающие данными навыками. При этом выделялась прослойка малограмотных людей, к примеру потребители лубочных текстов [Плетнева, 2013, с. 30–35], которые знали буквы и умели прочитать текст, при этом не требуя соблюдения в последнем всех правописных норм и правил. В процессе ликвидации безграмотности в Советской России и далее в СССР в первую очередь ставилась задача расширить прослойку малограмотных — обучить навыкам чтения текстов как можно большее число взрослых людей. Малограмотный человек, окончивший ликпункт, должен был знать буквы, минимальный объ-

⁶ [https://www.championat.com/figureskatin ...](https://www.championat.com/figureskatin...) =copypaste

ем правил, уметь читать ясный печатный и письменный текст и при необходимости написать собственный — сделать записи для обыденной жизни и для служебной необходимости.

Одновременно по отношению к детям в СССР была достаточно быстро поставлена амбициозная задача — перевести их всех в разряд грамотных, чему способствовала семилетка, восьмилетка и далее десятилетка обучения в школе. По мере роста таких грамотных людей (получивших знания о правилах правописания и сдавших экзамен по русскому языку) среди них стали выделяться еще и высокограмотные — люди, продолжающие и после окончания школы заниматься деятельностью, связанной с необходимостью читать и писать, и следующие при этом правилам орфографии и пунктуации. Официально грамотными считались все, кто закончил школу; уже послевоенное население СССР можно называть обществом грамотных людей. Но, конечно, с задачей сделать всех выпускников школ высокограмотными не смогло справиться и советское образование — среди выпускников были и отличники, и троечники, среди последних значительную часть составляли те, кто во взрослой жизни писал крайне редко и с ошибками (вспомните, как Леднев из «Большой перемены» разочаровал директора при попытке написать заявление). Однако человек, не связанный с интеллектуальной деятельностью, имел шанс проявить свою грамотность лишь в области официальных заявлений и писем или открыток родственникам и друзьям.

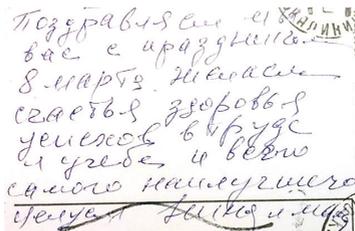
Насколько грамотными были эти письма? Давайте приведем примеры: *«Мама если будут принимать пошли мне мама чеснока или луку. ... Мама опиши жизнь у вас т. е. в Улан-Удэ... Мама как работаешь на старом месте истопщиком или на дрова тебя перевели.»*⁷. Это отрывки из письма Михаила Турошева — погибшего на фронте молодого солдата. Изучая его биографию, журналисты обнаружили, что он на «отлично» окончил школу, потом учился в ФЗУ. Восемнадцатилетним ушел на фронт. Публикуя письма, журналисты, конечно, расставили запятые, но в реальных письмах их нет. Таким образом, грамотный выпускник советской школы, отличник, вполне мог делать ошибки в частном письме.

Другой пример — текст из поздравительной открытки 1980-х годов: *«Кеши — сохранить то мастерство, которого достигли его руки, если конечно это не предел и он может его совершенствовать, хотя на наш*

⁷ <https://ulan.mk.ru/social/2021/05/09/soldat-turoshev-s-fronta-v-ulanude-mama-pobespokeyusa-o-sebe-proday-tam-shmutki.html>. К счастью, публичного обсуждения ошибок в письмах молодых солдат — участников Великой Отечественной войны — нам пока встречать не приходилось.

взгляд это вершина»⁸. Как видим, и здесь нет соблюдения правил пунктуации, хотя очевидно, что среднее образование у автора есть.

Отсутствие знаков препинания наблюдаем и здесь (рис.).

Текст на открытке из семейного архива автора

Автор поздравления принадлежит к предвоенному поколению (1936 г. р.), имеет полное среднее образование, однако мы видим, что с выполнением простого правила пунктуации есть сложности. Отсутствие орфографических ошибок в таких открытках объясняется стандартностью содержания, ведь 4–5 раз в году массово рассылались одинаковые поздравления — пожелания счастья, здоровья, успехов, менялось лишь название праздника. Но такой не самый высокий уровень грамотности оставался в XX веке частным делом семьи и ближайшего окружения.

Если обратиться к более ранним периодам истории русского языка, то в первую очередь необходимо отметить невозможность соотнести понятие «грамотный» тогда и сегодня. Исторические словари фиксируют лексему «грамотный» со значением «образованный» [СЛРЯ XI–XVII, 1977, с. 121], однако понятно, что это отнюдь не современное значение «пишущий в соответствии с правилами». Сами правила — орфографические каноны — появятся лишь в грамматических руководствах XV–XVI веков и потом в грамматиках церковнославянского языка конца XVI–XVII веков. До этого древнерусские писцы в отражении орфографических норм следуют образцам. Кроме того, для раннего периода древнерусской письменности используется понятие «бытовая орфография» — для характеристики орфографии частной переписки и некоторых других документов и надписей [Зализняк, 2004, с. 21]. Бытовая орфографическая система по целому ряду параметров противопоставлена стандартной — в том числе отражает особенности произношения, что делает такие тексты бесценным материалом для изучения истории русского языка.

⁸ <https://zen.yandex.ru/media/oskanov/pochital-otkrytki-iz-80h-glaza-na-mokrom-meste-kakie-byli-liudi-60a6c7f11b112a2f54d51d55>

Значение «знающий грамоту, наученный грамоте» фиксируется с XVIII в. [СЛРЯ XVIII], причем Словарь Академии Российской противопоставляет прилагательные «грамотный» («знающий грамотѣ, ученый, просвѣщенный чтениемъ») и «безграмотный», то есть «неумѣющий, неучившійся читать и писать» [Словарь Академии Российской, 1789–1794, II, с. 318].

Прилагательное «малограмотный», по данным [НКРЯ], начинает употребляться лишь в начале XIX века⁹, одним из первых зафиксированных примеров будет: «*Ныне умники пишут: в старину только говорили; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно*» (Карамзин. История государства Российского, т. 5) [НКРЯ]. Значением, вероятно, следует считать «обладающий небольшим числом грамотных носителей». Значение «неумело, с трудом пишущий и читающий» появляется в 30-х годов XIX века, но особенно активно использование прилагательного с таким значением отмечено в конце XIX и в первой половине XX века¹⁰. Имеет «малограмотный» и словарную фиксацию: так, Д. Н. Ушаков определяет его в первом значении как «недостаточно грамотный, плохо пишущий и читающий; необразованный» [Ушаков].

Таким образом, необходимо говорить об эволюции понятия «грамотный» в истории русского языка: в период до появления грамматических руководств это «умеющий писать, знающий грамоту» — причем проявление этой грамотности возможно на разном уровне (от бытового письма до следования образцовым текстам). Постепенно под «грамотным» начинают понимать того, кто владеет орфографическими, а далее и пунктуационными нормами и отражает их в своих письменных сочинениях; возникает необходимость указания на «малограмотность» — для тех носителей языка, которые не владеют всей полнотой правописных норм. Постепенно, с середины XX века (при введении всеобщего среднего образования) под грамотным понимается человек, получивший

⁹ https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&lex1=%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9&g=i_doc&dpp=10&spp=50&text=lexgramm&kwsz=5&gramm1=A%2C%28nom%7Cgen%7Cdat%7Cacc%7Cins%7Cloc%29%2C%28sg%7Cpl%29%2C%28m%7Cf%7Cn%29&level1=0&p=29&mode=main&parent1=0&sr=1&spd=10&sem-mod1=sem&nodia=1&out=normal

¹⁰ https://processing.ruscorpora.ru/graphic.xml?spp=50&text=lexgramm&kwsz=5&level1=0&endyear=2019&sem-mod1=sem&spd=10&out=normal&smoothing=3&nodia=1&sort=i_grtagging&startyear=1800&gramm1=A%2C%28nom%7Cgen%7Cdat%7Cacc%7Cins%7Cloc%29%2C%28sg%7Cpl%29%2C%28m%7Cf%7Cn%29&graphic_from_result=1&lang=ru&lex1=малограмотный&g=i_doc&dpp=10&sr=1&p=29&mode=main&parent1=0

образование и владеющий знаниями правописных норм языка, а малограмотным воспринимается человек, не способный отразить полученные знания в своих письменных текстах. Одновременно, как нам кажется, растет необходимость в использовании лексемы «высокограмотный» — для характеристики тех носителей языка, кто стремится к регулярному использованию орфографических и пунктуационных (а также и иных норм) в собственных текстах¹¹. Однако прилагательное «высокограмотный» в толковые словари не попадает¹².

Современные толковые словари под одним значением прилагательного «грамотный» фиксируются сразу три варианта: '1) умеющий читать и писать'; 2) 'умеющий писать грамотно, без ошибок'; 3) 'не содержащий грамматических и стилистических ошибок, соответствующий нормам литературного языка'¹³. Очевидно, что условно выделенный нами вариант значения (3) и соответствует сегодня понятию «высокограмотный». Такой носитель в любом письменном тексте стремится следовать известным ему правилам, при этом как представитель полнофункционального типа речевой культуры он понимает функционально-стилевую дифференциацию литературного языка и способен пользоваться тем или иным стилем [Сиротинина, 2005, с. 209], а также разными графико-орфографическими вариантами (скажем, использовать языковую игру на графическом уровне).

Начало XXI века привело к существенным изменениям: письменная форма языка, которая была еще 50 лет назад ограниченной для большинства носителей, стала основной. Распространение социальных сетей, блогов, мессенджеров и общения при помощи СМС делает обращение к письменной форме более частотным, чем за все предшествующие эпохи¹⁴. Определение «умения читать и писать» становится неактуальным — ведь даже не начинающие еще обучение правилам дошкольники

¹¹ Это связано и с общей культурой речи. Во многом наше представление о высокой степени грамотности коррелируется с введенным О. Б. Сиротиной определением носителя полнофункционального типа речевой культуры [Сиротинина, 2005].

¹² По данным ресурса <https://rus-academic-dict.slovaronline.com>.

¹³ <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=грамотный>; значения в словаре даны под одним номером, разделение наше (Н. Н.).

¹⁴ Хотя нельзя не сравнить ее с ситуацией Древнего Новгорода XI–XIV веков, когда выучивший буквы человек мог создавать письменные документы бытового, частного характера, не стремясь к выполнению норм текста стандартного регистра.

могут обладать таким уровнем грамотности¹⁵. По мере изучения предмета «Русский язык» в школе происходит коррекция тех естественных навыков письма, которыми многие дети уже овладели¹⁶. Постепенно условно выделенное нами значение (1) переходит в значение (2) — школьники начинают писать грамотно, без существенных ошибок. Однако используют это умение школьники в первую очередь (а иногда и только) на уроках русского языка; соблюдение полного набора правил в соцсетях ими, конечно, востребовано в меньшей степени.

Необходимо сегодня вспомнить о таком понятии средневековой письменности, как пирамида (или иерархия) текстов [Толстой, 1988, с. 69–70], когда характер оформления (в том числе орфографического) в ранние периоды развития языка был напрямую связан с жанром. Вершину пирамиды составляли произведения, опирающиеся на стандарты для письменного (церковнославянского) языка. По мере движения к низу пирамиды нормы перестают быть строгими, растет вариативность; самый низ пирамиды — бытовые тексты, в которых задача соблюдения норм не ставится. Для их авторов главная задача — обеспечить передачу информации адресату.

Очевидно, что сегодня мы возвращаемся в такую же ситуацию. Выстроена целая иерархия письменных текстов, в которой необходимо то или иное следование правописным нормам. Попробуем представить эту современную пирамиду хотя бы частично.

1. Вершиной пирамиды, безусловно, являются словари, грамматики, справочники и учебники русского языка. Необходимость выполнения в них всего объема орфографических и пунктуационных норм востребована обществом. При этом у носителей языка есть запрос на консервативную подачу в них и других норм русского языка (с этим связано возмущение, что филологи «меняют нормы» — фиксируют «кофе» не толь-

¹⁵ Надо отметить, что в определенной степени им становится доступно и понятие «орфографическая норма». Так, выучивший буквы дошкольник легко читает вывеску «АП-ТЕКА» и видит, как ему кажется, ошибку в вывеске «ОПТИКА». Приводя этот пример на лекциях по русскому языку и культуре речи у студентов разных специальностей, автор статьи много лет срывает аплодисменты — подавляющее большинство сидящих в аудитории вспоминают этот детский опыт.

¹⁶ Хочется сделать небольшое замечание методического характера. Сегодня в младшей школе распространена система, при которой орфография связана с фонетикой (критике этого подхода была когда-то посвящена статья [Николенкова]), этот фонетический метод обучения письму используется в большинстве пособий для начальной школы. Как нам кажется, необходимо работать над изменением этой методики. Фонетические написания (типа «йожык», которого любят приводит в пример мамы-блоггерки) дети могут использовать и до начала обучения в школе — и их сообщения понимают взрослые. Возникает вопрос, зачем необходимо отказывается от них и разучивать нормативный вариант «ежик».

ко в мужском, но и в среднем роде; есть негативная реакция на включение в словари русского языка новых заимствований — «*ресепшен, ре-тейл, профайлинг*» и т.д.).

2. Письменные задания по русскому языку. При их выполнении ставится задача получить как можно более высокий балл, сдающему необходимо знать весь объем правил, который проверяется на контрольной/ ОГЭ/ ЕГЭ.

3. Тексты научного содержания, энциклопедии (в том числе электронные), учебники по школьным дисциплинам. Любая орфографическая ошибка в них, особенно в учебниках, может стать материалом для обвинительного блога возмущенных родителей¹⁷. В этом случае у взрослых срабатывает еще и эффект графического узнавания слова [Голев, 1997, с. 134]. Пунктуационные ошибки реже бывают предметом обсуждения.

4. Художественная литература. В 1990-е годы многие частные издательства отказались от услуг редакторов и корректоров, но сегодня даже для литературы массовой (детективы и любовные романы) редакция необходима. Конечно, тщательное выполнение всех правописных норм в сочинениях Дарьи Донцовой или Александры Марининой не проверяется их читателями, но издательства заинтересованы в грамотной продукции, поэтому книги проходят корректорскую проверку (даже недавние решения кодификаторов отражены достаточно последовательно), но в пунктуации мы отмечаем ошибки в наиболее сложных случаях.

5. СМИ. На этом уровне происходит перераспределение отношения пишущего (и части читающих) к орфографическим и пунктуационным нормам. В отношении первых сохраняется требование к их строгому соблюдению (написание «гиена» вместо «геенна» вполне может сопровождаться гневными комментариями), но в отношении вторых носители языка менее строги и могут не замечать пропуски запятой после причастного оборота или между частями сложного предложения. Происходит расшатывание пунктуационных норм — и этому невольно помогают сами филологи, изучающие это как «новые тенденции» (к примеру, употребление тире вместо кавычек) в публицистике¹⁸.

6. Форумы, блоги. Здесь соблюдение элементарных орфографических и пунктуационных норм выступает в качестве одного из требований к авторам. Неграмотность участники сразу отмечают и критику-

¹⁷ Из сети (примеры, найденные родителями): «Прочитайте текст. Спешите», «серебрянный рожок» (литература, начальная школа); «я верю в благородность» (история, средняя школа); «все мы были в Зоо-парке» (окружающий мир).

¹⁸ Эти вопросы рассматриваются во многих статьях, останавливаться на этой проблеме в статье мы не будем.

ют, при этом основное внимание приковано, например, к употреблению «не» с глаголами, безударным гласным в корнях, путанице «тяться/тяться», отсутствию запятых перед придаточными или лишнему их употреблению между подлежащим и сказуемым. По комментариям можно с уверенностью определить, каково требование пишущих к минимальному уровню грамотности письменной речи. К более сложным случаям (к примеру, однородные придаточные или написание наречий) читатели обычно более благосклонны.

7. СМС-переписка и переписка в мессенджерах. Тут и адресант, и адресат начинают игнорировать правописные нормы. Задача — как когда-то у авторов берестяных грамот — донести информацию. Нарушаются не только пунктуационные нормы, но и орфографические, причем последние часто намеренно. В этом пласте текстов активизируется еще и возможность языковой игры, при этом иногда вывод об ошибке или намеренном искажении можно сделать только при близком знакомстве с автором. Особенно частотны случаи «фонетической» передачи языковой единицы (*ваще, щас, штоп* и подобное). Фактически эти тексты являются сегодня новыми «берестяными грамотами», а лингвистические признаки их вполне сопоставимы (например, синтаксическая структура). Е. И. Литневская рассматривает эти тексты (а также чаты) как письменную форму разговорной речи, отмечает приближение графической формы слов к звуковой [Литневская, 2011, с. 131].

Сегодняшнюю правописную ситуацию многие грамотные — в значении (2) — люди воспринимают как катастрофическую, вина в тотальной безграмотности условной молодежи (возраст варьируется) интернет и соцсети (то есть тексты низшего уровня условной пирамиды). Действительно, просматривая те же блоги в ЯндексДзен, можно убедиться в более высоком уровне грамотности людей старшего поколения. Авторы допускают ошибки — точно так же, как допускали их представители поколения 40–80-х годов. Но, как нам кажется, категория 35+ по-прежнему следует базовой модели XX века: в письменном тексте необходимо следовать нормам русского языка, необходимо выполнять орфографические и пунктуационные правила, пусть и на элементарном уровне.

Иное представление о письменном тексте вырабатывается у поколения начала XXI века. Система современного образования позволила вклиниться в пирамиду жанров письменным тестам, которые не требуют соблюдения правописных норм. Появились экзамены, при написании которых выполнение этих норм оказывается факультативным. К примеру, итоговое сочинение (допуск к ЕГЭ) имеет такой критерий: «Незачет» ставится при условии, если на 100 слов в среднем приходится

в сумме более пяти ошибок: грамматических, орфографических, пунктуационных¹⁹. Желательный объем этой работы — 350 слов. Таким образом, сделавший 17 ошибок выпускник вполне проходит по этому критерию²⁰. Не снижают оценку за неграмотность и в ЕГЭ по другим предметам школьной программы²¹.

Получается, что новая образовательная система показывает, что грамотность и следование нормам орфографии и пунктуации нужны только в одном случае — если вы пишете экзамен по русскому языку. Можно сформулировать и иначе: если за нее (грамотность) ставится какой-то балл. Все остальные создаваемые письменные тексты подчинены любым другим задачам, кроме следования правописным нормам. Целью школьников (а сегодня и студентов) оказывается лишь содержание и «проявление индивидуальности». И в этом отношении создаваемый письменный текст для них не отличим от записи в соцсети.

Результатом становится стремительное распространение «бытовой орфографии» и пунктуации на все больший круг текстов. Вот примеры из эссе на свободную тему, созданных старшеклассниками, прошедшими отбор в престижный московский лицей: *и тадалеие, из-за дня вдень, рыба клювала на нажыфку, не спро ста, имоцьи, иммедж, лижбы...* И дело не в безграмотности — те же школьники абсолютно правильно вставляют буквы и расставляют знаки препинания в традиционных заданиях по русскому языку. Для них письменное эссе — не повод следовать нормам, они делают упор на содержании. Примеры из работ по дисциплине «Русский язык и культура речи» первокурсников одного из гуманитарных факультетов МГУ с высоким проходным баллом (подавляющее большинство сдало ЕГЭ на 86+): *фармерование, палит-техналогии, лидеры Фракции, свое нравность...*²² Абсолютно та же «бытовая систе-

¹⁹ <https://ctege.info/itogovoe-sochinenie-2020/kriterii-itogovogo-sochineniya-2019-202.html>

²⁰ Автор давно оценивает многие задания на ОГЭ/ЕГЭ через сопоставление с русскими сказками. Так вот, в сказке «Колобок» 436 слов. Можно сделать 23 ошибки.

²¹ В традиционной системе экзамены были устными или имели устную и письменную части. Отвечая на билет по физике или химии, выпускник/поступающий должен был все же формулировать свои мысли так, чтобы их понял преподаватель. Да, за орфографические ошибки в решении задачи отметку не снижали никогда, но письменное сочинение — в том числе на «свободную» тему — предполагало обязательную оценку по русскому языку. Сегодня даже на ЕГЭ по литературе это перестало быть обязательным требованием. Многие поступающие на филологический факультет абитуриенты искренне удивляются, когда узнают, что в сочинении — экзамен по литературе — им снижена оценка из-за ошибок.

²² Примеры собраны автором, преподающим дисциплину «Русский язык и культура речи» на разных факультетах МГУ имени М. В. Ломоносова.

ма» распространяется в блогах и СМИ: «А. Попова оказалась не удел»; «Меньше колорий, больше воды» и т.д.

Для исторической грамматики русского языка ошибки подобного рода дают возможность реконструировать личность пишущего. Приведенные нами ошибки также позволяют сделать лингвистические наблюдения и определить некоторые признаки «бытовой» правописной системы начала XXI века. Во-первых, снижение начитанности приводит к невозможности для многих воспроизвести графический облик слов — кроме тех, которые регулярно встречаются в учебниках по русскому языку (в традиционных заданиях на вставку пропущенных букв). Во-вторых, у многих «звучание» слова (или комбинации слов) не соотносится с их структурой (иногда не понимается смысл слова/выражения), что несет за собой их произвольное графическое оформление; в результате в «бытовой орфографии» начала XXI века происходит резкое увеличение числа фонетических написаний. Низшие уровни пирамиды жанров вполне допускают варианты «*цас/з, што, ваще*»²³, поэтому пишущие некритически переносят их в тексты других уровней (можно реконструировать примерно такой процесс: я слышал слово/выражение, не очень точно понимаю его значение, поэтому пишу так, как произношу²⁴).

К правилам, разрушающимся в «бытовой орфографии» на наших глазах, можно отнести следующие: 1) путаница «с/з» в приставках; некоторые орфографисты воспринимают это как «динамическое явление», тенденцию к «фонологическому написанию приставок на -3» [Григорьева, 2019, с. 112–113], нами же это воспринимается как безразличие к правилу; 2) слитное или раздельное написание наречий и служебных слов: «*на обум*» и «*по настоящему*», «*помоему*» и «*сызнанки*», регулярно слитное «*тоже*» и более частотное вне связи со значением «*не даром*»²⁵; 3) отказ от знака «дефис» («*бело сине красный*», «*из синя черный*») или, на-

²³ Подобные примеры частотны в современной художественной литературе, а некоторые написания зафиксированы в орфографических словарях, например «*тыща, тыщ*» в РОС (<http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&re=x&word=тыща>). Тенденцию фиксировать разговорные и просторечные написания в словарях автор статьи считает вредной и опасной, особенно в свете разбираемой проблемы.

²⁴ Это серьезная причина для категорического отказа от фонетического метода обучения письму в младшей школе.

²⁵ В этом случае вина почти полностью лежит на авторах ЕГЭ. По правилам заполнения бланков, ответ пишется без пробелов, к примеру так: впоследствиитакже (<https://4ege.ru/russkiy/59243-zadanie-14-ege-po-russkomu-yazyku.html>). Как вообще можно было допустить неграмотную запись в ответах по русскому языку? Ведь «втечение» оказывается на экзамене написано таким же образом!

оборот, тенденция к избыточному употреблению («*лишь-бы*», «*что-бы*», «*пусть-бы*»).

Пунктуационные нормы разрушаются в бытовой правописной системе еще стремительнее. Достаточно сравнить переписку в мессенджерах взрослых и молодежи: если человек 35+ строит полные фразы, расставляет в соответствии со своими умениями знаки препинания, то более молодое поколение уже давно переписывается «столбиками» из фрагментов фраз, не имеющих синтаксического оформления в виде предложения. Вот типичный пример (из переписки автора с дочерью): «*бепантеном помажь/ он на полке/ где йод/ или роликом/ я его на столе оставила/ и не расчесывай/ через полчаса легче будет*». Там, где мы бы готовы написать одно сложное предложение («*надо намазать мазью, которая на полке с йодом, или роликом, который у меня на столе лежит, и не расчесывать*»), девушка 22 лет создает 7 отдельных сообщений, не нуждаясь в пунктуационном оформлении каждой части. При конструировании сложного предложения (в силу необходимости использовать подобное в эссе или реферате) пропускаются не только знаки конца предложения/ оборота, но и вообще знаки препинания (или расставляются произвольно: «*Для меня, важным событием, было то что я выиграл конкурс...*»²⁶).

Повторю сказанное выше: те же самые школьники, что создают «и тагдалие», вполне могут выполнить типичное задание по русскому языку на отличный результат. Точно таким же разовым проявлением грамотности для большого количества людей разного возраста становится участие в акции «Тотальный диктант», получение «пятерки» — повод погордиться собой, выложить результат в соцсеть, убедиться, что не забыл школьную программу, но отнюдь не повод все создаваемые тексты писать без ошибок. Было бы интересно найти и проанализировать записи «отличников» тотального диктанта в соцсетях — интересная тема для дипломной работы.

Фактически сегодня надо говорить о том, что складывается новое значение у слова «грамотный» — это «*умеющий/способный написать текст, следуя правилам русской орфографии и пунктуации*». Такое умение у одних людей появляется всегда (они же носители полнофункционального и неполнофункционального типов речевой культуры [Сиротина, 2005]), у других — по мере надобности. Но ситуация, когда определенный уровень правописной грамотности нужен, будет встречаться все реже — ведь фигуристка, с которой мы начали размышления, уже

²⁶ Из эссе старшеклассника.

получила свои 100 баллов, а необходимость их подтвердить возникнет у нее нескоро.

Размышляя над вопросами кодификации орфографических норм, А.Д. Шмелев предпочитает опираться не на «грамотных», а на «образованных» людей: «при кодификации норм нельзя опираться исключительно на узус, даже на узус образованных носителей языка» [Шмелев, 2021, с. 7]. Вспоминается диалог Паратова и Карандышева, когда последний не желает учиться у бурлаков русскому языку, ибо относит себя к числу «образованных» людей. Как соотносятся понятия «грамотный» и «образованный»? Если сегодня выпускник школы и студент вуза фактически имеет право в своих текстах, не связанных с русским языком, проявить «образованность» как знание предмета, но не проявлять «грамотность»?

Мы должны прийти к пониманию, что оказалась в новой лингвистической реальности. Пласт текстов, ориентированных на бытовую правописную модель, будет лишь расширяться. Некоторые правила, как нам кажется, могут уйти на периферию правописной системы. К примеру, А.Д. Шмелев отмечает, что даже в НКРЯ можно найти «огромное множество примеров» с ошибочным с точки зрения норм и правил написанием (к примеру, со смешением *не* и *ни*) [Шмелев, 2021, с. 9]. Бытовая орфографическая система устраняет различие частиц, ибо понимание текста от этого не ухудшается. Часто пишущие не выполняют правила слитного/раздельного написания, особенно там, где правило предполагает разницу смысла. К примеру, «*не достаает*» и «*недостаает*», «*в глубь*» и «*вглубь*» и т.д. С их точки зрения (и студенты формулируют данную мысль), на понимание смысла текста графико-орфографическое оформление данных слов и сочетаний не влияет.

Пунктуационные нормы, уже сегодня ставшие необязательными, мы называли выше: это запятая между частями сложного предложения перед «и», закрывающая оборот или придаточное предложение запятая — последнее абсолютно игнорируется, если далее необходимо поставить знак «тире».

Остановить эту тенденцию можно лишь вернув — в школьную систему в первую очередь — обязательное требование выполнения правописных норм в любом письменном тексте. Могут и должны влиять на изменение ситуации и лингвисты: изучая описанные нами явления как ошибочные, а не как «новые тенденции» (как это происходит при описании функции знаков «тире» и «двоеточия»).

А еще филолог должен представить себе того человека, для кого он создает правила. В настоящее время грамотный выпускник школы ори-

ентируется на школьные учебники с определенной (в том числе и методической) традицией изложения правил правописания. И создаваемые сегодня новые своды правил [Шмелев, 2021] должны поддерживать полученные знания, не ломая, а дополняя их. Тогда правила будут востребованы людьми, желающими сохранять высокий уровень правописной грамотности. В ином случае потребителем нового свода станет лишь «образованный» (в понимании Карандышева) сноб. А бытовая орфография и пунктуация станет в узусе новой нормой, еще больше оттолкнув носителей языка от профессиональных филологов.

Библиографический список

Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v55.html>.

Григорьева Т.М. Невоплощенные замыслы реформы русской орфографии (фонетический аспект) // #ГОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. М., 2019.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Литневская Е.И. Письменные формы разговорной речи (к постановке проблемы). М., 2011.

Николенкова Н.В. Об учебнике по русскому языку для 2 класса В.В. Репкина, Т.В. Некрасовой, Е.В. Восторговой. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37445.php>.

НКРЯ. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/index.html>.

Плетнева А.А. Лубочная библия: язык и текст. М., 2013.

Сиротинина О.Б. Стилистика в свете типов речевой культуры // Stylistyka-XIV, 2005.

Словарь Академии Российской. Ч. II. СПб., 1789–1794.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г — Д). М., 1977.

Словарь XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/>.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>.

Шмелев А.Д. Проспект «Свода правил русской орфографии» в свете принципа интегральности // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. М., 2021.

References

Golev N. D. *Antinomii russkoy orfografii*. [Antinomies of Russian spelling]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v55.html>.

Grigor'eva T. M. *Nevoploshchennye zamysly reformy russkoy orfografii (foneticheskiy aspekt)*. [Unrealized plans for the reform of Russian spelling (phonetic aspect)]. In: #TOTSBOBNIK: *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Total'nogo diktanta*. [Collection of scientific papers based on the materials of the Total Dictation]. Moscow, 2019.

Litnevskaya E. I. *Pis'mennye formy razgovornoy rechi (k postanovke problemy)*. [Written forms of colloquial speech (to the problem statement)]. Moscow, 2011.

Nikolenkova N. V. *O uchebnike po russkomu yazyku dlya 2 klassa V. V. Repkina, T. V. Nekrasovoy, E. V. Vostorgovoy*. [About the Russian language textbook for grade 2 by V. V. Repkin, T. V. Nekrasova, E. V. Vostorgova]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37445.php>.

NKRYA *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka*. [National Corps of the Russian Language]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/index.html>.

Pletneva A. A. *Lubochnaya bibliya: yazyk i tekst*. [Popular Bible: language and text]. Moscow, 2013.

Sirotinina O. B. *Stilistika v svete tipov rechevoy kul'tury*. [Stylistics in the light of the types of speech culture]. In: *Stylistyka — XIV*, 2005.

Slovar' Akademii Rossiyskoy. [Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg, 1789–1794.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4 (G–D) [Dictionary of the Russian language XI–KhVII centuries. Issue 4]. Moscow, 1977.

Slovar' XVIII veka [Dictionary of the XVIII century]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/>.

Shmelev A. D. *Prospekt "Svoda pravil russkoy orfografii" v svete printsipa integral'nosti*. [Prospectus "The Code of Russian Spelling Rules" in the light of the principle of intrality]. In: *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoy pis'mennosti*. [Words, constructions and texts in the history of Russian writing]. Moscow, 2021.

Tolstoy N. I. *Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov*. [History and structure of Slavic literary languages]. Moscow, 1988.

Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialect*. [Old Novgorod dialect]. Moscow, 2004.

НАЗВАНИЯ АТМОСФЕРНЫХ ОСАДКОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О. Н. Григорьева, Ли Силян

Ключевые слова: метеоним, лексико-семантическая группа, метафора, фразеологизм, словосочетание.

Keyword: meteonym, lexico-semantic group, metaphor, phraseological unit, phrase.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–04

Среди многообразных природных явлений атмосферные осадки занимают особое место. От них во многом зависит жизнь человека: они участвуют в создании разных климатических зон, обеспечивают круговорот воды в природе, питают реки и моря, влияют на будущий урожай. Неслучайно с самых древних времен существовали специальные молитвы о ниспослании дождя. В современном русском языке названия атмосферных осадков образуют одну из основных групп метеорологической лексики. Они обладают ярко выраженной национальной спецификой и являются неотъемлемой частью языковой картины мира.

В последнее время этим наименованиям был посвящен ряд лингвистических исследований. Среди них можно назвать статьи Н. В. Поляковой о концептуализации атмосферных осадков в селькупском языке в сопоставлении с русским [Полякова, 2013] и В. П. Васильева — о живых образах метеонима как лексического компонента диалектных высказываний [Васильев, 2014].

Само слово *осадки* по-разному определяется в русских толковых и энциклопедических словарях, а также в специальных справочниках по метеорологии. Например, автор статьи в Словаре Брокгауза и Эфрона пишет: «Этим названием принято обозначать ту влагу, которая падает на поверхность земли, будучи выделена из воздуха или из почвы в капельно-жидком или твердом виде. Такое выделение влаги происходит каждый раз, когда водяные пары, постоянно находящиеся в воздухе, накопятся в нем в количестве, значительно превышающем то, которое нужно для полного его насыщения при данных условиях» [Любославский, 1897, с. 236]. В Малом академическом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой это слово приводится в единственном числе: «*Осадок* 4. мн. ч. (*осадки*). Атмосферная влага, выпадающая на землю в виде до-

ждя, снега, росы и т. п.». Слово *осадки* мы часто слышим в прогнозе погоды (*Завтра ожидаются осадки; Ветрено, без осадков*) и в зависимости от конкретного времени года интерпретируем значение этого слова по-разному: летом — как дождь, зимой — как снег.

В Гидрометеорологическом словаре это понятие описано более подробно. Приведем часть этого определения: «Из облаков осадки выпадают в виде *дождя, мороси, снега, мокрого снега, снежной и ледяной крупы, снежных зерен, града, ледяного дождя, ледяных игл*. Непосредственно из воздуха выделяются *роса, иней, жидкий налет, твердый налет, изморозь*. Осаждение переохлажденного дождя, мороси, тумана на земной поверхности и предметах дает *гололед*... Употребляется также термин *гидрометеоры*» [Российский гидрометеорологический энциклопедический словарь, 2009, с. 214]. Показательно упоминание в этой словарной статье существительного *гидрометеоры* — синонима слова *осадки*.

В современном русском языке имена существительные, называющие атмосферные осадки, образуют лексико-семантическую группу, включающую 13 лексических единиц, в том числе само слово *осадки* и его синоним *гидрометеоры*. По семантике они могут быть разделены на следующие две подгруппы: наименования жидких осадков и наименования твердых осадков. К первой группе относятся пять существительных: *дождь, ливень, роса, морось, изморось*. В значении всех этих слов есть общий семантический компонент «вода».

Рассмотрим толкование данных лексических единиц в словарях²⁷.

Существительное *дождь* определяется в толковом словаре так: «атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды» (Словарь русского языка). С этим словом образуются атрибутивные словосочетания, в которых отражаются многовековые наблюдения человека (*летний дождь* — теплый, непродолжительный, *осенний дождь* — холодный, затяжной), и дается эмоциональная оценка природного явления (*долгожданный дождь, надоедливый дождь*). Устойчивые словосочетания *слепой дождь* и *грибной дождь* означают 'дождь, идущий при свете солнца'. От существительного *дождь* образуются уменьшительные и увеличительные варианты: *дождик, дождичек, дождина, дождище*. Каждое из этих слов, кроме дополнительного семантического компонента, имеет эмоционально-экспрессивную коннотацию.

Ливень — это сильный, проливной дождь. Слова *дождь* и *ливень* объединяются в словосочетаниях и предложениях: *ливневый дождь* и *дождь ливанул*. Интересно, что устойчивое сочетание *тропический ливень* не-

²⁷ Большинство толкований приводится по Словарю русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой [Словарь русского языка, 1985–1988].

обязательно относится к тропикам и может обозначать просто очень сильный дождь. В качестве синонима существительного *ливень* в разговорной речи часто употребляется слово *потоп*.

Существительные *изморось* (очень мелкий дождь) и *морось* (очень мелкий, медленно падающий дождь) достаточно близки по смыслу. Изморось часто ассоциируется с осенью и сочетается с прилагательными *осенняя, холодная, колючая, серая*.

Под словом *роса*, согласно данным словаря, подразумеваются осадки в виде водяных капель, которые образуются из влажного воздуха и оседают на какой-либо поверхности при ее охлаждении. Это могут быть растения, почва и любые предметы. Роса появляется ранним утром, вечером или ночью. Образ росы опоэтизирован в русском языке, что отражается в значении прилагательных, с которыми обычно сочетается это слово: *утренняя, серебристая, цветочная, небесная, медвяная*.

Ко второй группе исследуемых метеонимов относятся шесть слов: *снег, крупа, изморозь, иней, гололед и град*. Условия образования твердых осадков связаны с низкой температурой воздуха — ниже нуля градусов.

Слово *снег* как один из непременных атрибутов русской зимы толкуется как твердые атмосферные осадки, которые формируются в облаках и затем выпадают в форме кристалликов белого цвета, напоминающих звездочки или хлопья. Интересно, что в народном сознании снег часто воспринимается как *мягкий, пушистый*. От существительного *снег* образуются уменьшительное *снежок* и увеличительное *снежище*. По интенсивности и длительности бывают разные виды снега, которым соответствуют номинации *снежок, снегопад* и т. д. *Снежок* — это небольшой, негустой снег, *снегопад* — это выпадение снега, обычно в большом количестве (*Снегопад не прекращался весь день*). Близки по семантике слову *снег* существительные *метель* (в разговорной речи может употребляться слово *метелица*), *вьюга, пурга* и *буран*, обозначающие сильный ветер со снегом. Слово *крупа* в переносном значении определяется как «снег в виде мелких шаровидных зернышек» [Словарь русского языка, 1985–1988].

Значение слова *иней* по определению близко слову *снег*, его кристаллы сравниваются по форме со снежинками. В то же время можно провести аналогию с *росой*: иней, как и роса, появляется на охлажденной поверхности. В лексико-семантическую группу «осадки» входит также существительное *изморозь*, обозначающая явление, очень похожее на иней. Само слово *изморозь* является малоупотребительным в повседневной речи. Тончайшие различия в значении этих слов доступны лишь научному объяснению: иней образуется из сконденсированного пара, а изморозь — в результате замерзания воды на малых поверхностях, напри-

мер, на ветках деревьев. Слова *гололед* и *гололедица* в Гляциологическом словаре определяются каждое по отдельности. Существительное *гололед* обозначает плотный слой льда, который образуется на разных поверхностях в результате того, что на них намерзает капель, слишком охлажденный дождь или туман [Котляков, 1984, с. 104]. Слово *гололедица* означает ледяную корку, образовавшуюся на переохлажденной поверхности земли в результате сильной оттепели или дождя [Котляков, 1984, с. 104]. Таким образом, к названиям осадков можно отнести только слово *гололед*.

Значение существительного *град* — «атмосферные осадки, выпадающие в виде округлых льдинок (величиной с горошину и больше), представляющих собой дождевые капли, замерзшие в воздухе. *Дождь с градом*» [Словарь русского языка, 1985–1988].

Приведенные толкования слов, называющих твердые осадки, позволяют сделать вывод, что эти определения в каком-то смысле метафоричны: звездообразные кристаллики (*снег, иней, изморозь*), хлопья (*снег*), ледяные шарики (*крупа, град*), ледяная корка (*гололед*). Некоторые слова из лексико-семантической группы «осадки» развивают переносные значения. Одно из этих значений — масса, множество, большое количество чего-либо падающего, сыплющегося: *дождь искр, дождь конфетти*. Сюда же можно отнести устойчивые метафорические сочетания *звездный* (или *метеоритный*) *дождь* — множество падающих звезд в ночном небе и *свинцовый дождь* — о выпущенных из ружья, орудия зарядах дроби, картечи и т. п. [Федоров, 2008]. Например, в Дневниках Михаила Пришвина (1929) читаем: *На войне, бывало, ну вот свинцовый дождь, лежать, а кто встал — кончено!* (НКРЯ). Другой пример — из песни Булата Окуджавы «Как внезапно возникает...» (1963): *В года разлук, в года сражений, когда свинцовые дожди / Лупили так по нашим спинам, / Что снисхождения не жди...*

Следует отметить, что в китайском языке также существует множество устойчивых словосочетаний, связанных с атмосферными осадками. Некоторые из них имеют полное или частичное совпадение с русскими выражениями. Так, словосочетанию *звездный дождь*, или *метеоритный дождь* соответствует китайское 流星雨 *liú xīng yǔ*, что также обозначает звездный дождь. *Свинцовый дождь* — 枪林弹雨 *qiāng lín dàn yǔ* (лес ружей и ливень пуль, что означает ожесточенный бой)²⁸.

Близким к приведенному выше значением — множество, непрерывный поток, обилие чего-либо — в русском языке обладают слова *дождь, ливень* и *град*, приобретающие в словосочетаниях эмоционально-экс-

²⁸ Толкование приводится по Большому китайско-русскому словарю под редакцией И. М. Ошанина.

прессивную коннотацию. Это значение обычно связано с психологической сферой, например: *дождь упреков, ливень вопросов, град насмешек*.

Следует отметить, что в современном русском языке есть наречия, производные от формы творительного падежа слов *дождь* и *град* в их переносном значении, которые приводятся в Словаре Кузнецова [Кузнецов, 1998]: *дождем* — обильным потоком, во множестве. *Слезы льются дождем. Осенние листья сыплются дождем. Градом* — как крупные, обильные капли (так говорят о поте, слезах). *Пот катился градом. Слезы полились градом*.

Существительное *дождь* имеет и другое переносное значение — елочное украшение в виде длинных блестящих нитей, сделанных из бумаги или металла. Такое значение можно встретить в словосочетании *серебряный дождь* [Кузнецов, 1998]. Название известной радиостанции имеет совершенно другую мотивацию, о чем мы скажем позже.

У слова *иней* есть переносное значение «седина». Например, *голова покрыта инеем* [Кузнецов, 1998].

Существительные из лексико-семантической группы «осадки» обладают высокой словообразовательной продуктивностью. Это такие имена существительные, как *дождевик, дождемер, дождинка, дождливость, росинка, снежинка, снежок* (комочек из снега), *снегопад, снегоход, снежокат, снеговик, подснежник, туманность, градина, градинка* и др., имена прилагательные *дождевальный* (аппарат), *дождевой, дождливый, туманный, ливневый, росистый, гололедный, бесснежный, заснеженный, снеговой* и др., глаголы *задождить, моросить, заиндеветь заснежить, замулманить* и др. Такие слова, как *Снегурочка, белоснежный*, характеризуются также семантической производностью.

Чтобы глубже понять роль единиц лексико-семантической группы «осадки» в русской национальной картине мира, необходимо рассмотреть некоторые их символические толкования.

Многие из метеонимов вобрали в себя народные представления о природе, имеющие мифологические истоки. С. М. Толстая пишет, что в славянской мифологии «власть над *дождем*, как и другими атмосферными явлениями, приписывается представителям иного мира — покойникам и особенно висельникам и утопленникам, которые считаются хозяевами и предводителями туч — небесных стад коров, быков, волков и т. п.» [Толстая, 2002, с. 140].

Дождь и *роса* почти всегда толковались как благословенные дары неба. *Дождь* в народной традиции всегда был особо почитаем, и ему приписывались разные магические свойства. *Роса* тоже толкуется с мифологической точки зрения в народном представлении о погоде. Ее называют

божьей росой, наделяют целебными и магическими свойствами. Пчелы получают от росы мед, коровы — вкусное молоко, люди обретают здоровье. Она способна оживлять и возвращать молодость. «Связь с зарей (рассветом) и небом представляет росу как чистейшую духовную субстанцию» [Толстая, 2002, с. 409].

Ценнейшие сведения о мифах, суевериях и религиозных традициях, связанных с *дождем* и *снегом*, содержатся в известном научном труде А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Автор пишет, что фантазия народа, которая олицетворяла многочисленные небесные явления, показывала их «в едином, нераздельном образе. *Дождь* — слезы неба, падающие на землю алмазами» [Афанасьев, 1994, с. 20].

В фольклоре южных славян существует легенда о том, что *снег* — это падающая с неба мука, своей белизной он был похож на перемолотое зерно [Афанасьев, 1994, с. 290]. Мартовский снег наделялся целебными свойствами, потому что он выпадал в начале весны. Облака, согретые летним солнцем, содержали в себе плодотворную влагу дождя, они казались прекрасными женщинами, чьей любви страстно искал бог грома. Но те же самые облака омрачали ясное небо, приносили град и снег, они представлялись в демонических образах [Афанасьев, 1994, с. 39]. Так как снег обычно выпадает около 14 октября, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, и тогда же устраиваются свадьбы, то брачное покрывало небесной богини уподоблялось снежному пологу [Афанасьев, 1994, с. 84]. У различных племен облака и ветры были крылатыми существами, в древнейших христианских изображениях они похожи на ангелов, на русских лубочных картинках «ветры, ливни, град и снег изображаются в виде дующих и дождящих ангелов» [Афанасьев, 1994, с. 126].

Для русской национальной картины мира из всех осадков наиболее характерны дождь и снег. Снег обычно ассоциируется с зимними праздниками (*Новый год, Рождество Христово, Масленица* и др.), веселым времяпровождением (*катание на коньках, санках, игра в снежки*), русской традиционной теплой одеждой и обувью (*валенки, шуба, ушанка*), а также с хорошим настроением (*радость, счастье, веселье*) и приятными ощущениями человека (*свежесть, тишина и прохлада*). С другой стороны, образ снега как символ зимы может ассоциироваться с жестокими морозами и сильными метелями.

Отношение к дождю и снегу русского человека отражают фразеологизмы с соответствующими словами. Например, *после дождичка в четверг, как (будто, словно) грибы после дождя, золотой дождь, искать прошлогодний снег, как прошлогодний снег нужен, как снежный ком, зимой снега не выпросишь, как снег на голову*.

По определению «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Федорова выражение *после дождичка в четверг* в шуточной форме означает «неизвестно когда». Происхождение этого выражения связано с тем, что когда-то четверг был днем поклонений богу грома и молний Перуну. Во время засухи ему возносили мольбы о дожде, которые часто бывали напрасными. Об особой отмеченности «четвергового» дождя и его связи с Ильей-пророком, который на Руси ассоциировался с Перуном, пишет В. Н. Топоров: «В Великий четверг определяют погоду, отвечая на вопрос, будет ли [она] мокрой или сухой, будет ли весной большая или малая вода, будет ли урожай, приплод скота. <...> Четверг — отмеченный и лучший из всех дней недели. Поэтому же к четвергу приурочиваются свадьбы» [Топоров, 1998, с. 70]. «После дождичка в четверг» — так называется известный советский фильм 1985 года Михаила Юзовского.

Устойчивое выражение *будто грибы после дождя* определяется как «быстро, в большом количестве (возникать, появляться и т. п.). Имеется в виду, что организации, предметы и подобное, реже — лица стремительно и во множестве возникают там, где еще недавно их не было». Например: «*Сегодня виртуальные банки появляются словно грибы после дождя, обещая избавить нас от неудобств, причиняемых традиционными банками.* Фронт-офис, 2002» [Телия, 2006, с. 291].

Фразеологизм *золотой дождь* означает большие, неожиданно появившиеся деньги. Он восходит к древнегреческому мифу о Зевсе, который пленился красотой дочери аргосского царя Акрисия Данаи, пришел к ней как золотой дождь и смог оплодотворить ее [Ашукин, Ашукина 1960, с. 237]. Это словосочетание может также обозначать невиданное богатство, успех. Речь идет о непредвиденном изменении ситуации, в результате чего приходит благополучие и успех в чьей-либо жизни. Например: *Вскоре на Жозефину буквально пролился золотой дождь. Успех Итальянской кампании превратил Наполеона в главнокомандующего многотысячной армией и первое лицо Французской республики, а Жозефину — в первую даму государства.* «Караван историй» [Телия, 2006, с. 245].

Большинство фразеологизмов со словом *снег* употребляется в разговорной речи: *зимой снега не выпросишь, искать прошлогодний снег, как прошлогодний снег нужен, как снег на голову, как снежный ком.*

Фразеологизм *зимой снегу не выпросишь* относится к скупому, жадному человеку. Приведем пример из повести Василя Быкова «Знак беды» (1982): «*Вот же скряга!*» — *начала злиться про себя Степанида. Она узнавала прежнего Корнилу, у которого, говорили, зимой снега не выпросишь.* Выражение *искать прошлогодний снег* обозначает, что человек на-

деется вновь обрести то, что давно потеряно, ушло навсегда. *Как прошлогодний снег нужен* означает совсем не нужен [Федоров, 2008].

Когда говорится о появлении чего-то неожиданного, использует устойчивое выражение *как снег на голову*. Это хорошо иллюстрирует контекст из повести Юрия Трифонова «Дом на набережной» (1976): *Поэт свалился как снег на голову. Его никто тут не знал, кроме одного человека...*» (НКРЯ).

Если хотят сказать о чем-то, что очень быстро увеличивается или усиливается, то применяют устойчивое выражение *как снежный ком*. Следовательно, проявление чувств, желаний, количество дел возрастает. Этот фразеологизм часто приобретает отрицательную оценочную коннотацию. Но бывают и другие примеры, когда речь, например, идет о неизбежности радостного события: *И, как снежный ком, катясь, растет — так росло, росло Рождество, подвигаясь, как горящий куст, как зимняя радуга, — пока не подходило так близко, что опрокидывалось над залой — сверкающей елкой*. А. Цветаева. «Неисчерпаемое» [Телия, 2006, с. 315].

Следует отметить, что в китайском языке существует ряд фразеологизмов, связанных с атмосферными осадками. Некоторые из них имеют полное или частичное совпадение с китайскими: *Как снежный ком* — 滚雪球 *gǔn xiě qiú* (букв. скатать снежный ком. Так говорят о чем-то, что разрастается в объеме, чаще о долге, кредите). Китайский фразеологизм 雪兆丰年 *xiě zhào fēng nián* (благодатный снег предвещает богатый урожай) также совпадает с русским выражением *много снега, много хлеба*. Русскому выражению *будто грибы после дождя* соответствует китайское 雨后春笋 *yǔ hòu chūn sǔn* (как молодой бамбук после дождя. О чем-либо быстро развивающемся или появляющемся) [Ошанин, 1983].

Для некоторых русских фразеологизмов, связанных с осадками, отсутствуют эквиваленты в китайском языке, например: русское *после дождичка в четверг* переводится китайским 猴年马月 *hóu nián mǎ yuè* (в год обезьяны, месяц лошади, то есть неизвестно когда). Фразеологизм *зимой снегу не выпросишь* в китайском языке передается образным сочетанием 一毛不拔 *yī máo bù bá* (не вырвет и волосок. Так говорится о скупом человеке). Выражение *как снег на голову* соотносится с китайским 猝不及防 *cù bù jí fáng* (застигнуть врасплох, неожиданно), которое не является метафорическим [Ошанин, 1983].

С другой стороны, в китайском языке существует ряд фразеологизмов, связанных с атмосферными осадками, у которых нет русских эквивалентов. Со словом *дождь* есть такие фразеологизмы: 风调雨顺 *fēng tiáo yǔ shùn* (ветер мягок и дожди благоприятны — обычно о хороших видах на урожай. Если все идет отлично, обстоятельства складываются

ся благоприятно); китайское 未雨绸缪 *wèi yǔ chóu móu* (плотно укрыть, пока еще нет дождя. То есть подготовиться заблаговременно, заранее принять меры), чему в русском языке соответствует поговорка *готовь сани летом, а телегу зимой*. Есть другой интересный китайский фразеологизм: 春风化雨 *chūn fēng huà yǔ* (весенний ветер рождает дождь — сеять семена просвещения или благотворное влияние воспитания), в русском языке существует поговорка: *ум и воспитание — братья-близнецы*. Со словом *снег* в китайском языке тоже немало фразеологизмов: выражение 雪上加霜 *xiě shàng jiā shuāng* (буквально — на снег еще и иней, то есть несчастье приходит за несчастьем) переводится на русский язык как *беда не приходит одна*. В китайском языке фразеологизм: 雪中送炭 *xiě zhōng sòng tàn* дословно можно перевести как во время снегопада послать уголь, то есть оказать помощь в самую трудную минуту, протянуть руку в час нужды, соответственно в русском языке служит выражение *дорога помощь вовремя* или *хороша помощь в нужное время*. Использование всех возможностей для учебы отражено в китайском фразеологизме 囊萤映雪 *náng yíng yìng xiě* (собирать светлячков, чтобы читать при их свете, отраженном от снега. Прилежно учиться, невзирая на трудности). О неудержимом стремлении бедняка к учебе даже когда не на что купить свечу [Ошанин, 1983].

В русском языке существует много глаголов и глагольных словосочетаний для описания дождя, в частности: *дождь идет, падает, моросит, сеет, крапывает ...* О сильном, проливном дожде говорят: *лет, поливает, хлещет, ливня льет* — очень сильно, долго, не прекращаясь, *льет как ведро*. Дождь воспринимается человеком не только зрительно, но и на слух: *дождь шумит, стучит, барабанит*.

В повести Константина Паустовского «Золотая Роза» (1955) можно встретить подробное описание дождя: «Во время *грибных дождей* в воздухе пахнет дымком и хорошо берет хитрая и осторожная рыба — плотва. О *слепом дожде*, идущем при солнце, в народе говорят: «Царевна плачет». Сверкающие на солнце *капли* этого *дождя* похожи на *крупные слезы*. А кому же и плакать такими сияющими слезами горя или радости, как не сказочной красавице царевне! Можно подолгу следить за игрой света во время *дождя*, за разнообразием звуков — от мерного стука по тесовой крыше и жидкого звона в водосточной трубе до сплошного, напряженного гуаа, когда *дождь льет*, как говорится, *стеной*. Все это — только ничтожная часть того, что можно сказать о *дожде*».

Некоторые необычные глаголы появляются в языке художественной литературы как олицетворение. «И *дождь стоит*, и *думает* без шапки, С *густящей степью*, степью за плечами» (Борис Пастернак, 1912).

Как пишет Михаил Эпштейн, «безусловное первенство в русской поэзии принадлежит Пастернаку по таким мотивам, как дождь и ливень. <...> Этим наглядно выражается представление поэта о том, что «кипящее белыми воплями / Мирозданье — лишь страсти разряды, / Человеческим сердцем накопленной» («Определение творчества», 1922): дождь, в соответствии с древними мифологическими представлениями, знаменует страстное, оплодотворяющее единение неба и земли, их священный брак» [Эпштейн, 1990, с. 250].

По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в поэзии Бориса Пастернака 74 раза встречается слово *дождь* и 31 раз — слово *ливень*. Приведем два ярких примера. Первый интересен тем, что дождь уподобляется огню:

*Горят, закапанные воском,
Цветы, зажженные дождем*

(Борис Пастернак. Липовая аллея. «Ворота с полукруглой аркой...», 1957).

Второй отрывок из знаменитого стихотворения «Февраль. Достать чернил и плакать!...». Здесь слово ливень обозначает пространство, где поэт будет счастливым:

*Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез*

(Борис Пастернак. «Февраль. Достать чернил и плакать!...», 1912–1928).

В поэзии А. С. Пушкина 80 раз употребляется слово *снег*, особенно часто — в романе «Евгений Онегин»:

*...веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на брег*

(Александр Сергеевич Пушкин. Евгений Онегин, 1824–1826).

Если говорить о языке средств массовой информации, то совершенно очевидно, что главный жанр, изобилующий названиями осадков, — прогноз погоды, что могло бы стать темой отдельной статьи.

Эта группа лексики всегда востребована в масс-медиа. Известны названия радиостанции — «Серебряный дождь» и телеканала — «Дождь». Генеральный директор медиахолдинга «Дождь» Наталья Синдеева в одном из интервью сказала: «Нашему засушливому информационному пространству «Дождь» был просто необходим»²⁹. Один из основателей проекта стал наследником картины Поля Гогена под названием «Дождь

²⁹ <https://www.kommersant.ru/doc/1628777>

на серебряном фоне». Картина была продана, а вырученные деньги использованы на создание радиостанции. Поэтому радио было названо в ее честь.

Как показывает исследование, названия атмосферных осадков образуют одну из основных групп метеорологической лексики. В современном русском языке по семантике они могут быть разделены на две подгруппы: наименования жидких осадков и наименования твердых осадков. В каждой подгруппе метеонимы имеют свои семантические различия и сходства, а также обладают определенной степенью выразительности. Они часто употребляются в русских фразеологизмах с разными значениями, широко применяются в публицистических текстах, используются в языке художественной литературы.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что названия атмосферных осадков являются одним из важнейших сегментов русской языковой картины мира. Они часто встречаются в славянской мифологии и обладают выраженной культурной спецификой, их символические толкования составляют часть русской национальной картины мира и помогают углублять представления о русском менталитете.

Важно также подчеркнуть, что сопоставление с китайским языком может быть интересно для китайских учащихся, изучающих русский язык, представление о названиях атмосферных осадков дает возможность не только расширить лексический запас, но и глубже понять русскую культуру.

Библиографический список

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Т. 1. М., 1994.

Васильев В. П. Живые образы метеонима как лексического компонента диалектных высказываний об атмосферном явлении // Научный диалог. 2014. № 12 (36).

Любославский Г. А. Осадки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XXII (43). СПб., 1897.

Полякова Н. В. Концептуализация атмосферных осадков в селькупском языке в сопоставлении с русским // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. № 2 (2).

Толстая С. М. Дождь // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 2002.

Толстая С. М. Роса // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 2002.

Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян: опыт реконструкции. М., 1998.

Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990.

Словари

Ашукин Н. С., М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1960.

Гляциологический словарь / под ред. В. М. Котлякова. Л., 1984.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. М., 1983.

Российский гидрометеорологический энциклопедический словарь / под ред. А. И. Бедрицкого. СПб.; М., 2009.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М., 2006.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка (ФСРЛЯ). М., 2008.

Список источников

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

References

Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu*. [Poetic views of the Slavs on nature]. Vol. 1. Moscow, 1994. T. 1.

Vasil'ev V. P. *Zhivye obrazy meteonima kak leksicheskogo komponenta dialektnykh vyskazyvaniy ob atmosfernom yavlenii*. [Living images of the meteoronym as a lexical component of dialect statements about the atmospheric phenomenon]. In: *Nauchnyy dialog*. [Scientific dialogue]. 2014. No. 12 (36).

Lyuboslavskiy G. A. *Osadki*. [Osadki]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona*. [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1890–1907.

Polyakova N. V. *Kontseptualizatsiya atmosferynykh osadkov v sel'kupskom yazyke v sopostavlenii s russkim*. [Conceptualization of atmospheric precipitation in the Selkup language in comparison with Russian]. In: *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2013. No. 2 (2).

Tolstaya S. M. *Dozhd*. [Rain]. In: *Slavyaskaya mifologiya*. [Slavic mythology]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar*. [Encyclopedic dictionary]. Moscow, 2002.

Tolstaya S. M. *Rosa*. [Rosa]. In: *Slavyaskaya mifologiya*. [Slavic mythology]. Moscow, 2002.

Toporov V. N. *Predistorija literatury u slavjan: opyt rekonstrukcii*. [The prehistory of literature among the Slavs: the experience of reconstruction]. Moscow, 1998.

Epshteyn M. N. *Priroda, mir, taynik vselennoy... Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii*. [Nature, the world, the cache of the universe... System of landscape images in Russian poetry]. Moscow, 1990.

Dictionaries

Ashukin N. S., Ashukina M. G. *Krylatye slova*. [Winged words]. Moscow, 1960.
Glyatsiologicheskij slovar. [Glaciological Dictionary]. Ed. By V. M. Kotlyakova. Leningrad, 1984.

Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar russkogo yazyka*. [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, 1998.

Oshanin I. M. *Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar'*. [The Great Chinese-Russian dictionary]. In 4 vols. Moscow, 1983.

Rossiyskiy gidrometeorologicheskij entsiklopedicheskij slovar [Russian Hydrometeorological Encyclopedic Dictionary] (RGES) /edited by A. I. Bedritsky. St. Petersburg; Moscow, 2009.

Slovar russkogo yazyka. [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Ed. by A. P. Evgeniev. Moscow, 1985–1988.

Telija V. N. *Bol'shoy frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka*. [Big phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, 2006.

Fedorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, 2008.

List of sources

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka. [National Corps of the Russian Language. On the Problem of Attention]. URL: <https://ruscorpورا.ru>

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛЬЗА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ³⁰

Лю Яньчунь, Л. П. Дронова

Ключевые слова: русский язык, понятие «польза», источники и этапы формирования.

Keywords: Russian language, the concept “benefit”, sources and stages of formation.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–05

«Новая философская энциклопедия» определяет пользу и основные особенности ее понимания в разное время следующим образом. Польза — ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов и явлений в их отношении к интересам субъекта (индивидуального или коллективного). Поскольку интересы выражаются в целях, которые человек преследует в своей деятельности, полезным считается то, что содействует достижению целей. Как и другие ценности практического сознания (успех, эффективность, целесообразность, преимущество и др.), польза представляет собой относительную ценность в отличие от высших ценностей (добра, прекрасного, истины, совершенства).

Как правило, польза связывается с богатством, властью, наслаждением, здоровьем, навыками и умениями, трудом. В исторически раннем или неразвитом ценностном сознании понятие «польза» исчерпывается значением удовлетворения жизненных потребностей. Развитие товарного производства и денежного хозяйства определило формирование иных ценностных ориентации; в рамках экономических, вещных отношений польза — приоритетная ценность, ключевой принцип деятельности. Патриархальная, традиционалистская, общинно-коммунитарная оппозиции принципу пользы апеллируют к общему (общественному) интересу. Ориентация на пользу при этом толкуется как своекорыстие, а сама польза признается и высоко оценивается только как общепольность, как общее благо [Новая философская энциклопедия]³¹.

³⁰ Данная статья выполнена в рамках проекта Фонда для планирования социальных наук провинции Лаонин L19CY009 (辽宁省社会科学规划基金项目L19CY009).

³¹ https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%A%D0%97%D0%90.

Задача данной статьи — на материале литературного русского языка рассмотреть формирование понятия «польза», исторические изменения в номинационной структуре выражающего это понятие фрагмента русской языковой картины мира и интерпретировать эти изменения с точки зрения этапов и источников становления понятия о пользе.

Понятие «польза» в языке связано с положительной утилитарной оценкой. Лингвисты в последние десятилетия активно интересовались категорией оценки вообще, в том числе и утилитарной оценкой на материале литературного русского языка и в сопоставлении с другими языками. Изучение утилитарной оценки в языке представлено в ряде диссертационных исследований (см., например: [Хорошунова, 2002; Погорелова, 2002; Азылбекова, 2011; Савельева, 2014]). Наше обращение к понятию «польза» имеет иную задачу и свой подход к анализу этого понятия.

Утилитарная оценка является частной оценкой, частнооценочная лексика интересна тем, что дает оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. Характерной чертой такой лексики является совмещение оценочного (субъективного) значения со значением объективного (дескриптивного) признака. Определение дескриптивного компонента значения в утилитарной оценке как оценке рационалистической, непосредственно связанной с практической деятельностью человека, позволяет выявить аксиологические установки, их изменения относительно пользы и полезного в обществе [Арутюнова, 1988, с. 75].

Материалом для анализа послужили толковые словари современного русского языка (Толковый словарь русского языка, 1935–1940, Словарь русского языка, 1981–1984), синонимические (А. П. Евгеньева, О. В. Александрова — XX век, Н. Абрамов — XIX век), исторические (В. И. Даль, Словарь Академии Российской, Словарь русского языка XI–XIV веков), частотный (О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров), этимологические (Черных, Этимологический словарь славянских языков).

В современном русском литературном языке семантика слова *польза* определяется следующим образом:

Польза: 1) хороший результат, благоприятные последствия для кого-, чего-л. (*С пользой для дела. Университетская жизнь принесла ему мало пользы.* Пушкин); 2) разг. устар. нажива, барыш (*Изрядно торгуете, Татьяна Емельяновна? — Как сказать, батюшка. Оборот хотя и велик, но мы пользу берем небольшую, сами знаете.* Эртель) [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 3, с. 257].

Первое значение слова *польза* универсально в том смысле, что в этом значении это слово применимо в разных сферах жизни (материальная,

духовная жизнь, здоровье), второе значение уже, выделяет тот аспект понятия «польза», который связан с физическим существованием человека, живого существа — материальная польза. Словарь толкует это значение через устаревшие семантически лексемы *нажива* и *барыш*: *нажива* (разг. устар.) обозначает действие по глаголу *наживать*, то есть некий доход, прибыль; *барыш* — это (устар.) «прибыль, получаемая при различных торговых сделках» [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 3, с. 152; т. 1, с. 62]. У В. Даля находим определение слова *нажива*, *наживъ* через синонимы *пожива*, *прибыль*, *барыш*, *корысть* [Даль, 1994, т. 2, с. 1079]. В тексте XVII в. отмечено *наживъ*: «то, что нажито, приобретено, нажитое имущество» [СЛРЯ XI–XVII, 1975–2015, вып. 10, с. 88]. В севернорусских говорах (арх., сев.-двин., олон., волог.) *нажива* — это «заработок» (*Нажива-то плоха стала*), есть вариант *нажив* «тж» (арх., пск., твер.), *наживальщик* «тот, кто зарабатывает, кормилец» [СРНГ, 1965–2016, вып. 19, с. 267].

Значение слова *барыш* В. Даль истолковывает через синонимы *прибыль*, *польза*, *выгода*, *корысть* и поясняет: «выгода при купле и продаже в торговле, оборотах, промыслах; всякая нежданная, случайная прибыль» [Даль, 1994, т. 1, с. 129]. Слово *барыш* отмечено в текстах XVII века (... *дали барышу 16 алтын*), как прозвище встречается уже в XVI века [СЛРЯ XI–XVII, 1975–2015, вып. 1, с. 76]. Для слова *барыш* и В. И. Даль, и Д. Н. Ушаков (Толковый словарь русского языка, 1935–1940, т. 1, с. 92) отмечают заимствованный его характер, этимологические словари не содержат уточнений относительно предполагаемого языка-источника среди тюркских языков [Черных, 1994, т. 1, с. 76], для нас важно, что в тюркских языках у этой лексемы нет отрицательных коннотаций (тюрк. *барыш* «мир, соглашение (торговое)»). Отсутствие отрицательной коннотации демонстрирует употребление этого слова в диалектах: *барыш* 1) «удача, счастливый случай» (перм.), 2) (обычно мн.) «угощение вином, попойка после заключения торговой сделки» (Зап., Даль; *Корову купили — барыша надо распить*. пск.), 3) мн. *барыши* «договор относительно подарков между женихом и невестой». «Подарки даются по условию, сделанному во время барышей» (смол.); *барышнóй*, *барышный* «выгодный, доходный, дающий барыш» (*Товар-от барышней у их, колько ни привези, все мало. Промысла сей год барышнее супротив летошных*. арх., 1885. Колым. якут.) [СРНГ, 1965–2016, вып. 2, с. 125].

Современное значение слова *нажива* — «приобретательство, нетрудовое обогащение», *барыш* — разг. «польза, выгода» [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 3, с. 152; т. 1, с. 63], предполагаемое его производное *барыга* — 1) разг. сниж. «тот, кто занимается скупкой и перепродажей

вещей (обычно краденых)»; 2) употребляется как порицающее или бранное слово [Толковый онлайн словарь Ефремовой]³².

Как видим, синонимы *нажива* и производное от *барыш* разошлись со словом *польза* по коннотации уже в Новое время, сменив положительно-нейтральную оценочность на отрицательную. Эта перемена явно связана с изменением социальных отношений в стране и, как следствие, с изменением оценки частной собственности, прибыли частного лица, торговца-собственника.

Понять же, что было стержнем формирования понятия, какой признак был культурно значимым (возможно, этноспецифичным) при формировании понятия и лег в основу номинации, можно, выяснив мотивировочный признак слова, максимально полно выражающего понятие. В нашем случае это слово *польза*.

На первый взгляд слово *польза* кажется префиксальным образованием с хорошо знакомой приставкой *по-*. Вот только поиски производящей основы заводят в тупик, даже если увидим похожее образование в слове *нельзя*.

Как сообщают этимологические источники, *польза* — заимствование из старославянского языка: ст.-слав. *польса* «польза, выгода, полезность» (*ѡкоже и азъ въ васъ всѣмъ оугажаю, не искъши своѣѡ пользы; приѣтие тѣла и крѣви твоее... боудим нѣ въ пользоу доуши и тѣлоу*) [Черных, 1994, т. 2, с. 55; СС, т. 3, с. 145]. Согласно словарю XI–XIV веков, слово *польза* достаточно широко представлено в текстах (508 употреблений) и отмечено в значениях «благо, польза» («... *всье творца на пользоу комоужьдо*. Изб. 1076), «то, что имеет пользу для души; душеполезное» (*аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрѣщещи велику ползу души своеи*. ЛЛ.) и «польза, выгода, прок». Также в текстах встречаются варианты этого слова: *польза* (16) «благо, польза» (XI в.), *польга* (1) «тж» (XIV в.), *пользиѣ* (3) «польза, благо» (XIV в.), *пользованиѣ* (7) «тж» (XIV–XV вв.) [СлРЯ XI–XIV, 1988–1991, т. 7, с. 108–113].

Как видим, слово *польза* в древнерусских текстах не имеет различий ни по форме, ни по значению со словом старославянских текстов. О понимании древнерусскими книжниками производного характера слова *польза* как префиксального образования свидетельствует употребление еще одного однокорневого заимствования — *льгыни* (2) «выгода, польза» (XII в.) и «облегчение» (XIII в.) при ст.-слав. *льгыни* «легкость, облегчение» (ср. др.-рус. *льгота* (11) «облегчение, освобождение (от тягот, тру-

³² <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%B1/%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%8B%D1%88>

дов)», также пришедшее из старославянского языка) [СЛРЯ XI–XIV, 1988–1991, т. 4, с. 445, 447; Словарь старославянского языка, 2006, т. 2, с. 147].

Учитывая семантику беспрефиксных образований в старославянском и их заимствований в древнерусском (*льгыни*, *льгота* «легкость»), родственное им рус. *легкий* «незначительный по весу», «нетрудный, необременительный», а также ст.-слав. *льсть* «можно» и *не льсть* «нельзя», *льса* «возможность», рус. диал. *льзя* (пск.) «можно, легко» [СЛРЯ XI–XVII, 1975–2015, вып. 8, с. 188, 192, 321; Словарь старославянского языка, 2006, т. 2, с. 147; Даль, 1994, т. 2, с. 628], можно выявить общую для всех образований семантику легкости, облегчения от каких-либо тягот, болезни, «нечто, дающее облегчение, помогающее» — оно и «полезное».

Следовательно, *польза* — это все то, что *помогает* сделать существование человека легче, ср. *пользу взяти, приятии* «получить пользу, облегчение и т. п.» ([*Больной*] *истъицись кровиица своя златъная, дая врачемъ и никое я же пользы*; XIII в.) [СЛРЯ XI–XVII, 1975–2015, вып. 16, с. 284]. При этом уже в старославянском тексте видим указание на осуждение абсолютизации пользы: *«нъ не бждетъ польза твоимъ коумиремъ. Супр.»* [СС, т. 3, с. 146] — понимание, что меркантильность разрушает духовные и нравственные основы жизни, мешает совершенствованию человека, которого не может быть без бескорыстного и милосердного отношения человека к другим людям.

Уже на раннем этапе истории русского языка выделяются сферы жизни, в которых облегчение наиболее необходимо: духовная (облегчение души) и материальная польза, включая здоровье (облегчение как лечение, выздоравливание). Первый АСВ слова *польза* — «польза, благо» (... *всье твора на пользоу комоужьдо. 1076 г.; испълнь бо юсть пользы слово се вьсьмъ послушающимъ. XII в.*); АСВ-2 «польза, выгода, прок» (*И врачеве же приходѧще не можахоу никоѧже пользы створити. XII в.*) [СЛРЯ XI–XIV, 1988–1991, т. 7, с. 109].

Как видим, трактовка понятия «польза» южнославянских книжников была перенесена на Русь и укоренилась в церковнославянском и древнерусском языках. Применимость слова *польза* и стоящего за ним понятия к разным сферам жизни носителей языка как раз и определилась заимствованным характером слова, отсутствием словообразовательных связей, кроме как с производными, и отсутствием ассоциаций с семантикой родственных слов, то есть стертой номинационного признака.

Следовательно, формирование структуры современного понятия пользы возникло на волне культурной перестройки на Руси в связи с принятием христианства под влиянием Византии. Христианизация в разных частях славянского мира шла разными путями, в результате по-

лучилось так, что понятие «хороший результат, благоприятные последствия для кого-, чего-л.» выражено словом *польза* только в старославянском и древнерусском (русском), а также еще в двух, тесно связанных со старославянским, языках — в болгарском и македонском (*полза*). Следует обратить внимание на помету к слову *польза*, указывающую на ареал распространения, в словаре Даля: «сев., вост.» — примерно соотносительно со среднерусскими и северными говорами, иначе говоря — с Московской (ср. отсутствие слова *польза* в украинском языке).

Как известно, в остальных славянских языках (кроме серболоужицких) есть широко распространенное обозначение понятия «польза», обозначение, имеющее праславянские корни — **koristь*: ст.-слав. *користь* «добыча, трофей», «корысть», болг. *кóрист* «выгода, польза», макед. *корист* «польза», с.-хорв. *кòрист* «польза», «выгода, привилегия», словен. *koríst* «польза, выгода», «благо», чеш. *kořist* «добыча», «улов», «трофей», «выгода», слвц. *korist* «(награбленная) добыча», «военные трофеи, «улов», польск. *korzyść* «прибыль, выгода, польза», (стар.) «добыча, военные трофеи», словин. *kořest* «прибыль, выгода», укр. *користь* «польза, выгода, прибыль», «добыча», ст.-блр. *корысть* «добыча», блр. *карыць* «польза», «выгода, корысть» [Этимологический словарь славянских языков, 2016, вып. 11, с. 71].

В древнерусских текстах слово *корысть* встречается 23 раза, известно в трех значениях: 1) добыча, трофеи (XI в.), 2) приобретение, достояние (XII–XIII в.), 3) преимущество, привилегия (XII в. сп. XVI в.) (*И възвратисавъѣфиюниюъ многоу корыстью*; XIII в.) [СЛРЯ XI–XIV, 1988–1991, т. 4, с. 266–267]. В русском языке *корысть* — это «выгода», «материальная польза» (простореч.) (*Какая ему в этом корысть? В корыте много ли корысти?* Пушкин) и «корыстолюбие» (*Когда он увидел деньги, в нем заговорила корысть*) [Толковый словарь русского языка, 1935–1940, т. 1, с. 1480], хотя в [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 2, с. 109] у этого слова нет стилистических ограничений. В диалектах русского языка *корысть* обозначает «доход, прибыль» (яросл., 1852), «зависть» (пск., твер., 1855) [СРНГ, 1965–2016, вып. 15, с. 36].

Семантика соотносимого с именем глагола *корыститься* в русском языке имеет отрицательную коннотацию — «гнаться, жадно кидаться для добычи», «завидовать» (Даль), диал. «стараться изо всех сил приобрести», «завидовать» (пск., твер.), в отличие от аналогичного глагола в славянских языках, где он имеет значения «извлекать пользу», «приносить пользу», «способствовать», кроме польского, где отмечены значения и с положительной (нейтральной), и с отрицательной оценкой (*korzyścić* «использовать, пользоваться» и «похищать, при-

сваивать» [Этимологический словарь славянских языков, 2016, вып. 11, с. 70].

Семантика русского прилагательного *корыстный* соотносится с семантикой существительного: 1) основанный на корысти, направленный на извлечение личной выгоды, пользы; 2) корыстолюбивый [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 3, т. 2, с. 109]. В истории русского языка прилагательное характеризуется положительной или нейтральной оценкой, и в древнерусском, и в диалектах русского языка, ср. др.-рус. *корыс (т) ный* «торговый, относящийся к торговле, торговой прибыли» (XVI в.), «полезный» (XVII в.), *корыс (т) никъ* человек, делающий что-л. полезное (16 в. 13 в.), корыстолюбивый человек (XVII в.) [САРЯ XI–XVII, 1975–2015, вып. 7, с. 351–352]; диал. *корыстный* «хороший» (перм.), «полезный» (волог., свердл., краснояр.), «большой, обильный» (Ср. Урал) и «завистливый» (в тех же говорах, что и *корысть* «зависть», — в пск., твер.) [СРНГ, 1965–2016, вып. 15, с. 36].

Что же касается происхождения этого широко представленного в славянских языках слова, то считается, что праслав. **koristъ* является именным производным от глагола **koristiti*, осложненного экспрессивным префиксом **ko-*, с семантикой захвата, обладания, использования, ср. новг. *вырыскивать* «принять благоприятный оборот, удасться (о замыслах, о деле)» (*И не думали, а вырыскнуло дело*) [СРНГ, 1965–2016, вып. 6, с. 15], *нарыскать, нарыскивать* «наделать или нажить рыская» (*Шляясь в одном сюртуке, нарыщешь себе лихорадку*; Даль) [Варбот, 1970, с. 65–70; Этимологический словарь славянских языков, 2016, вып. 11, с. 72]. То есть исконное славянское обозначение рассматриваемого понятия лексемой *корысть* основывалось на номинационном признаке «положительный для субъекта результат активного действия/движения, направленного на достижение цели (бежать с целью, стремиться)», ср. нечто подобное по внутренней форме у слов *добыча, улов*.

В чем же причина изменения языкового знака рассматриваемого понятия, а также, следовательно, и структуры понятия, обозначаемого им? Сравнивая семантическую структуру слова *корысть* в древнерусском и русском языках с семантикой его аналогов в других славянских языках, уход в пассивный запас слов *нажива, барыш* (устаревшие) и семантику предполагаемых однокорневых диалектных образований (*вырыскивать, нарыскать*), можно сделать вывод, что семантика всей этой лексики делает акцент прежде всего на материальной пользе для субъекта. Для создателей старославянского языка, для христианских Учителей это было неприемлемо, не подходило слав. **koristъ*, слово языческого мира, по своим функционально-семантическим особенностям для но-

вого, по их пониманию, более сложного по структуре понятия «польза». Слово *польза*, возникшее в старославянском языке, связано номинационным признаком с идеей, что «облегчение, освобождение, помощь» — это то, что жаждут и душа человека (освобождения от грехов, помощь от соблазнов и т. п.), и тело (здоровье), и мирские дела его. Это и есть «полезное», «польза». Ближайшим синонимом новообразованию *польза* было слово *оуспѣхъ* «польза, выгода», «способность, сила», производное от глагола *оуспѣти*, *оуспѣвати* «успеть», «преуспеть», «справиться с чем-л.», «принести пользу, помочь», ср. чеш. *prospěch* «польза, выгода, прок» [Словарь старославянского языка, 2006, т. 4, с. 682]. Этот синоним обозначал материальную пользу как результат активных и успешных действий субъекта.

Какие аспекты понятия актуализируют другие синонимы слова *польза*? Словари синонимов русского литературного языка (Евгеньева, Александрова — XX век, Абрамов — XIX век) добавляют в синонимы к слову *польза* в значении «положительный результат, благоприятные последствия для кого-л., чего-л.» такие лексемы, как *прок*, *толк* (разг.), *выгода-2*, *выигрыш-3*, *расчет-6* (разг.), *смысл-2* (разг.), *прибыль-2* (перен. разг.), *нажива-1* (разг. устар.), *интерес-3* (разг. устар.), *профит* (книж. устар.), *авантаж* (разг. устар.). Синонимы прилагательного *полезный* — *здоровый*, *целебный/целительный*, *пользительный* (простореч. устар.) [Александрова, 2001, с. 354; Евгеньева, 1970, с. 186; Абрамов, 1999, с. 282].

Таким образом, в лексико-семантическое поле «Польза», репрезентирующем понятие «польза», обнаруживается достаточно большой ряд лексики, разнородной стилистически (литературная речь — разговорная речь), ограниченной и неограниченной в употреблении (современная — устаревшая). Максимально полно это понятие выражает само слово *польза*. Наличие достаточно большого числа синонимов свидетельствует о значимости этого понятия и необходимости для носителей языка дискретно представлять его. Синонимы различаются по происхождению и сфере употребления. Большую часть этой группы лексики составляет исконная лексика, за исключением четырех слов — *барыш*, *интерес*, *авантаж*, *профит*. Стилистически неограниченные синонимы слова *польза* (по [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 3]) — *выгода-2*, *толк-4*, *выигрыш-3*, *корысть-1*; ограниченные разговорным речью — *прок*, *расчет-6*, *смысл-2*, *прибыль-2*, *нажива-1* и заимствования. Ограничены в употреблении в значении «польза, выгода» как устаревшие лексемы *нажива* и заимствования (*барыш*, *интерес*, *авантаж*, *профит*). Хронологическая неоднородность синонимических отношений, о чем свиде-

тельствует пласт устаревшей в употреблении лексики, позволяет судить об изменениях в структуре понятия.

В группе исконной лексики не производно только слово *корысть*, остальные слова производны либо формально (структурно), либо семантически. О слове *корысть*, предшественнице слова *польза* в выражении понятия «польза» как «положительный результат, благоприятные последствия для кого-л., чего-л.» в истории русского языка уже сказано выше.

Слово *прок*, известное теперь в значении «польза, выгода» и ограниченное разговорной формой языка, в текстах древнерусского периода употреблялось в значении «остаток, остальное» (... *а прокъ ему взати собѣ*). Предполагается, что современное значение могло развиваться из значений сочетаний *въ прокъ* «вперед, на будущее», *на прокъ* «на будущее, навсегда» (*а село Павловское дал есмь Олександру в прок, собѣ в память*, 1358 г.). В других славянских языках это слово не отмечено [Черных, т. 2, с. 70; СЛРЯ XI–XIV, 1988–1991, т. 9, с. 88]. Слово *прок* в значении «польза, прибыль, доход» (*А будет в росоли прокъ*) отмечено в тексте XV в. [СЛРЯ XI–XVII, 1975–2015, вып. 20, с. 146]. В ряде диалектов русского языка слово *прок* отмечается и в значении «толк, прибыль», и в значении «о будущем времени, годе или событиях, результатах, которых можно ожидать», а также в значении «уменье, способность», «толк, прибыль» (*Чужое не дается проком — выпрет боком*; сарат., Даль), *будет прок (проку) в ком-л.* «будет польза, толк от кого-л.» (*Я говорю, что не будет проку в этом человеке* (волог., сев.-двин.); *Поглядим, что прок скажет* (Даль. Урал); *У кого какой прок косить. Кто быстро, кто тихо* (арх., пск.) [СРНГ, 1965–2016, вып. 32, с. 151]. То есть можно интерпретировать внутреннюю форму слова *прок* как «(мысленное) определение возможного положительного результата (и его степени)» или в форме варианта вопроса: Какой прок? = Что в остатке?

Похожую внутреннюю форму имеет и лексема *толк* (разг.), объясняемая через синонимы *прок, польза* [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 4, с. 373–374], словообразовательно связанная с глаголом *толковать* «определять смысл, значение чего-л., понимать и объяснять что-л.» [там же], исторически с др.-рус. *тълкѣ* «толкование», *тълковати* «объяснять». Как и *прок*, в других славянских языках *толк* не отмечено [Черных, 1994, т. 4, с. 248]. В диалектах русского языка это слово широко представлено именно в значении «способность здраво рассуждать, мыслить, ум, разум». В значении «польза» слово *толк* отмечено в отдельных диалектах, с поздней фиксацией, в основном в отрицательных конструкциях, ср. *без толку, без пути* «зря, напрасно» (*Мучались, паря, что тут*

толковать, без толку, без пути мучались; том., 1964, кемер.); *не в толк «вредно, без пользы» (нам самим это и не в толк*; том., 1975); *ни толку, ни уторку* 'о чем-л., что представляется несостоящим, ненужным, бесполезным, ни уму, ни сердцу'; яросл., 1990) [СРНГ, 1965–2016, вып. 44, с. 184].

К этой же группе, вероятно, следует отнести слова *смысл, расчет*. У слова *смысл* в значении «цель, разумное основание» есть вариант (разг.) «преимущество, выгода, польза» (*Мне нет смысла переходить на другую работу*) [Толковый словарь русского языка, 1935–1940, т. 4, с. 313]. Слово *расчет* имеет значение (ЛСВ-6) «соображения, направленные на получение выгоды, пользы» (*Мне нет расчета ехать туда. Копеечный расчет*) [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 3, с. 681–682]. В этих случаях видим сопряженность понятий «расчет», «действие с положительным результатом» и «польза». Слово *выгода* «прибыль, доход, извлекаемые из чего-л.» «польза» ([Кутузов:] *А то, что к выгоде Наполеона служит, не может нашей выгоде служить*. Соловьев.) связано с *выгадать* «сберечь, сэкономить путем расчета, путем сокращения расходов, труда и т. п.» [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 1, с. 249–250], то есть мотивационный признак связан с рассчитываемым по результату действием, «расчет/действие». И только лексемы *нажива* и *выигрыш* определяют пользу напрямую через результативное конкретное действие: *нажива* обозначает действие по глаголу *нажить, наживать* «приобрести постепенно, скопить в течение какого-л. времени», «получить прибыль, барыш, доход и т. п.»; *выигрыш* (ЛСВ-3) «выгода, польза, преимущество» производно от *выигрывать, выиграть* «получать какую-л. выгоду, пользу, какие-л. преимущества от чего-л.» (ЛСВ-3), «приобрести игрой (в карты, лото и т. п.), получить при розыгрыше (тиража, займа, лотереи)» (ЛСВ-1) [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 2, с. 353; т. 1, с. 257]. В отличие от рассмотренных лексем, значение «польза, выгода» у слова *прибыль* возникло как переносное, разговорное и своей внутренней формой актуализирует лишь понятийный компонент «положительный результат» без соотнесения (как у лексем *нажива, выигрыш*) с другим понятийным компонентом «расчет/действие».

Что касается заимствованных лексем *интерес, профит, авантаж*, то они стали употребляться в русском языке в период активного пополнения словарного запаса иноязычной лексикой в XVIII веке. Употребление слова *интерес* в значении «польза, смысл» (ЛСВ-3) стилистически ограничено (разг. устар.) (*Нет никакого интереса ехать туда. Какой интерес смотреть скучную пьесу!*). Общеупотребительно другое значение слова *интерес* (ЛСВ-4), близкое по значению предыдущему, — (обычно мн. ч.) *интересы* — «то, что составляет благо кого-, чего-л., служит

на пользу кому-л., чему-л.; нужды, потребности». В. И. Даль также приводит слово *интересант* «своекорыстный человек, оберегающий только свои выгоды» [Даль, 1994, т. 2, с. 108]. Слово *интерес* могло проникнуть в русский язык через польское или немецкое посредство (польск. *interes* «дело, выгодная сделка», нем. *Interesse*), источником для которого было фр. *intérêt* «интерес, польза». Полагают, что значение «особое внимание, любопытство, проявленное к кому-л., чему-л.» развилось (в новых европейских языках) из значения «выгода», «польза» [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 1, с. 672; Черных, 1994, т. 1, с. 352; Биржакова, 1972, с. 364].

Другое заимствование — *авантаж* — также стилистически ограничено в употреблении (разг. устар.), пришло оно из французского языка (фр. *avantage* ‘выгода, преимущество; превосходство’) в Петровскую эпоху со знач. ‘польза, выгода’; впервые фиксируется в «Письмах и бумагах Петра Великого» (1708 г.) [Биржакова, 1972, с. 338].

Иначе сложилась история слова *профит*, также заимствованного из французского языка [Биржакова, 1972, с. 389]. Словари отмечают его принадлежность к устаревшей лексике в значении «выгода, прибыль, барыш» [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 3, с. 541], и оно было таковым, но современная интернет-коммуникация активно стала использовать это слово (*получил профит в виде хорошего настроения, не заметил там профита, получите от этого большой профит*). Кроме того, под влиянием английского языка *профит* входит в разряд экономических терминов со значением «прибыль, выгода, доход», а также появляется ряд сложных слов, таких как *профит-центр*, *профит-тейкинг* «продажа акций, которые повысились в цене со времени их покупки» и т. д. [Гацалов, 2002, с. 122].

Эти заимствованные лексемы в разной степени адаптированы в русском языке: в значительной степени адаптировано слово *интерес*, *барыш* и сохраняют признаки иноязычного слова *авантаж* и *профит* (по своим сочетаемостным, грамматико-синтаксическим характеристикам). Вероятно, что степень адаптации зависит от пути заимствования: книжный для слов *профит* и *авантаж* и устный для слов *интерес* и *барыш*.

Как видим, все четыре заимствования в рассматриваемой лексической группе актуализируют в понятии «польза» структурный компонент «материальная выгода, прибыль».

Анализ семантики рассмотренных синонимов слова *польза* показывает, что все они актуализируют конкретизируют, очевидно, наиболее значимую в повседневной жизни человека часть понятия «польза» — «положительный результат расчета/действия в виде материальной вы-

годы». В этом смысле слово *польза* и рассмотренные синонимы ситуативно взаимозаменяемы, ср.: *Какая от этого польза (выгода, выигрши, барыш, корысть, нажива, прибыль, авантаж, профит)? Какой в этом прок, толк, расчет, интерес, смысл?* То, что синонимы связаны только с одним аспектом понятия «польза» свидетельствует и то, что они не соотносятся с другими аспектами понятия — «польза для нематериальной (духовной) стороны жизни субъекта; душе полезность», «польза для здоровья субъекта». Эти стороны понятия «польза» реализуются либо через сочетаемость слова *польза* (*польза просвещения, искусства, общения, для души, для больного* и т.д.), либо в производных: прилагательное *полезный* имеет синоним *здоровый* [Евгеньева, 1981–1984, т. 2, с. 182: *полезный, здоровый* — такой, который идет на пользу здоровью, укрепляет организм]; *пользовать* (устар.) «лечить», *пользоваться у кого* (устар.) «лечиться у кого» [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 3, с. 277], у Даля *полезный* — *пользительный* (особенно для здоровья), *целительный, целебный* [Даль, 1994, т. 3, с. 690].

Динамику развития понятия «польза», поэтапность выражения этого развития на лексико-семантическом уровне языка можно представить следующим образом.

Первый этап. Анализ показывает, что наиболее распространенное исконное славянское обозначение понятия «польза» связано с лексемой *корысть* и основывалось на номинационном признаке «положительный для субъекта результат какого-то действия, связанного с активным и целенаправленным движением (бежать с целью, стремиться)» (ср. *добыча, улов*). Поэтому неслучайно у слова *корысть/korist* отмечено значение «добыча, трофей» в значительной части славянских языков, в том числе и в старославянском языке. Этот же мотивационный признак — «результат (материальный), к которому стремился субъект» — актуален в языке ранних славян и реализуется в синонимах к слову *корысть/korist* не только в русском языке: ст.-слав., цслав. *оуспѣхъ* (чеш., слвц. *prospěch*), рус. *добыча* (укр. *здобич*, серб. *dobitak*), рус. *выгода* (чеш., слвц. *výhoda*), рус. *нажива* (укр. *пожива*, чеш. *užitek*, слвц. *užitok*, польск. *pożytek*). Польза осознается как удовлетворение жизненных (элементарных) потребностей.

Второй этап. Формирование структуры современного понятия «польза» началось в период культурной перестройки на Руси в связи с принятием христианства. Истолкование понятия «польза» южнославянскими книжниками как «то, что дает облегчение, помощь (душе и телу)», выраженное старославянским новообразованием — словом *польза*, было перенесено на Русь и укоренилось прежде всего в среде церковной и, ве-

роятно, какой-то части образованного общества. Поскольку в общем употреблении слово *польза* закрепилось только в русском языке, можно полагать, что оно утратило книжный характер и вошло в общее употребление позже, уже в пределах Московского государства. Заимствованный характер слова *польза* способствовал максимально полному выражению разных граней усложнившегося понятия: материальной и духовной пользы, общей и частной, пользы для здоровья. Такого языкового знака, общего для выражения разных аспектов понятия «польза», в других славянских языках не возникло, используются разные синонимы, ср. чеш. *užitek*, *duchovní prospěch*, *materiálový přínos*, *dobré produši*, *prospěch prozdraví*, *užitečná tráva*.

Третий этап. В XV веке отмечается слово *прок* в значении «польза, выгода» (старшее значение «остаток, остальное», «будущее время») и в XVI веке заимствованное из тюркских языков слово *барыш* (первые фиксации уже как прозвища), первоначально обозначавшее пользу, выгоду от торговой сделки. В XVIII веке, в Петровскую эпоху, лексико-семантическое поле выражения понятия «польза» пополнилось заимствованиями из европейских языков: *интерес* «польза, смысл», *авантаж* «польза, выгода» (устаревшее), *профит* «выгода, прибыль» (устаревшее, но возродившееся в последнее время в интернет-коммуникации). Как видим, и в этот период, через заимствования, актуализируется тот же аспект понятия «польза», что в древнерусской исконной лексике, — «польза в материальном выражении», «польза/выгода, прибыль». Собственно русское слово *прок* практически выражает то же самое: *какой прок?* = *какой остаток, результат?*

Четвертый этап. В литературный период русского языка в список лексем, связанных с выражением понятия «польза», попадают отдельными своими значениями слова, продолжающие предыдущую линию развития синонимического ряда, актуализацию того же аспекта понятия («польза материальная») — лексемы *смысл*, *расчет*, *прибыль*. Но связь понятия «польза» и исходного, этимологического («то, что приносит облегчение» прослеживается и в XVIII–XIX веках, и прежде всего, когда речь идет о здоровье, ср. [Словарь Академии Российской, 1789–1794, т. 4, с. 989] *польза* — 1) выгода, прибыль; 2) облегчение (относительно к действию лекарств): «Отъ сего лѣкарства великую получают пользу». Об этом же свидетельствует В. Даль, который для слова *польза* приводит как синонимы не только слова *выгода*, *прибыль*, *барыш*, *нажива*, но и *льгота*, *облегчение*; *помощь*, *прок*, *подспорье*, *улучшение* [Даль, 1994, т. 3, с. 690]. В. Даль привел расширенный синонимический ряд, в котором «польза» как «облегчение» тесно связано причинно-следственной

связью с понятием «помощь» (*помощь, подспорье, улучшение*). Можно, наверное, сказать, что данные понятия пересекаются. Сохранение связи понятия «польза» с понятиями «облегчение» и «помощь» подтверждают факты диалектов: смол. *польза* «пóмочь в лечении, пóмочь роженице», *пользение, пользня* «польза, исцеление» и *пользя, польжа* «облегчение, (в болезни), выздоровление» (тул., влад.) [СРНГ, 1965–2016, вып. 29, с. 181]. В разговорной речи это употребление есть и сейчас. Тем не менее основное направление осмысления понятия «польза» носителями русского языка с доисторических времен связано прежде всего с материальной стороной пользы, значимой для физического существования человека. Об этом свидетельствует и «Новый частотный словарь русской лексики»: сравните частотность употребления самого слова *польза* (ipm 76.6) и его наиболее частотных синонимов *выгода* (ipm 20.6), *выгодный* (ipm 30.9), *толк* (ipm 34.0), *прок* (ipm 2.6) [Ляшевская, Шаров]. Это и ожидаемо, поскольку через понятие «польза» оценивается положительное значение предметов и явлений в их отношении к удовлетворению жизненных потребностей человека, к интересам индивидуально или коллективного субъекта.

Таким образом, современная структура понятия «польза» сформировалась из двух источников, из взаимодействия двух культур — древнерусской и христианской византийской. Первый источник — существующие с доисторических времен разные региональные осмысления и именования понятия «польза», представленные в русском языке лексемами *корысть, добыча, выгода, нажива*, реализующие мотивационный признак «результат (материальный), к которому стремился субъект». Более поздняя, собственно русская лексика, связанная с представлением понятия «польза», демонстрировала в своей семантике сопряженность мотивировочных признаков «расчет», «действие с положительным результатом» и «польза» (*толк, прок, смысл, расчет*). Второй источник — новообразование старославянского языка — слово *польза*, интерпретирующее понятие пользы как облегчения (души и тела), что было связано с задачей христианского вероучения акцентировать внимание на значимости духовной стороны жизни человека (*пользу взяти, приятии* «получить пользу, облегчение»). Это христианское понимание пользы совместилось с языческим ее истолкованием, прежде всего как добычи, совместилось «под крышей» слова *польза*, уравновесив все аспекты понятия положительной оценкой.

Понятие пользы связано с понятием блага. Отступление от нормы, пользы как блага (не только для субъекта, но и окружения, общества) может выражать часть синонимов, варьируя ситуативно положитель-

ную и отрицательную оценку (ср. употребление слов *выгода, корысть, нажива, интерес, расчет, прибыль*). Поскольку такое отступление от нормы — это «своекорыстие, корыстолюбие», увлечение личной выгодой, то применительно к таким аспектам пользы, как польза для души (польза книг, просвещения, польза веры и т. п.), для здоровья, такое отступление не актуально, нет и надобности в дискретности этой части понятия «польза» через синонимы.

Библиографический список

Азылбекова Г. О. Семантико-прагматические особенности утилитарной оценки (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2011.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (слав. **koristъ*, русск. *скряга*, русск. диал. *намокнуть* «приучиться», русск. *дроля*, русск. — *начить*) // Этимология. М., 1972.

Гацалов М. М. Современный экономический словарь-справочник. Ухта, 2002.

Погорелова С. Д. Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки в русском и английском языках (по материалам лексикографии): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

Савельева Е. А. Концептуализация утилитарных оценок полезных / вредный в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014.

Хорошунова И. В. Семантические процессы в лексико-семантическом поле (на материале лексико-семантического поля утилитарной оценки «ПОЛЬЗА/ВРЕД»): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.

Словари

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М., 2001.

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по значению выражений. М., 1999.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1–4.

Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. Л., 1970–1971. Т. 1–2.

Ляшевская О. Н., Шаров. С. А. Новый частотный словарь русской лексики. М., 2009.

Словарь русского языка / ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1–4.

Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.

СЛРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988–1991. Т. 1–10.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–2016. Вып. 1–49.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / глав. ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–2015. Вып. 1–30.

Словарь старославянского языка. СПб., 2006. Т. 1–4.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. М., 1964–1973.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1994.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 40: *ǫboгъкъ — *rakъla. М., 2016.

Список источников

Новая философская энциклопедия: URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%AC%D0%97%D0%90

References

Azylbekova G. O. *Semantiko-pragmatische osobnosti poleznoy otsenki (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)*. [Semantic and pragmatic features of utilitarian evaluation (based on the Russian and German languages)]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Tobolsk, 2011.

Arutjunova N. D. *Tipy jazykovyh znachenij. Ocenka. Sobytie. Fakt*. [Types of language values. Grade. Event. Fact]. Moscow, 1988.

Birzhakova E. Je., Vojnova L. A., Kutina L. L. *Oчерки по istoricheskoj leksikologii russkogo jazyka XVIII veka. Jazykovye kontakty i zaimstvovanija*. [Essays on the historical lexicology of the Russian language in the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad, 1972.

Varbot Zh. Zh. *Zametki po slavjanskoj jetimologii (slav. *korist', russk. skrjaga, russk. dial. namoknut' "priuchit'sja", russk. drolja, russk. — nachit')*. [Notes on Slavic etymology (Slavic * koristь, Russian *curmudgeon*, Russian dial. *soak* «get used to, Russian *drolja*, Russian — *begin*)]. In: *Jetimologija*. [Etymology]. Moscow, 1972.

Gacalov M. M. *Sovremennyy jekonomicheskij slovar' — spravochnik*. [Modern economic dictionary-reference.]. Ukhta, 2002.

Pogorelova S. D. *Sopostavitel'noye issledovaniye leksiki poleznoy otsenki na russkom i angliyskom yazykakh (po materialam leksikografii)*. [Comparative study of the vocabulary of utilitarian evaluation in Russian and English (based on lexicography materials. Thesis of Philol. Cand. Diss. Yekaterinburg, 2002.

Savel'yeva Ye. A. *Kontseptualizatsiya utilitarnykh otsenok poleznyy / vrednyy na russkom yazyke*. [Conceptualization of utilitarian assessments useful / harmful in Russian]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Omsk, 2014.

Khoroshunova I. V. *Semanticheskiye protsessy v leksiko-semanticheskom pole (na materiale leksiko-semanticheskogo polya utilitarnoy otsenki "POL'ZA/VRED")*. [Semantic processes in the lexico-semantic field (on the material of the lexico-semantic field of the utilitarian assessment "BENEFITS/HARM")]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Voronezh, 2002.

Dictionaries

Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo jazyka: Prakticheskij spravochnik*. [Dictionary of Russian synonyms: Practical guide]. Moscow, 2001.

Abramov N. *Slovar' russkih sinonimov i shodnyh po znacheniju vyrazhenij*. [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions]. Moscow, 1999.

Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1994. Vol. 1–4.

Evgen'eva A. P. *Slovar' sinonimov russkogo jazyka*. [Dictionary of Russian synonyms]. Leningrad, 1970–1971. Vol. 1–2.

Ljashevskaja O. N., Sharov. S. A. *Novyj chastotnyj slovar' russkoj leksiki*. [New frequency dictionary of Russian vocabulary]. Moscow, 2009.

Slovar' russkogo jazyka. [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1981–1984. Vol. 1–4.

Slovar' Akademii Rossijskoj. [Dictionary of the Russian Academy], St. Petersburg, 1789–1794. Pt. 1–6.

SIRJa XI–XIV — *Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)*. [Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries)]. Moscow, 1988–1991. Vol. 1–10.

SRNG — *Slovar' russkih narodnyh govorov*. [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad, 1965–2016. Iss. 1–49.

SIRJa XI–XVII — *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Moscow, 1975–2015. Iss. 1–30.

Slovar' staroslavjanskogo jazyka. [Dictionary of the Old Church Slavonic]. St. Petersburg, 2006. Vol. 1–4.

Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. In 4 volumes. Moscow, 1935–1940.

Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 volumes. Moscow, 1964–1973.

Chernyh P. Ja. *Istoriko-jetimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*. [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. In 2 volumes. Moscow, 1994.

Jetimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond. vyp. 40. [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund. iss. 40]. Moscow, 2016.

List of sources

Novaja filosoфskaja jenciklopedija. [New philosophical encyclopedia]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%AC%D0%97%D0%90

Список сокращений

Языки: блр. — белорусский; болг. — болгарский; др.-рус. — древнерусский; макед. — македонский; нем. — немецкий; польск. — польский; праслав. — праславянский; рус. — русский; с.-хорв. — сербо-хорватский; слав. — славянский; серб. — сербский; словц. — словацкий; словен. — словенский; словин. — словинский, ст.-слав. — старославянский, турец. — турецкий; тюрк. — тюркский; укр. — украинский; фр. — французский; чеш. — чешский.

Диалекты: арх. — архангельский; влад. — владимирский; волог. — вологодский; кемер. — кемеровский; краснояр. — красноярский; новг. — новгородский; олон. — олонецкий; перм. — пермский; пск. — псковский; сарат. — саратовский; свердл. — свердловский; сев.-двин. — северодвинский; смол. — смоленский; твер. — тверской; том. — томский; тул. — тульский; яросл. — ярославский.

Другие сокращения: вып. — выпуск; диал. — диалектный; простореч. — просторечный; разг. — разговорный; сниж. — сниженный, устар. — устаревшее.

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ (НА ПРИМЕРЕ МИКРОПОЛЯ «КРОВНЫЕ РОДСТВЕННИКИ»)

Часть 2

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная картина мира, концептуальное микрополе «Кровные родственники», этнокультурная специфика, кубанские говоры.

Keywords: cognitive dialectology, dialect world view, conceptual microfield “Blood relatives”, ethnocultural specifics, Kuban dialects.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–06

Данная статья продолжает исследование, начатое ранее [Борисова, Костина, 2022, № 1]. Обратимся к рассмотрению диалектных номинаций матери в кубанских говорах (далее — КГ), представляющих собой серию лексических единиц (далее — ЛЕ) с корнями МАТ- и МАМ-: *ма́мьця, ма́тер / ма́терь, ма́ты, ма́те [э]*, (ласк.) *мату́ся*. В традиционной кубанской семье на матери держится домашний быт, сельскохозяйственная работа, ее жизнь полна забот и волнений. Подтвердим эту мысль высказыванием информанта: *Жэ́нцина, ана́ жына́, мать, на ие плича́ х фсе хазя́йства, а вин, казацу́ра, он вою́е, слу́жить* (Славянск-на-Кубани). В записанной в станице Старомышастовской пословице *Дивча́та шьють и спива́ють, а ма́тэ по́рэ и пла́че* жизнь матери, взрослой замужней женщины, противопоставляется беспечности молодых девушек, ее дочерей (см. также: *Ма́тэ пла́че, а до́чка ска́че*).

Исследователь В. П. Чалов приводит пословицы *Мать свои́м де́тям по́крышка <все покро́ет, де так, де не так>; ба́бка вну́кам по́крышка*, происхождение которых ученый связывает с фразеологическими единицами (далее — ФЕ) *своя́ ха́та по́крышка* и *с ха́ты сор не выно́сят*, отражающих старинные верования [Чалов, 1981, с. 168]. В местных говорах зафиксирована поговорка *Своя́ ха́тка — ри́дна ма́тка*, что позволяет выделить общие концептуальные признаки у понятий *мать* и *ха́та*: защита, тыл, опора в жизни.

Значимость родной матери в жизни ребенка и уже взрослого человека отражается в многочисленных фольклорных текстах. Так, в па-

ремии *Була́ сы́ла, як ма́ты на рука́х носы́ла* подчеркивается важность материнской поддержки и заботы. Без матери у человека тяжелая, горькая доля. Приведем высказывание информанта: *Ма́му нихто́ замини́ть ни смо́жыт, дивча́та. Нима́́е у тэ́бэ ма́ты, нима́́ тоби́ сви́ту* (станция Бородинская). Народная мудрость подчеркивает, что духовно мать ближе, чем собственные дети: *Но ди́ты ны тэ́, шо ри́дна ма́тэ* (станция Новомалороссийская). Только родная мать может поругать и пожалеть, наказать и простить: *Ма́ты одно́ю руко́ю бье, а друго́ю гла́дэ. Вона́́ и поруга́́е за ди́ло, и пожали́́е* (станция Динская). *Ма́менька поруга́́е, так оно́́ и ни болы́́ть* (хутор Братский). Бесспорная приоритетность матери по сравнению с отцом выражается в паремии *Отцо́́в как псов, а мать одна́́*. Прецедентные тексты эксплицируют яркую выраженность в менталитете носителей КГ образа матери как доброй, заботливой, справедливой, любящей, любимой и единственной.

В КГ зафиксированы зооморфные паремии, в основу которых положена общность материнских инстинктов, присущих всем живым существам. Приведем высказывание информанта: *Де́душка пры́йи хав на ху́тор горбо́ю на коро́ви. Посады́́в нас на горбу́́. Ма́ма пла́чуть. А мы ра́ди, шо в станы́́цю йи́дым, пошти́́ шо у го́рот. Нычего́: цу́цыня́́т забра́́л, а су́чка хоть куда́́ за цу́цыня́́тами прыбежы́́ть. Цэ́ така́́ була́́ погово́рка. И пра́вда, ма́мка скры́́ню погрузи́́ли, и так мы ста́ли в станы́́ци жы́ть* (станция Старонижестеблиевская), см. также устойчивое сравнение *як ки́шка з кошы́ня́мы* «о матери, заботливо относящейся к детям»: *Ма́ты, вона́́ як ки́шка з кошы́ня́мы: и в са́дик заво́дэ, и с са́дика забыра́́е, и тяга́́е его́́* (станция Марьянская).

В народном сознании мать традиционно ассоциируется с землей-кормилицей, что свидетельствует об осмыслении через данный термин родства космогонической картины мира. Ср. пословицу в местной огласовке: *Ма́тэнька ко́рмэ дитэ́́й як зэмля́́ людэ́́й* (станция Старонижестеблиевская). Актуализация этого концептуального приращения с максимальной силой выражается в рассказах о стандартизированной бытийной ситуации, связанной с ролью матери в голодное время и пережитой многими диалектоносителями (ср. воспоминания информантов: *В го́лат пикли́́ лату́́тики... Либиду́́ как нава́́рим, а па́то́́м мать пирижмет ие и пря́́м на скаваро́́тку, и ма́слица по́снава, и паджа́́ риваит лату́́тики* (станция Архангельская). *А ма́ма яки́́-ныбу́́ть пля́́цьки спичет из бурья́́на́́ и там мукы́́чка* (станция Васюринская). *Ма́ты ляпэ́́ныков попэ́́че на пэ́́чи, и ото́́мы йимо́́* (станция Дядьковская). *Ма́ма на пе́́чки пикла́́ ля́́пки, пря́́м на пе́́чки* (станция

Копанская). *Тро́ хи карто́ хи, тро́ хи маку́ хи, кукуру́ зу надирем крупу́, и ла́ дичкав ма́ ма напикеть* (станция Передовая). В КГ зафиксировано устойчивое выражение, равное по структуре предложению, *ма́ ма сели́ трой не полива́ ла* «кто-л. имеет небольшой рост и вес», в котором в шутливой форме обыгрывается идея о том, что мать, как кормилица, отвечает за физическое состояние детей: *Муш у мэ́ нэ такы́ й ху́ дэнькый бул, нэвили́ ково ро́ ста. Мы одина́ кови. Я кажу́: «Тэ́ бэ чи ма́ ма сили́ трой нэ полива́ ла, нэ растэ́ ш, малы́ й и малы́ й»* (станция Старотитаровская). См. также: *Ище́ така́ погово́рка була́ ча́ сто, и нэ то́, шо там ма́ ма, а други́ лю́ ды каза́ лы: «Мини́ на́ до яйцэ́, мясцэ́, сальцэ́, бо у мэ́ нэ дэты́ нка сосэ́»* (станция Старотитаровская).

В рассказах многих диалектоносителей мать — умелица, рукодельница, *доде́ (и́) льни (ы) ца (я)*; ср., напр.: *Ма́ ма и шы́ ла, и ви́ за́ ла. Свя́ жыть э́ ти наски́, да навы́ шы — пагаленки, э́ та зна́ чит дли́ нныи наски́, го́ линь* (станция Архангельская). *Ана́ в мать, мать у ние даде́ льница: и шьет харашо́, и вя́ жыт* (станция Архангельская). *Ма́ ма мени́ пэрэшы́ ва́ ла свои́ плаття́ ра́ зны: рукава́ з бу́ хтаю, внызу́ зау́ жаны* (хутор Марьинский). *Бы́ ли краси́ выи палате́ нца. Асо́ бинна мая́ ма́ ма, ана́ харашо́ ви́ за́ ла, вышы́ ва́ ла, ана́ де́ лала палате́ нца краси́ выи и ска́ тирти. Ана́ скатертя́ из ни́ так де́ лала, ана́ даде́ льница, уме́ ла харашо́ фсе де́ лать* (с. Новопавловка). *Ма́ ма на вирстаке́ пря́ ла* (станция Новотитаровская). *У миня́ ма́ ма и партна́ я, и тка́ ла* (станция Передовая).

Информанты часто признаются в любви к матери. См., напр.: *Ма́ тирь свою́ я так любы́ ла. Була́ манэ́ нькою, всэ́ за нэ́ ю пла́ кала вычира́ мы: боя́ лась, шоб она́ ны в мэ́ рла* (станция Новомалороссийская). *Ма́ ма прышла́: ну че вы? Разлома́ лы б* (курицу), *мини́ кусо́ чек оста́ вылы, а са́ мы б ужэ́ пойи́ лы. Ни. Ждымо́ ма́ му. Обиза́ тильно жда́ лы ма́ му. И мы внятэх си́ да́ им за сти́ л* (станция Северская).

Мальчика, сильно привязанного к матери, в кубанских говорах с украинской языковой основой (далее — КГУЯО) называют украинизмом *ма́ ми́ й*. Лексема имеет ироническую коннотацию, поскольку такая зависимость порицается в диалектном сообществе. При этом эквивалентная номинация для девочки в КГ отсутствует — видимо потому, что тесная связь дочери с матерью воспринимается как естественная.

На базе корней МАТЕ[Э]Р-, БАТЬК/Ч- образованы ЛЕ, номинирующие сироту. Обращает на себя внимание дифференциация по признаку отсутствия отца / матери, не характерная для литературного языка (далее — ЛЯ): человека, не имеющего мать, в КГ называют *бе[ы]зма́ те [э] рным*, не имеющего отца — *бе[э]зба́ тченко, безба́ тьковщиной*. Ребен-

ка, у которого нет одного из родителей, — устойчивым выражением *пологи́на сироты́*. Для наименования сироты в КГ используют также существительные *сиротю́к* (м. р.), *сиротя́тка* (м. /ж. р.).

Номинации детей в КГ входят в следующее словообразовательное гнездо с корнем ДЕГ- / ДИГ-: *дети́на*, *детенок*, *дети́(и)́нка*, *детю́шка*, *детю́шечка*. Детей в традиционных кубанских семьях было, как правило, много. Записаны многочисленные рассказы информантов, в которых они обращают внимание на многодетность как признак, отличающий прошлую жизнь от настоящей. См., напр.: *Симья́ была́ бальша́я, дите́й мно́га... и фси́йи́сты про́сят. Вот и пришло́сь мне с ра́нных лет батракава́ть. А батракава́ть — ни пе́сни спива́ть* (хутор Железный). *Ра́ньшы дитэ́й було́ у ка́жнам даму́ шысть, сим, а то и вси́ дэ́вять* (станция Старомышастовская). *А дитэ́й — ша́йка, ту́тачки бы́ли уси́: и Коломэ́нки́, и Рябоша́пки́. Дитэ́й бы́ло! По тро́е было́!* (станция Старокорсунская). *Дитвары́ тада́ памно́га бы́ла. У ка́жнам дваре́ па шэ́сть-семь рибити́шэк. Как сабире́мся у ку́чу, гамани́м...* (станция Тбилисская). *Ишо́ ба́бушка мая́ раска́звала. У йи́х бы́ла де́вить дите́й: читы́ри бра́та и пять́ систер* (станция Успенская). У информантов вызывают одобрение государственные меры по поддержке семей с детьми, которых не было раньше: *Нам ниче́ны платы́лы, кагда́ мы дитэ́й вады́лы. А щас прывыла́ двух дитэ́й — ха́тка есть. Пу́тину благода́рнасть* (станция Тверская).

В собранных материалах зафиксировано диалектное наименование старшего сына — *старша́к* (станции Воронежская и Новолабинская). Самого младшего мальчика в семье (обычно позднего ребенка) номинирует серия широко бытующих ЛЕ с прозрачной внутренней формой: *после́ дух, после́ дыш, заскре́бши, мызы́нец (ь), мазу́нчик, после́ дышек, вы́шкребок*. Первые четыре лексемы воспринимаются как нейтральные. Эмоциональную окраску словам *мазу́нчик* и *после́душек* придает уменьшительно-ласкательные суффиксы -ЧИК и -УШЕК. В КГ существительное обладает расщепленной коннотацией: уменьшительно-ласкательной или иронической: *То́лик — мазу́нчик був: вин мла́тший, и ма́тэ То́лика би́льшэ́ любви́ла* (станция Ахтанизовская). Появление негативной эмоционально-экспрессивной окраски обусловлено возможным употреблением этого слова как синонима выражения *маленькин сынок*: *Так и ру́ки че́шуцца атлупи́ть э́тава мазу́нчика* (станция Динская). Существительное *вы́шкребок* имеет иронический оттенок, выражающий реакцию окружающих, в том числе старших детей, не одобряющих привилегированное положение в семье младше-

го ребенка, которого родители обычно любят больше остальных и балуют: *Вин вы 'шкрыбок, его ны руга 'ють, а нам достае 'ця* (станция Ахтанизовская). Появление диалектных номинаций *вы 'шкребок* и *заскребыш*, вероятно, ассоциативно связано с русской сказкой «Колобок», где дед и баба, пожелавшие иметь детей, «по амбару помели, по сусекам поскребли» и слепили колобок, который стал для возрастных родителей поздним ребенком.

Что касается наименования сына, то оно не имеет в КГ диалектных эквивалентов. Рождение сына в казачьей семье всегда считалось престижным. На сыновей давали землю, казачий *пай* «устар. основной земельный надел казака»: *А ра 'ншиэ було 'ось як: на ка 'ждого сы 'на дава 'лы зи 'млю, свий пай був. Ось бога 'то сынови 'й було ' — бога 'то було 'и зимли '.* *А у ко 'го дивча 'та булы ' , той зимли ' нэ ими 'в. Цэ було ' ти 'кэ у казаки 'в, а городовики ' цего нэ ими 'лы* (станция Елизаветинская). *Бы 'ла у на 'с два сы 'на да ате 'ц из мужыко 'ф. Вот на ни 'х нам зе 'млю и дава 'ли. Три мужыка ' — три па 'я. Ка 'ждый пай — па шэ 'сть гикта 'раф* (хутор Железный). Совершенно очевидно, что у семьи, где было больше сыновей, было больше земли и работников. На Кубани зарегистрированы метафорические наименования сына — *план* и дочери — *сунду 'к*, обусловленные особенностями казачьего общезжития. Образные ЛСВ развились на основе диалектных значений лексем: *план* «земельный надел казака» и *сунду 'к* «приданое дочери»; см. записанный в станице Дядьковской фрагмент беседы: *Повиту 'ха дверь прыоткро 'е и спро 'сэ, хто роды 'ця, з ву 'лыци: «План чи сунду 'к?». И получа 'лось так, шо у и 'х сунду 'к, а план оды 'н. А вот у Близнюки 'в наоборо 'т: тры сы 'на и дочь — значит у и 'х тры ' плана ' и оды 'н сунду 'к.* Приведенные примеры позволяют выявить у понятия *сын* этнокультурно обусловленные когнитивные признаки «благополучие» и «достаток».

Реакцией на рождение сына может служить ФЕ, равная по структуре предложению: *каза 'цкому / каза 'чьему ро 'ду нет / нема 'переводу*. Приведем запись диалога, представленного в диссертации В. П. Чалова: — *Васи 'ль, ты чув, шо Мары 'я радила 'назавчера? — Та ты шо? — Да, ма 'льчика найшла '! — О, э 'та харашо '.* *Каза 'цкаму ро 'ду нет пирыво 'ду.* *Адни 'м казако 'м бо 'лышы ста 'ла* (хутор Александровский). Рождение сына как продолжателя рода остается предпочтительным и в наши дни. Сын воспринимается как опора родителям в старости. Многие женщины-информанты признавались, что хотели бы доживать старость в доме сына, напр.: *С сы 'нам жыла ' как у Бо 'га за двирьми '.* *Харашо ' жыла '...* (станция Отважная). Эта идея нашла отражение в пословице: *Лу 'чше у сы 'на пид столо 'м, чем у зя 'тя за столо 'м.*

Среди диалектных слов, называющих *дочь*³³, наиболее частотен акцентологический вариант *дочка'*, который употребляется преимущественно в КГУЯО. Зафиксированы также существительные *до'ня, до'ця, до'черь*.

Единичную фиксацию имеет лексема *старшу'ха* «старшая дочь». Младшую дочь носители местных говоров могут называть нейтральными диалектными словообразовательными вариантами *меньшу'ха, меньша'чка*. Следует отметить, что суффикс — УХ(А) далеко не всегда несет экспрессивную нагрузку. См., напр.: *молчу'ха* «молчунья», *спеву'ха* «певунья» и др. Квазисинонимом приведенных лексем является диалектизм *заскребушка*, который не только эмоционально окрашен, что находит отражение в суффиксе -УШК-, но и имеет дополнительные дифференциальные семы: «обычно поздний ребенок».

Следует отметить, что рождение дочери было не таким радостным событием, как рождение сына. Это связано с необходимостью отдавать дочь в чужую семью, собирать ей приданое, что нашло отражение в поговорке *Дочка' — цэ дыря'вый чува'л (чува'л 'мешок')*. См. также номинирующий дочь фразеологизм *това'р недо'машиний*. В местных говорах лексема функционирует в значении «девочка, дочь» и обладает иронично-шутливой коннотацией: — *Ну шо, жы'нка вжэ роды'ла? — Та, опья'ть шэрэ'па* (станция Вышестеблиевская).

В КГ зарегистрированы диалектные наименования близнецов: *близнюкы'* (обычно мн., ед. *близню'к*), *близня'та* (ед. нет). Близнецов женского пола называют *близня'чки* (обычно мн., ед. *близня'чка*). Диалектные фонематические варианты представляют собой существительные *двоя'шки(ы), двое'шки(ы)* (чаще мн., м. и ж. *двоя'шка, двое'шка*), *троя'шки*, номинирующие двойнят и тройнят соответственно. У этих лексем концептуальных приращений не выявлено.

Презрительную оценочную характеристику обнаруживают диалектизмы *байстрю'(у')к, байстрю'(у')чка, жигуча'нник* «незаконнорожденный ребенок». Слово *байстрю'(у')к* заимствовано через польский из немецкого [ЕСУМ, 1982–2012, I, с. 118]. Есть данные, что слово изначально принадлежало воровскому жаргону [Даль, I, с. 53]. Существительное *же(и)гуча'нник* имеет прозрачную внутреннюю форму: на Кубани функционирует однокоренная лексема *же(и)гу'чка* «крапива» (ср. лит. *крапива — крапивник* «внебрачный ребенок», эквивалент в чешском языке дословно переводится как «рожденный в крапиве» (см.: [Фасмер, II, с. 367])).

³³ В местных говорах существительное *дочь* может выступать в функции обращения к женщине любого возраста.

Нейтральными синонимами приведенных лексем выступают словообразовательно-грамматические варианты, обладающие структурной и семантической мотивированностью, — *безба́тченко*, *безба́тковщина*: *Булы́ бэзба́тчинки. Бэзба́тчинко — ба́тко бро́сыл и́ли че. Ах, ты, бэзба́тчинко!* (станция Дядьковская). *У сисстры́ ужэ́ быв хло́пиц нагу́лянный. Бизба́тковщина* (с. Новопавловка). Во время экспедиции в станицу Копанскую (2010 г.) записаны ФЕ *девча́чий сын* и *девча́чья дочь*, номинирующие детей, которые рождаются у молодой девушки, не вышедшей замуж. Как отмечается в словаре «Славянские древности», «использование матронима в наименовании ребенка носит уничижительный характер и указывает на его незаконное происхождение» [Славянские древности, 1995, с. 204]. Следует отметить, что на Кубани отношение к детям, рожденным вне брака, было неодинаковым. См., например: *Цэ́ як у старовыну́ байстриюко́в, их я́ кось прызира́лы, а сийча́ с э́того нет. А в старовыну́ да́жэ ма́тэрь ссыла́лы на ссы́лку на тры́цать лит, шоб ны ба́чила дитыну́, е́сли ты прыжыла́. Э́то було́ у на́с, у Дя́дьковской, у старовыну́* (станция Дядьковская). *У мэ́нэ сын дивча́чий. Ну шо. Ма́ма каза́ла: «Суме́ла придба́ть — воспи́тывай»* (станция Копанская).

Приведенный языковой материал отражает культурно релевантную концептуальную информацию и демонстрирует, что большое количество детей в семье обусловило необходимость их категоризации, отражающейся в ряде концептообразующих признаков: состава семьи (воспитывающийся в полной семье — воспитывающийся в неполной семье), правового (рожденный в браке — рожденный вне брака), возрастного (старший — младший), количественно-временного (первый — последний — поздний) и эмоционально-оценочного (ласковое, шутивно-ироническое, неодобрительное).

Дети осмысляются в народном сознании как когнитивная доминанта концептуального поля «Кровные родственники». Важность иметь детей находит отражение в пословицах и поговорках. Приведем их в высказываниях информантов: *Я кажу́ вну́чки: «Рожа́ йтэ́ дитэ́ й! Ха́та бэз дитэ́ й шо каву́н бэз мя́коти»* (станция Елизаветинская). *Я вам, дивча́та, так скажу́: чело́ви́к нэ́ на ви́к, а ди́ты до гро́ба. Ди́ты — цэ́ для жэ́нщины са́мэ гла́внэ́* (станция Старомышастовская). Показательно, что страшным проклятием в КГ является выражение *нэ́ ба́чить тобі́ сво́го дыты́ны*. В традиционной кубанской семье дети, представляя собой высшую ценность, выступают в качестве скрепляющей основы семьи. Они воспринимаются и как долг перед Господом, и как Божий дар, выражая собой присутствие в семье Святого Духа, под защитой которо-

го находятся: *Ка́ жуть лю́ ды: колы́ мала́ дыты́ на па́ дае, Бох йиш́ со-ло́ мку пы́дсти́ла 'е* (станция Новомалороссийская). См. также паремии: *З дитьмы́ го́ рэ, а биз дитэ́ й вдво́ е. У кого́ ди́ ты, у того́ и смих*. В сознании диалектоносителей дети — опора в старости. Эта идея актуализируется в бытующей на Кубани пословице, функционирующей в двух вариантах: *Дожда́ лась су́ чка по́ мочи: сама́ лыжы́ ть, а цуцыня́ та га́ вкають. Цэ́ як ди́ ты пы́драслы́ да ста́ лы помога́ ть* (станция Новомалороссийская). *Як ка́ жуть: «Дажда́ лась су́ чка по́ мачи: начали́ ку́ тиня́ та га́ вкати́»* (станция Бородинская).

В фольклорных текстах подчеркивается, что воспитывать ребенка необходимо с раннего детства. См., напр.: *Дытэ́ й на́ до воспы́ тувать, покы́ воны́ мали́. Ще́ е така́ пи́ сня: «Ой, нэ́ нько́ моя, а я ж до́ чка твоя́, тоди́ було́ бы́ ты, вчи́ ты, як манэ́ нька́ була́»* (станция Динская). *Покы́ воны́ мали́, уси́ хоро́ щи. Пра́ вду ка́ жуть: га́ рна Горпы́ на, пока́ дыты́ на. А повы́ роста́ ють, так куды́ шо́ дива́ ицця́. Вжэ́ нэ́ такы́ хоро́ щи* (станция Елизаветинская). *Дыты́ ну́ воспи́ туй, покы́ попэ́ рэ́ к кро́ вати́ лэжы́ ть* (станция Старотитаровская). В диалектном сообществе осуждаются родители, не занимающиеся воспитанием детей, *расту́ щих как бурья́ н в по́ ле / в степу́: Уме́ л роди́ ть — не уме́ л уму́ -ра́ зуму́ научи́ ть*.

Многие информанты вспоминают, что в период становления колхозов родители воспитанием детей практически не занимались, поскольку работали с утра до позднего вечера. Детей воспитывала *пло́ ща́ дка* «детский сад»: *Па́ ну ждэ́ м-ждэ́ м — нэ́ ма́ е. Вин идэ́ тэ́ мно́ и прыхо́ дэ́ тэ́ мно́* (станция Гривенская). *Ма́ тэ́ адна́, а нас шэ́ стэ́ ро. Ма́ тэ́ рабы́ ла в калхо́ зи. Аны́ взяли́ фсю́ тя́ жбу́ мушску́ на сэ́ бэ́* (станция Динская). *Ради́ тили́й забра́ лы, апридили́ лы у калхо́ с, а на́ с тро́ и астало́ сь. Васи́ тувала́ плаща́ тка, пато́ м калхо́ с Васи́ тувал, пато́ м рабо́ талы́* (станция Новомалороссийская). *А ра́ ньшы́ булы́, называ́ лысь «площа́ тки»*. *Туды́ зво́ дылы́ ди́ ток. Их там и кормы́ лы, а ма́ мы робы́ лы у колхо́ зи з утра́ до но́ чи* (станция Новошербиновская). *А роды́ тэ́ ли робы́ лы от позна́ до позна́. Мы́ йих нэ́ ба́ чилы. Цэ́ бул пра́ знык якы́ й, е́ сли мы́ ма́ му поба́ чим* (станция Старонижестеблиевская).

Часто детей приходилось брать с собой в поле, где за ними присматривала нянька: *Сте́ пь далико́ была́ ад дамо́ ф. Балга́ ны у та́ барах спа́ са́ ли нас кре́ пка. И ад дажэ́ й, и дите́ й та́ ма мо́ жна бро́ сить. При́ би́ х, пакарми́ л грудно́ ва и апя́ ть рабо́ тай. Дите́ й-та́ у сте́ нь за са́ бо́ й тину́ ли (до́ ма бро́ сить не́ на каво)́. А там, у балга́ нах, ня́ ньку ди́ ржа́ ли* (станция Тбилисская). Нянькой могла быть одна из матерей,

отсюда диалектный глагол *мамкува́ть* 'присматривать за детьми, матери которых взяли их с собой в поле': *Тоди́ нэ са́ дик був, а е́здили мамкува́ли у по́ли* (с. Новопавловка).

Однако роль семьи в воспитании подрастающего поколения в сознании диалектоносителей осталась неоспоримой. Народ глубоко убежден: то, каким человеком ребенок вырастет, во многом зависит от семьи, от личного примера, который подают ему отец и мать. Эта мысль находит отражение в следующих паремиях: *Уяко́ й ма́ тэри со́ висть як скло́, у то́ й и сын харо́ш* (хутор Братский). *Якы́ кори́ няя, такы́ насиння́* (станция Динская). *Я́блоко от я́блони далеко́ нэ ко́ тэцця́. Яка́ ма́мка, таќа и ля́лька* (станция Старонижестеблиевская). См. также фрагмент беседы с информантом: *Сава́ нэ вы́ лупэ сокола́, а тако́ ва и вытрышкоо́ кова, як сама́. По́ няли, што сказа́ л? Ну э́ та и са́ мая практи́чески пасло́ вица, што я́блака ат я́блани нидалико́ па́ да-ет. Вытрышкоо́ кый — з бальшы́ ми глаза́ ми* (станция Натухаевская).

О воспитании детей в послевоенные годы свидетельствуют воспоминания информантов о стереотипизированных бытийных ситуациях, когда после гибели отца на фронте детей растила одна мать. См., напр.: *За́миж я ны выхо́ дыла, одна́ воспи́ тувала дитэ́ й* (станция Камышеватская). *Ни було́ у на́ с де́цтва. Так шо мы ни ба́ чилы ни ла́ски ни ска́ски, ни конфе́т я ни зна́ла, я их ни и́ла. Я роди́лася ужэ́ бис па́ ны, па́па поги́н, так би́дной ма́мы доста́лося...* (станция Старощербиновская). *Ма́ма пражыла́ адна́ с на́мы. Куды́ с тако́й кагало́й, куды́ ще за́муш* (станция Тверская). *Па́па с вайны́ нэ пришо́в, а на́ с пять душ аста́лася. Ну и нэ выхо́дила ма́ма за́муш* (хутор Хагукай).

Детей в кубанских семьях рано приучали к труду. Приведем высказывания информантов: *Быва́ лача, ма́ма ска́ жыть: «Дивча́ та, иди́ ти кизе́ки де́ лать!» И мы идем* (станция Геймановская). *Я стара́лася, шоб у мэня́ де́ти бы́ли тру́ долюбы́ мые* (хутор Незаймановский). *Ди́ ты и свине́ й па́слы, и коро́ ф* (станция Сергиевская). *Ма́мка загада́е: во тэ́ парабы́ тэ, во тэ́ парабы́ тэ. А мы стара́ имся, ро́ бым як угорэ́ ли* (станция Стародеревянковская). *Була́ ма́ма. Она́ мини́ як загада́е рабо́ ты: и шоп кукуру́ зу пополо́ ла, шоб доли́ вкы пома́ зала* (станция Староджерелиевская). *Ма́ма нас бра́ла пропа́лювать хлопо́к. Булы́ зады́ ркы на па́льцях, но помога́лы взро́слим* (станция Старотитаровская). *Як батько́ робыв, так и тэбэ́ учив* (станция Старотитаровская). *Я воды́ л трусо́ в в де́цтви* (Усть-Лабинск). *Хади́ ла на на́ймах па́сти каро́в, па́сти бара́шык. Я нэ по́мню ужэ́, па ско́ка у дэ́нь. Ну тагда́ ш булы́ де́нги — пять рубле́й! Цэ́ ты шо! Цэ́ бага-*

чи́. Я ма́мки аддаю́. Я бо́льшыи каро́в па́сла (аул Хатукай). В шко́лу ходы́лы ны уси́ди ты́. Ди́ты пособи́лы роди́тэлям у по́ли, на ого́рдах, до ма́ управля́лыся со скоты́ной или робо́лы батрака́мы у кулаки́в (с. Шабельское).

Родители стремились передать детям свои трудовые навыки и умения, о чем свидетельствуют многочисленные контексты. См. напр.: Ба́бушка пря́ла, ма́ты пря́ла, и мынэ́ до пря́тки поста́вылы (с. Большой Бейсуг), Тоди́ нас ны учи́лы — учи́лы пря́сты. Пря́тка, грэ́пка, вэ́рэтешку пряду́ть. Расче́шыш рука́мы, на грэ́бни часа́лы (станция Сергиевская). Ма́ть моя́ була́ тка́ля и ба́бушка то́жэ, а я ни пря́ла, тка́ть уме́ю (станция Старомышастовская). Ра́ньшэ, да, нас учи́лы ма́тэря́. Я скажу́ за сэ́бэ: я от ни́ткы до го́лкы бу́ду робо́ты́ть, и мушску́, и жэ́нску, я люблю́ рабо́ту бу́ду робо́ты́ть (станция Старотитаровская).

Родители прививали детям традиционную песенную культуру, что для кубанских казаков чрезвычайно важно: Пляса́ть ни пляса́ла ма́мка, а спиву́ха была́ (станция Бесскорбная). Ба́тько був та́кы й спиву́н, и ма́мка то́жэ спиву́ха, ны да́й Бох! (станция Пластуновская). У на́с ма́ма хорошо́ спива́ла, и мы бага́то пе́син похвата́лы од ма́мы (Славянск-на-Кубани).

Зарегистрированные контексты демонстрируют уважительное отношение детей к старшим: Де́ти вот ни ма́гли са́та ста́ршым ни паздра́вкацца (станция Архангельская). Да́жы сты́дна, е́сли я ни паздра́ствуюсь са́та ста́ршыи. Вот нильзя́ бы́ла ни паздра́ствавацца са́та ста́ршым (станция Архангельская). На́до прыуча́ть дитэ́й здо́ро́вкацца зма́лку (станция Стародеревянковская).

В казачьих семьях детей воспитывали в христианских традициях. Приведем показательные высказывания информантов: Маи́ ради́тили бы́ли глубако́ве́рующии. У на́с была́ ба́жни́чка. Вот э́та, ана́ в углу́ вице́ла. Там лампа́тку ма́ма зажыга́ла. И э́та мали́лся, ну и на́с приуча́ли (пос. Ильский). У мине́ и ба́бушка хади́ла у цэ́ркву, пе́ла на кры́ласи, и ате́ц мой пел на кры́ласи, када́ па́рним был и ужэ́ жыни́лся. И я хади́ла у цэ́ркву, мы там на кры́ласи пе́ли. А типе́рь я ни э́та... (станция Кубанская). Шы́сто ва́ января́, кану́н носы́лы — вэ́чэ́рю. Бува́ло, идэ́ш, нэ́сэ́ш куттю́ ба́бушки з де́душкой (станция Мингрельская). Як дочку́ отдава́лы роди́тили, то дава́лы ма́ты ико́ну Ма́тэрь Бо́жью (станция Новошербиновская). Носы́лы святы́ть вэ́рбу у цэ́рковь, прыхо́дылы и бы́лы дитэ́й. Цэ́мы каза́лы: «Стеба́ть вэ́рбой» (станция Старонижестеблиевская). Са́бира́имся симьей на Ра́жыство́, э́та как зако́н (Усть-Лабинск). В семье не принято было использовать обценную лексику, что подтверждают диалек-

тоносители. См., напр.: *Ни чу́яла я от па́ны ру́гани. Уйи́х во э́та — «би́сова душа́», бо́льшы niche, ни руга́ли, вот «би́сова душа́»* (с. Львовское).

Детям не потакали, воспитывали в строгости. Существующие стереотипные представления о том, что физические наказания или запреты характерны для отцовского воспитания, в наших материалах не находят подтверждения. Записанные контексты демонстрируют, что наказывали детей как отец, так и мать. Ср.: *А батя́ня у миня́ стро́гий был: чуть што́ ни та́к, за хварасту́ну и фпирет* (станция Архангельская). *Ба́тько вам чирте́й налата́е!* (станция Батури́нская). *Ось ба́тько пры́йдэ, так ви́н тыби́ даст прочуха́нки* (станция Новокорсунская). *Ба́тько ка́жэ: «Як вазьму́ бати́х, та накажу́ за́миж!»* (станция Старомышастовская). *Нашыва́й на сра́ку кожу́х, бо ба́тько ско́ро пры́йи́дэ* (станция Старотитаровская). *Е́сли ба́тько узна́е, шо вин ку́рэ. ба́тько его́ так оддухопэ́лыть, даст духопэ́ли* (станция Старотитаровская). *Ба́тько мэ́нэ за во́ло стья́ ухваты́в да батиго́м по спы́ня́ки* (хутор Тополи) — *Ма́мка мэ́нэ бату́раю, ну батаго́м, бату́раю, свэ́рху як пыры́тяну́ла — и ны пла́чь, ны скавчи́, патаму́шта мо́жэ ще атпа́ро́ть* (станция Бородинская). *Вы́гоним каро́в за ри́чку и ото́ля́жым и спы́мо́. И зали́зла каро́ва в гаро́т. Ма́ма взя́ла дубэ́ць, та дубэ́ць мэ́нэ́ тим снача́ла и в уго́л мэ́нэ́ поста́вила* (хутор Верхний Адагум). *Би́ла мини́ма́ма холуди́ною, шо я йце́нэ послу́хала* (станция Динская). — А если парень или девушка вернулись поздно домой? — *Та, шо, ма́ты мо́жэ вереуки́дать. Тоди́ веревкамы́бы́лы* (станция Дядьковская). *Ма́ма как приде́ть, так накро́еть ругачем* (станция Зассовская). *Ни убиремся, так мать выхлобу́чки да́ть мо́жэ, ну поруга́ть* (станция Копанская). *Ма́мка мне дава́ла лупаре́й, лупы́ла: я ста́рша. Кто ви́нова́т? Ста́рша* (хутор Красный). *Мать пры́йдэ з робо́ты, вона́ вам хвоста́налома́е* (станция Новокорсунская). *Мы ла́мпы (керосиновые) мы́ли, пузырек ве́чна разбива́ли. Мать нам дава́ла ды́му* (станция Передовая). *У миня́ма́ма стро́гая была́: как чуть прагу́ля́ла, так даст за́сова на башке́* (станция Родниковская).

Между тем жестокость по отношению к детям носителями КГ осуждалась. См., напр.: *Ны одна́ звыры́на ны зды́ва́иця над свойи́мы дитьмы́, як та ма́ты* (станция Азовская). *Па́на бил миня́ни за што́. Када́сь быко́ф па́сла́и забале́ла. Ни по́мню, как дамо́йи́дашла́. Так он мине́как састига́л усю́кнуто́м* (станция Геймановская). *Па́на niche, а ма́ма як сатана́, як ка́жут, як жывы́й сатана́* (хутор Куликовский). Зарегистрированы контексты, где информанты признают спра-

ведливость физических наказаний. См., напр.: *Як нача́ в ба́тько мини́ стибатъ! Було́ за шо́* (станция Старомышастовская).

В записанных контекстах не одобряется привередливость современных детей в еде. Представители старшего поколения, пережившие голод, не могут принять избирательное отношение к пище. См., напр.: *Та ра́ньшы ди́ ты йи́ лы, а ща́ с так ла́ндайши: «Ку́шайти, ку́шайти!»* (хутор Братский). *У на́ с так було́: шось свары́ лы однэ́, похлиба́ лы, да и гато́ ва. А щас до́чка: Нату́ ля то бу́дэ йи́ сты, Анто́ ша — то. Вот ана́ им выгажда́ е* (станция Нижегородская). Информанты подчеркивают, что им с детства прививали уважение к хлебу: *Васпи́ тывались: ни лама́ ть кусо́ к ат хлибы́ ны — жды, пака́ атри́ жуть* (с. Большой Бейсуг). Обращают на себя внимание многочисленные контексты о стереотипизированных ситуациях, когда дети сами добывали себе пропитание. См., напр.: *Мы поро́ бым з якы́ х-нэ́ бутъ тря́ пок волочкы́ и ни́ дэм ловы́ ть ра́ кив* (станция Запорожская). *Ма́ ма боли́ ла моя́. Ну шо́ я? И ра́ кы ловы́ лы — кормы́ лыся, и ры́ бу ловы́ лы пы́д обры́ вом. Лед ýще́, а мы ли́ зым у во́ ду, такы́ й волочек у на́ с ма́ линький, ли́ зым у во́ ду* (станция Старотитаровская). *Шнуры́ на ре́чки жы́ ву́ ть, у сте́нки, у бирига́ х. Их называ́ ють «шнур», и́ ли «шур». Мы их па́цанами выта́ скивали атту́ да, щипа́ ли, на кастре́ жа́ рили и е́ ли* (станция Успенская).

Диалектоносителями не приветствуется участие детей в разговорах взрослых: *За столо́ м з ди́ дом бала́ каим, а внук (вин в ня́ том кла́ сси) влиз в наш разгово́ р. А дид и ка́ жэ: «Твое́ ди́ ло тэ́ля че: пососа́ в и в ба́ зо́ к. Сыды́ и нэ́ вми́ шуйся, як ста́ рци балака́ ють»* (станция Вышестеблиевская). *Е́ сли го́ сти пры́йшы́, всих дитэ́ й загна́ лы на пи́ чь, занави́ сочку задернули. Як ти́ кэ вы́ глянулы, бэ́рэ́ ба́ тько бати́ х, ти́ кэ стеб! Все, захова́ лысь. А сича́ с стебны́, так ще́ пид су́ т попа́ дэ́ ш* (станция Пластунская).

Характерной особенностью рассказов информантов является их стремление сопоставлять старое воспитание с современным не в пользу последнего. См., напр.: *А щас, поды́ вышся: молоде́ш роботы́ ть нэ́ хо́ че, вси ти́ ко би́ зьнисом бы́ заныма́ лыся* (с. Братковское). *Я уну́ ка отруга́ ла, шоб нэ́ ба́ ловався, а ему́ и байдю́ жэ* (станция Васюринская). *Загоны́ сича́ с на пичь дыты́ ну, так она́ тоби́ и глаза́ повыды́ра́. А мы — на пичи́. Ты шо́! У на́ с ру́ сьски пе́ чи: як ка́ ша була́ зако́ пана, там вси ди́ ты* (станция Дядьковская). *Гуля́ ть мы тоди́ ду́ жэ нэ́ гуля́ лы, як щас гуля́ ють, ба́ йдакы́ бьютъ. Двина́ цать лит — ужэ́ роботы́ лы в колхо́ зи* (станция Калининская). *Учу уну́ ка здорова́ цья, а вин як баран* (станция Марьянская). *На́ шы ба́ тькы́ мо́ лы лыся и дитэ́ й науча́ лы. Нэ́*

то́, шо тэпэ́р (станция Черноерковская). Диалектоносителями осуждается чрезмерная опека детей, которой не было раньше: *А тэпэ́рв одного́ ро́дэ, и Бо́же мий, и боли́е, и боли́е. И того́́, и сяго́́. А тоди́хто их па́нькал, тих дитэ́й?* (станция Дядьковская). *А ра́нкы... взяла́ пыля́кою засы́пала и пишла́, и здоро́ва. А вечером: чи бо́льно, чи ны бо́льно — нихто́ны спро́сэ: «Ты ба́ньла но́гы?» Як ходы́ла, такы спать лягла́* (с. Шабельское).

О родительской доле, которая трудна во все времена, говорят бытующие на Кубани пословицы, выражающие одинаковый смысл, но различающиеся лексическим наполнением. Приведем некоторые в местной огласовке: *Мали́ ди́ты спать нэ даю́ть, а вы́растуть — сам нэ за-снэ́ш* (станция Елизаветинская). *Мали́ булы́ ди́ты, спать не дава́лы, а повыраста́лы, життя́ не дают. Малы́ де́ткы — малы́ бе́ткы, де́ткы побольша́ють — го́рэ пошыриша́еть. Мали́ ди́ты — мали́ кло́поты* (станция Старонижестеблевская). *Мали́ ди́ты спать ны даю́ть, а здоро́ви ды́хат ны даду́ть* (станция Старотитаровская).

К кровным родственникам относятся братья и сестры. Существительные с общей интегральной семьей «брат» образуют в КГ гиперогипонимическую парадигму с диалектными гиперонимами *брате́льник, бра́тка, брату́шка*. Эмоционально-оценочной характеристикой, которая создается благодаря суффиксам -ЕЛЬНИЧЕК, -ИЧЕК, -УШЕЧК(А), обладают существительные *брате́льничек, бра́тичек, брату́шечка*. Гипонимами выступают лексемы *брата́н* «родной брат», *брате́нь, бра́тка* «старший брат». Как известно, родовидовые отношения могут быть межсловными и внутрисловными. Примером внутрисловных родовидовых отношений является семантическая структура существительного *бра́тка*. Первый ЛСВ «брат» выступает гиперонимом: *А бра́та называ́ли «бра́тка»* (станция Архангельская). *«Бра́тка» называ́ют дваю́радных, траю́радных* (станция Малотенгинская). *Брат паги́н в вайну́ ади́н, а друго́й мла́тший был. Я йиво́ то́жэ «бра́тка» зва́ла, Алексе́й-бра́тка* (станция Надежная). Второй ЛСВ «старший брат» — гипонимом: *«Ня́нькою», «бра́ткою» ста́рших называ́лы* (с. Новопавловка).

Лексема *брат* входит в ряд зарегистрированных в КГ паремий, которые позволяют выявить концептуализированные приращения у данного понятия в диалектной картине мира (далее — ДКМ). Так, в поговорке *Ѓолод не свой брат* имплицитно выражается традиционное представление о том, что брат всегда проявляет заботу, оказывает помощь и поддержку. Двойственно возможно трактовать поговорку *Челови́ку жы́нка ну́жна здоро́ва, а бра́ту систра́ бага́та* (станция Елизаве-

тинская): с одной стороны, брату выгоднее иметь состоятельную сестру, не нуждающуюся в его материальной поддержке, с другой — брат сам может желать помощи со стороны сестры, предпочитать ближе общаться с родственниками, живущими в достатке. «Меркантильное» осмысление поговорки поддерживается смысловым параллелизмом с ее первой частью. В КГ функционируют паремии, в которых имплицитно или эксплицитно отражается такая важная смысловая доминанта ДКМ, как наличие одинакового статуса (социального, материального, умственного и др.) у друзей и родственников, напр.: *Свой своему ' понево ' ле брат. Аво ' сь небо ' сью ри ' дный брат. Би ' дный дурно ' му брат ри ' дный.*

Языковой материал демонстрирует, что лексема *брат*, образуя гендерно оппозиционную пару с существительным *сестра*, отличается количеством производных и большей частотностью в составе паремий. Полагаем, что данная особенность является проявлением общей тенденции преобладания в КГ существительных, номинирующих лиц мужского пола.

Общепринятое существительное *сестра* имеет в КГ один диалектный акцентно-словообразовательный вариант — *сестру ' нька*. В общекубанский лексический пласт входит семантический диалектизм *ня ' ня* «старшая сестра» и его дериваты — *ня ' нечка, ня ' нька*. Появление диалектного значения у общепринятого слова обусловлено тем, что старшая сестра часто была для младших братьев и сестер нянькой. Двоюродных братьев и сестер называют акцентологическим вариантом — *двоюро ' дные*.

Кровными родственниками являются братья и сестры родителей. Брата отца или матери в КГ называют общепринятыми словами *дядя* и *дядька*. Существительное *дядька* Словарь русского языка дает с пометой *уничжительное* [Словарь русского языка, 1981–1984, I, с. 626]. В речи жителей кубанских станиц эта лексема обычно употребляется как нейтральная, хотя носители диалекта могут использовать ее и с оттенком уничижения. Ср.: *У на ' с дя ' тька харишо ' пел* (станция Архангельская). *Сва ' тать хади ' ли дя ' тька и жы ' нка йиво '* (станция Вознесенская). *Мы дя ' тьку любви ' ли* (станция Ладожская) — *У ба ' бушки два сы ' на: дя ' дя Пе ' тя и дя ' тька Ва ' нька. Дя ' дя Пе ' тя вае ' нным стал, а дя ' тька Ва ' нька — пня ' ница* (станция Динская). Общепринятое слово *дядя* входит в состав устойчивого выражения, обладающего иронической коннотацией, — *дя ' дя, пада ' й ру ' чку* «о высоком человеке». Как известно, существительное *дядя* часто используется в речи ребенка в роли обращения к любому взрослому мужчине, что вызывает детскую ассоциацию с высоким, большим человеком. Синонимом диалектной ФЕ вы-

ступает в КГ диалектизм *дядя́га*, в котором указанное значение актуализируется с помощью суффикса -ЯГ (А).

Нейтральную коннотацию обнаруживает и существительное *тетка*. Приведем его в показательных контекстах: *Тетка пырышы́е то ю́почку, то ко́хточку* (станция Копанская). *Со шпа́нки моя́ тетка ва́рэ до́брэ ва́рэ́нне* (станция Марьянская). *Тетка не́сьильница дю́жэ хо́ша была́́* (станция Новотитаровская). Нейтральная коннотация слова *тетка* поддерживается и широкой бытующей на Кубани пословицей *Го́лод не тетка: пиро́жка́ не подсу́нет*, употребляемой, как правило, в усеченном виде. В приведенной паремии отражается следующая смысловая доминанта: тетка — это человек, который заботится, кормит, оказывает помощь.

Зарегистрированы диалектные наименования племянника и племянницы, являющиеся структурными вариантами слов ЛЯ, — *племэ́(и́) нни(ы)к*, *племе́(и́) нни(ы)ца(я)*, ласк. *племенушка*. Следует отметить, что в КГ вербализованные этими лексемами понятия не подверглись концептуализации.

В «Опыте словаря...» зафиксировано существительное *прыма́чка* «женщина или девушка, живущая у родственников; нахлебница»: *Прыни́с Бох оцю́ прымы́чку: а то свои́х мэни́ ма́ло* (хутор Тополи). Лексический диалектизм, как и слово *прыма́к* «муж, живущий в доме жены», образован от глагола *прыйма́ть* «принимать». Появление негативной коннотации у лексемы *прыма́чка* обусловлено как экстралингвистически (*прыма́чка* — лишний рот в семье), так и интралингвистически («коннотативное» притяжение с однокоренным существительным *прыма́к*, имеющим ярко выраженную презрительно-ироническую окраску).

Итак, лексические и паремиологические единицы, корпус устных высказываний, описывающих стандартизированные бытийные ситуации, позволили выявить объективную информацию, отражающую лингвокогнитивную сущность кровных родственных отношений в ДКМ жителей Кубани. Будучи основной частью экзистенции, лексика и фразеология кровного родства образуют в КГ устойчивый в функциональном отношении лексико-фразеологический пласт. Конституенты концептуального микрополя «Кровные родственники» обнаруживают разный когнитивный потенциал: одни понятия получили в народном сознании приращенные смыслы, другие не концептуализировались. Коннотативное содержание репрезентантов данного микрополя обусловлено стереотипизацией роли и положения кровных родственников в семье, их взаимоотношений и качеств, важных в сознании носителей КГ.

Когнитивной доминантой микрополя «Кровные родственники» выступают дети, что во многом предопределяет необходимость их категоризации, проявляющейся в ряде релевантных концептообразующих признаков. Зафиксирована этноспецифичная бинарная оппозиция *деды́* — *внуки*, не сформированная в ЛЯ. Этноспецифику описанного микрополя составляют диалектные номинации, не имеющие аналогов в лексико-фразеологической системе литературного языка. Выявленные средства репрезентации исследованного микрополя участвуют в формировании региональной языковой картины мира, выражая присущий данной этнокультуре образ отношений между кровными родственниками, содержащий как архаические, так и современные представления носителей КГ.

Библиографический список

- Борисова О. Г., Костина А. Ю. Лингвокогнитивная сущность родственных отношений в диалектной картине мира жителей Кубани (на примере микрополя «Кровные родственники»). Часть 1 // Филология и человек. 2022. № 1.
- Ткаченко П. Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар, 2008.
- Чалов В. П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Словари

- Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани. Армавир, 2009.
- Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани. Армавир, 2006.
- Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар, 2018.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989–1991.
- Котелевич А. Н. Скаже, як вліпэ: пословицы и поговорки станицы Старотитаровской. Рукопись.
- Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику. Армавир, 2019.
- Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992. Деп. В ИНИОН РАН. № 47266. (РГК).
- Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1995–2012.
- Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1957–1961.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб., 1996.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ, 1982–2012.

References

Borisova O. G., Kostina L. Y. *Lingvokognitivnaya sushchnost' rodstvennykh otnosheniy v dialektnoy kartine mira zhitel'ey Kubani (na primere mikropolya "Krovnye rodstvenniki") (chast' 1)*. [The linguocognitive essence of kinship relations in the dialect picture of the world of Kuban residents (on the example of the micropole "Blood relatives") (part 1)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2022. No. 1.

Tkachenko P. *Kubanskie poslovitsy i pogovorki*. [Kuban proverbs and sayings]. Krasnodar, 2008.

Chalov V. P. *Istoriko-lingvisticheskij ocherk frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhayushchij ego istoriyu, voennyj byt i duhovnyuyu kul'turu*. [Historical and linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks, reflecting its history, military life and spiritual culture]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 1981.

Dictionaries

Andryushchenko VI., Ivanova R. I., Ivanova T. G., Pelih V. M. *Slovar' kubanskih govorov. Krasnodarskij kraj: vostochnyj region Kubani*. [Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar territory: Eastern region of Kuban]. Armavir, 2009.

Andryushchenko V. I., Ivanova R. I., Ivanova T. G., Pelih V. M. *Frazeologicheskij slovar' govorov Kubani*. [Phraseological dictionary of Kuban dialects]. Armavir, 2006.

Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskih govorov*. [Experience of the Kuban dialect dictionary]. Krasnodar, 2018.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. Moscow, 1989–1991.

Kotelevich A. N. *Skazhe, yak vlipe: poslovitsy i pogovorki stanitsy Starotitarovskoy*. [He will say how he will slap: proverbs and sayings of the village of Starotitarovskaya]. Manuscript.

Leksika i frazeologiya govorov kubanskogo linejnogo kazachestva: materialy k slovaryu-spravochniku. [Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: materials for the dictionary-reference]. Armavir, 2019.

Russkij govor Kubani: slovar'. [Russian dialect is the Kuban]. Ed. by E. P. SHEjnjinoj and E. F. Tarasenkovej. Krasnodar, 1991. Dep. in INION Russian Academy of Sciences 12. 11. 1992, No. 47266.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar' [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Moscow, 1995–2012.

Slovar' russkogo yazyka. [Dictionary of Russian]. In 4 vols. Moscow, 1957–1961.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. St. Petersburg, 1996.

Etimologichnij slovník ukrajin'skoj movi. [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. In 7 vols. Kiev, 1982–2012.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПОНИМОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ М. МАТУСОВСКОГО (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА)

Т. А. Дьякова

Ключевые слова: иноязычная лексика, топоним, художественный текст, исторический колорит, локальный колорит.

Keywords: foreign language lexicon, toponym, fiction literature text, historical aspect, local aspect.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–07

В развитии современного русского языка важную роль играет иноязычная лексика, которая находит отражение и в произведениях художественной литературы. Традиционно исследователи выделяют среди иноязычных слов освоённую языком-реципиентом лексику (заимствования) и лексические единицы, оставшиеся неосвоенными (экзотизмы, варваризмы, иноязычные вкрапления) [Крысин, 2007; Маринова, 2012; Современный русский язык, 2019].

Литературное творчество Михаила Матусовского (1915–1990) характеризуется использованием разнообразных иноязычных лексических единиц, среди которых можно выделить несколько тематических групп (наименования званий, профессий, должностей, совокупности лиц; этнонимы; названия продуктов питания и блюд; фитонимы и фаунонимы; наименования предметов одежды, тканей и др.). Особую группу иноязычной лексики в произведениях М. Матусовского, на наш взгляд, составляют различные онимы, среди которых не только многочисленные антропонимы, но и топонимы, представляющие наименования разных географических объектов.

Лингвистические исследования топонимных единиц в последнее десятилетие достаточно многовекторны. Можно выделить ряд работ, посвящённых анализу топонимики как языковедческой отрасли. Так, основные направления изучения топонимов рассматривают В. Корнева и Д. Меняйлова. Авторы выделяют два основных подхода к изучению языкового материала: традиционное рассмотрение топонимов как части лексической системы и ориентация на антропоцентрическую лин-

гвистику, лингвистику текста [Корнева, Меняйлова, 2012, с. 21]. Методологические проблемы топонимики изучают Н. Беленов, А. Шайхулов; региональным топонимам посвящены работы Ю. Гордовой, Ю. Картавой, А. Никольского, Д. Петрова, А. Рыжкова, Н. Светозаровой, Е. Силенова и других исследователей.

По мнению Ф. Фаткуллиной, анализ топонимов с точки зрения лингвокультурологии позволяет определить их место как в системе языка, так и в концептуальной картине мира определенного лингвокультурного сообщества [Фаткуллина, 2015], лингвокультурологическому аспекту изучения топонимии посвящена и диссертация Л. Давлеткуловой, которая отмечает, что «национально-культурные особенности топонимов объясняются принадлежностью к разным культурам, национальным менталитетам, образу жизни, мышлению, географическому положению и истории» [Давлеткулова, 2014, с. 199].

Особый интерес представляют изыскания, посвященные функционированию топонимической лексики в художественных произведениях. В этом направлении работают Т. Ерохина (топонимическая лексика М. Волошина), Е. Маливанова (мемориальная топонимика Н. Гоголя), Ю. Музыченко (топонимика произведений А. Пушкина), К. Першина (топонимы в произведениях К. Паустовского), Л. Родионова (прецедентные и аллюзивные топонимы романов А. Белянина), С. Скуридина (вымышленные топонимы Ф. Достоевского), И. Страхов (топонимные единицы в текстах М. Пришвина) и другие ученые.

Однако, несмотря на столь многочисленные работы, остаются вне поля зрения исследователей иноязычные топонимы, используемые в художественных текстах. На наш взгляд, этот пласт иноязычной лексики представляет интерес по нескольким причинам. Прежде всего иноязычные топонимы выполняют функцию когнитивную, расширяя кругозор и словарный запас читателя. Кроме этого, иноязычные, как и другие топонимы, играют определенную смысловую, эстетическую, художественную роль.

Для анализа этой группы лексики воспользуемся классификацией, предложенной в «Словаре русской ономастической терминологии». Так, автор выделяет группу собственных имен любых поселений — ойконимы, среди которых целесообразно различать астионимы (собственные имена городов) и комонимы (собственные имена любых сельских поселений), с городским устройством связаны урбанонимы (собственное имя любого внутригородского топографического объекта) и годонимы (наименование любого линейного объекта в городе: улицы, бульвара и т.д.). Из группы гидронимов (собственных имен любых водных объек-

тов) считаем возможным вычлениить океанонимы (названия любых океанов и их частей), потамонимы (названия рек) и лимнонимы (собственные имена озер). Среди прочих топонимов стоит выделить наименования любых территорий (хоронимы), гор (оронимы), островов (инсулонимы) [Подольская, 1988]. В одной из работ последнего времени, посвященных классификации имен собственных, предлагается термин «кратоним» — имя любого государства, республики, королевства и др. [Мокроусов, Шаклеина, 2018, с. 35], которым мы воспользуемся для обозначения административно-территориальных единиц различного уровня.

Методом сплошной выборки вычленены 116 иноязычных лексем-топонимов, использованных в произведениях Михаила Матусовского. Самую большую группу (50 единиц) составляют астионимы; менее обширен ряд кратонимов (17 наименований), потамонимов, урбанонимов (по восемь единиц), комонимов (шесть названий), оронимов (пять наименований); незначительны по количеству (четыре и менее) лимнонимы, годонимы, хоронимы, инсулонимы.

Цель работы — проанализировать функционально-стилистические особенности использования иноязычных топонимов в художественных текстах Михаила Матусовского. Объектом изучения являются иноязычные топонимы, предметом — функционально-стилистические аспекты их употребления.

В процессе исследования текстов писателя применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка лексических единиц определенной группы, метод статистического анализа, культурологический, культурный, исторический комментарий. Материалом исследования стали поэтические и прозаические произведения М. Матусовского, включенные в сборники разных лет. Для анализа топонимных единиц привлекались энциклопедические источники, интернет-ресурсы.

Рассматриваемые топонимы являются частью материала, который войдет в словарь языка произведений Михаила Матусовского. При цитировании в работе сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию, материал подается в алфавитном порядке. Словарная статья состоит из лексической единицы (запись в соответствии с русской орфографией); указания языка-донора и соответствующего написания; энциклопедической справки; исторического, культурологического комментария; определения функции топонимных единиц в произведениях М. Матусовского; иллюстративного материала. В работе как семантические синонимы будем использовать понятия «топоним», «иноязычный топоним», «топонимная единица», «топонимная лексема». Учитывая регламент статьи, который не позволяет презентовать весь отобранный ма-

териал, представим лишь те единицы и иллюстративный материал, которые, на наш взгляд, наиболее показательны в функциональном отношении. Рассмотрим отдельные группы топонимных единиц (по степени убывания количества наименований).

Астионимы

Аликанте, исп. *Alicante* — город в Испании в составе автономного сообщества Валенсия, центр одноименной провинции. В период всей Гражданской войны 1936–1939 гг. город находился в республиканской зоне и страдал от бомбардировок войск генерала Ф. Франко (Большая российская энциклопедия). Топоним использован как аллюзия (аллюзией называем «отсылку к известному высказыванию, факту литературной, исторической, а чаще политической жизни либо к художественному произведению» (Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, стб. 28)) на события Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. для придания выразительности речи лирического героя: *Где же теперь мне искать тебя надо, / Где сегодня отыщешь твой след — / В Аликанте или под Гранадой, Дон Кихот девятнадцати лет?* (Михаил Матусовский, 1992, с. 22).

Барбизон, фр. *Barbizon* — городок, расположенный на севере центральной части Франции, дал имя Барбизонской школе пейзажной живописи (Большая российская энциклопедия). Топоним *Барбизон* используется параллельно с наименованием села *Федоскино*, центра русской лаковой миниатюрной живописи масляными красками (Большая российская энциклопедия), придавая выразительность размышлению автора: *Труд горшечника простого чем-то схож с трудом Родена. / Рано утром в Барбизоне как в Федоскине светло. / И становится рекою ручеек обыкновенный, / И в высокое искусство переходит ремесло* (Михаил Матусовский, 1982, с. 415).

Бизерта, итал. *Biserta* — город на севере Туниса, административный центр вилайета Бизерта. В 1961 г. между Францией и Тунисом произошел вооруженный конфликт из-за военно-морской базы, известный как Бизертский кризис (Большая российская энциклопедия). Иноязычный топоним использован как аллюзия на события Бизертского конфликта: *И так спокоен был Тунис, / Как теплоход, стоящий в доке, / Как стая задремавших птиц, / Как ящерица на припеке. / Апрельский ветер дул в окно. / Никто не думал здесь о смерти. / Но это было все давно, / До первых выстрелов в Бизерте...* (Михаил Матусовский, 1982, с. 238).

Веймар, нем. *Weimar* — город в Германии, земля Тюрингия (Большая российская энциклопедия). Топоним используется: 1) для реалистического изображения окружающей обстановки: *Через всей Тюрингии су-*

гробы / Мы ведем на **Веймар** колею. / И хотя за мною смотрят в оба, / Я пою, пою, пою, пою. / И средь голосов нечеловечьих / Хрипло пробивается мой альт. / Этот груз мне прочно лег на плечи. / словно я — твой узник, Бухенвальд (Михаил Матусовский, 1982, с. 151); 2) как часть речевой характеристики инокультурного персонажа: «... Когда я жил в **Веймар**, я ходил в училище в лаковых туфлях», — поблескивая золотым червячком пенсне, говорила на своем ужасном языке Анна Моисеевна... (Михаил Матусовский, 2011, с. 33); 3) с целью воссоздания исторического колорита: Помню, например, как она рассказывала о старинном доме в **Веймаре**, в стене которого застряло пушечное ядро еще со времен какой-то старинной войны (Михаил Матусовский, 2011, с. 35); 4) для локализации лирического героя: ... после того, как наши бойцы сфотографировались на фоне закопченных, превращенных в страницы для автографов стен рейхстага, — мне пришлось побывать в **Веймаре** (Михаил Матусовский, 2011, с. 36).

Гданьск, польск. *Gdańsk* — город на севере Польши, административный центр Поморского воеводства (Большая российская энциклопедия). Астионим **Гданьск** используется с целью 1) воссоздания пейзажного колорита военного времени: *Еще огонь стоит над Гданьском. / Рассвет над Балтикой свинцов. / И небо заревом гигантским / Охвачено со всех концов* (Михаил Матусовский, 1986, с. 54); 2) создания антитезы свое — чужое: **Гданьск** — **Данциг** (польское и немецкое название одно и того же города): *Его покоя не разбудит / Ничья злодейская рука. / Он больше Данцигом не будет, / Он будет Гданьском на века* (Михаил Матусовский, 1986, с. 55).

Дилижан, арм. *Դիլիջան* — город в Республике Армения, горноклиматический и бальнеологический курорт, расположен на реке Агстев (правый приток Куры) (Большая российская энциклопедия). Топоним используется в поэтическом тексте как часть риторического обращения, являясь эпифорой, выполняет ритмико-интонационную функцию: *Я тебе как будто что-то задолжал, / Видный с птичьего полета Дилижан <...> Ты и древен и при этом моложав, / Весь насквозь пронзенный светом Дилижан <...> Я бы долго эти строки продолжал, / Но пришел конец дороги в Дилижан* (Михаил Матусовский, 1992, с. 108, 109).

Кайруан (**Кейруан**), араб. *القيروان* (*Эль-Кайрван*) — город в Тунисе, самый святой город мусульман Магриба (Большая российская энциклопедия), иноязычный топоним использован как элемент риторического обращения и лексический повтор для придания экспрессивности речи лирического героя: *Жарких улочек гуденье, / Голос дальних стран. / Что ты — явь или виденье, / Город Кейруан? <...> Чистота и ясность ли-*

ний, / Утренний туман. / Белый-белый, синий-синий / Город **Кейруан** (Михаил Матусовский, 1982, с. 354–355).

Коктебель, крымскотат. *Köktöbel* — посёлок городского типа на юго-востоке Крыма (Большая российская энциклопедия). Топоним использован с целью 1) воссоздания пейзажного колорита: *Была в тот вечер видимость хорошая, / Взор проникал за тридевять земель. / И прямо под могилу Волошина / Был хорошо прописан Коктебель* (Михаил Матусовский, 1982, с. 356); 2) создания экспрессивности как элемент риторического обращения, а также для выполнения ритмико-интонационной функции (*бел — Коктебель, колыбель — Коктебель, Коктебель — тебе ль*): *Как ты бел, / Как ты свеж в этот утренник ранний. / Коктебель, / Сколько слышал ты наших признаний; Коктебель, / Как ты плещешь, на камни нагрыв. / Колыбель / Всех моих начинаний и планов; Коктебель, / Как ты весь на полотна положен. / Не тебе ль / Отдал все свои краски Волошин?* (Михаил Матусовский, 1982, с. 412); 3) придания выразительности как часть метонимического оборота (*певец Коктебеля — Максимилиан Волошин*): *Как давно не бывал здесь певец Коктебеля, с ближних гор не спускался с кизиловой веткой...* (Михаил Матусовский, 1982, с. 148).

Констанца, рум. *Constanța* — город в восточной части Румынии (Большая российская энциклопедия), топоним употребляется как анафора и элемент риторического обращения для придания речи лирического героя экспрессивности: *Констанца, / Ты вся как предутренний сон. / Ты — ветром / Исхлестана, / словно жгутом; Констанца / Касанье песчаного дна? / Ты кружишь / Во тьме полуночных часов; Констанца — / На рейде медлительный дым — / Останься / Навеки виденьем моим* (Михаил Матусовский, 1982, с. 365, 366).

Лепанто, итал. *Lepanto* — средневековое название г. Нафпактос (Греция) на северном берегу залива Патраикос, близ которого в 1571 г. произошло крупное сражение между турецким и объединенным христианским флотами (Большая российская энциклопедия), астионим использован в сравнительном обороте для придания выразительности лирическому тексту: *Сколько рвов перерыто лопатой, / Сколько взято засек и преград. / Как Сервантес в бою под Лепанто, / Ранен в руку под Лугой солдат* (Матусовский, 1992, с. 22).

Париж, фр. *Paris* — столица и крупнейший город Франции (Большая российская энциклопедия), топоним используется с целью 1) создания аллюзии на дуэль Пушкина и Дантеса: *Не знаю, может, правда, может, нет, / Но ходит слух: в Париже много лет, / Иль под Парижем в маленьком местечке, / Хранится тот, не сделавший осечки, / Пристрелянный дуэльный пистолет* (Михаил Матусовский, 1982, с. 362); 2) для воссозда-

ния локального колорита: *Сияет вечно праздничный Париж, / Зимой дождавшись солнечного часа, / Всей пестротой заманчивых афиш, / Всей суетой кварталов Монпарнаса* (Михаил Матусовский, 1992, с. 119); **Париж** внизу, как бездна, не знающая края, / То он к рассвету розов, то он под вечер сер... (Михаил Матусовский, 1982, с. 532); 3) воссоздания исторических реалий, а также в качестве эпифоры для придания для усиления воздействующего эффекта: ... полное призраков и видений русское кладбище под **Парижем**; ... смутное царство теней и духов, те геральдические деревья, жизнью подрубленные под корень, — русское кладбище под **Парижем**; ... нашей истории малый сколок — русское кладбище под **Парижем** (Михаил Матусовский, 1992, с. 120); 4) локализации персонажа: *Весь Бульмиш уже в листьях рыжих. / Сена воды несет свои. / Вот и снова Шагал в Париже, / Он на острове Сен-Луи* (Михаил Матусовский, 1992, с. 34).

Равенна, итал. *Ravenna* — город на севере Италии, в обл. Эмилия-Романья, административный центр провинции Равенна (Большая российская энциклопедия), топоним является аллюзией на стихотворение А. Блока «Равенна» (1909): *Возвращенье Александра Блока. / Время: девятьсот девятый год. // Немец из таможни откровенно / Проверяет паспорт и печать. / А в его глазах сейчас Равенна / Как бы повторяет-ся опять* (Михаил Матусовский, 1982, с. 469).

Кратонимы

Алжир, араб. *الجزيرة* (эль-Джазаир) — государство в Северной Африке в западной части Средиземноморского бассейна, крупнейшее по территории на континенте (Большая российская энциклопедия). Кратоним содержит аллюзию на события конца 50-х — начала 60-х гг. XX в. (в государстве действовала ультраправая подпольная националистическая террористическая организация, выступавшая за установление военно-фашистской диктатуры, вследствие чего многие алжирцы вынуждены были покинуть страну) (Большая российская энциклопедия). Топоним использован с целью 1) реалистического изображения окружающей обстановки, идентификации по гражданству персонажей: *Может, за ними с гончими / «Ультра» идут по следу. / Значит, война не кончена, / Рано трубить победу. // Словно шагают выходцы, / Тени иного мира. / В белых одеждах движутся / Беженцы из Алжира* (Михаил Матусовский, 1982, с. 239); 2) создания двойной аллюзии: **Алжир** — Ржев (многочисленные жертвы националистических террористических организаций в африканском государстве — огромные потери советских войск в сражении под Ржевом, где проходили одни из самых тяжелых боев в истории Великой Отечественной войны): *Сколько их, неоплаканных, / В этом не-*

счастлином мире. / Горе ведь одинаково / В Ржеве или **Алжире** (Михаил Матусовский, 1982, с. 240).

Гвинея, офиц. Гвинейская Республика, фр. *République de Guinée* — государство в Западной Африке (Большая российская энциклопедия). Сокращенное наименование государства служит для создания 1) аллюзии на фильм режиссера М. Калатозова «Летят журавли», который настолько талантливо воплотил общечеловеческие ценности, что картина стала понятна и близка зрителям даже в далекой Гвинее: *А зрители так же, как мы, / И верят, и любят, и плачут. / И пусть им иная звезда / В тропическом светит тумане, / Понятна им наша беда / И слезы Самойловой Тани. / И вот уж курлыканье птиц / Во мраке слышней и слышнее. / Искусство не знает границ, — / Летят журавли над Гвинеей* (Михаил Матусовский, 1982, с. 246); 2) антитезы хельсинкский холодок — зной Гвинеи с целью придания выразительности повествованию: *Здесь тянет то хельсинкским холодком, то зноем Гвинеи, то ветром Лесото. / Здесь капли грозы, не дошедшей до нас, на крыльях своих несут самолеты* (Матусовский, 1982, с. 349).

Сасун, арм. *Սասնի* — название гавара в провинции Алдзник Великой Армении, в системе Армянского Тавра, гавар — вторая по величине, после ашхара, административно-территориальная единица деления Древней Армении, с этим местом связана трагедия 1915 г., известная как геноцид армян. Придает выразительность размышлению лирического героя: *Что вспомнил базальт этот старый — / Сасун или Сардаранат?! / Боюсь, что не хватит хачкаров / Для всех ваших бед и утрат* (Михаил Матусовский, 1986, с. 318).

Потамонимы

Висла, пол. *Wisła* — река в Европе, в Польше (Большая российская энциклопедия). Потамоним в творчестве М. Матусовского ментафорически воссоздает пейзажный колорит военного времени: *Над взрытым берегом провисли / Мосты, столбы и провода. / И зеленеет в мертвой Висле, / Как в Стиксе, ржавая вода* (Михаил Матусовский, 1986, с. 54).

Евфрат, тур. *Fırat*, араб. *الرت* (Эль-Фураатрека) — река в Азии, протекает через Турцию, Сирию и Ирак (Большая российская энциклопедия). Топоним служит напоминанием о геноциде армянского народа: *Землей мне набивают рот. / И мне оттуда нет возврата. / И столько мертвых тел несет / Теченье Тигра и Евфрата <...> / С лица стирает кровь и пот / Апрель пятнадцатого года* (Михаил Матусовский, 1986, с. 319).

Отагава, япон. **太田川**, *Ōta-gawa* — река в г. Хиросима (Река Отагава), мост через которую был выбран американскими летчиками как ориентир при бомбардировке 6 августа 1945 г. Потамоним используется

1) как аллюзия на события 1945 г.: *Остановится Отагава, как холодный и мертвый пруд. / На пустых перекрестках прохожие встанут случайные. / Это — ровно в восемь часов пятнадцать минут / В Хиросиме наступит минута молчания...* (Михаил Матусовский, 1982, с. 269); 2) для реалистического изображения исторических реалий: *И падают мосты, поджав колени, и от прохожих остаются тени, и толпы ждут последней переправы, / и воды раскаленной Отагавы, как воды Стикса, медленно текут* (Михаил Матусовский, 1982, с. 269); 3) в функции риторического обращения с целью выразительности: *Я прошу тебя — не пугай ребят, / Ничего не рассказывай им, / Отагава. / Не рассказывай, / Как закипает вода под внезапно рухнувшими мостами* (Михаил Матусовский, 1982, с. 323).

Урбанонимы

Олива, польск. *Oliwa* — район польского города Гданьска, на севере граничащий с Сопотом (Олива). Топоним служит для воссоздания пейзажного колорита военного времени: *Еще погружены заливы / В предательскую темноту. / И тлеют улицы Оливы, / И взрывы ухают в порту* (Михаил Матусовский, 1986, с. 54).

Чандни Чок, англ. *Chandni Chowk* — оживленный район в Старом Дели, с множеством рынков, где торгуют приправами, сухофруктами, серебряными украшениями и т.д. Урбаноним употребляется для воссоздания локального колорита, как эпифора выполняет ритмико-интонационную функцию: *Все забыв на долгий срок, / Здесь брожу весь день я. / Чандни Чок, Чандни Чок — / Что за наважденье?; Погоди, остынь, дружок, / Что ты, в самом деле? / Чандни Чок, Чандни Чок — / Рынок в Старом Дели* (Михаил Матусовский, 1982, с. 224, 225).

Комонимы

Агарцин, арм. *Հաղարձին* — село в Тавушской области, на северо-востоке Армении, в котором находится монастырь (Большая российская энциклопедия). Поэт использует топоним для воссоздания локального пейзажного колорита: *То ручей мелькает синий, то мосты / То чернеет в Агарцине монастырь* (Михаил Матусовский, 1992, с. 109).

Гош, арм. *Գոշ* — село в Тавушской области Армении, находящееся в 30-ти километрах от областного центра. Там находился древний армянский монастырь Гошаванк, построенный в 1251 г., известный средневековый образовательный и культурный центр, имевший хранилище бесценных древних рукописей (Гош), топоним применен с целью воссоздания исторического и локального колорита: *В душный вечер земля замерла / Как бы рухнув под тяжестью ноши. / И тогда порешил Тамерлан / Сжечь хранилища книжные в Гоше* (Михаил Матусовский, 1992, с. 103).

Марет, фр. *Maret* — населенный пункт в Тунисе, недалеко от которого находилась так называемая «линия Марет» (французские пограничные укрепления, построенные до Второй мировой войны), которые использовал в Тунисской кампании (1943 г.) немецкий фельдмаршал Роммель (Большая российская энциклопедия). Иноязычный топоним служит для воссоздания локального пейзажного колорита, является аллюзией на события Второй мировой войны: *Дюн песчаных жаркий бред, / Плоский мир квадратных кровель. / Населенный пункт Марет, / Где был когда-то Роммель* (Михаил Матусовский, 1992, с. 12).

Оронимы

Арарат, тур. *Ağrı Dağı* — самый высокий вулканический массив Армянского нагорья на востоке Турции, близ границы с Арменией и Ираном (Большая российская энциклопедия). В поэтических произведениях ороним используется 1) для воссоздания локального колорита: *В каждом доме меня привечали как брата. / Я бродил, затерявшись в толпе городской, / В час, когда, достигая снегов Арарата, / Возвышается Ленин с простертой рукой* (Михаил Матусовский, 1982, с. 158); 2) как своего рода дихотомии названий *гора Арарат — ресторан «Арарат»* для придания выразительности: *Оно лежало сорок лет / И нынче вырвалось на свет: / Мы дегустируем вино / В подвалах «Арарата» / Пять звезд сверкают вдалеке, / Как на армянском коньяке... / Мы дегустируем вино / В подвалах «Арарата». / Недаром люди говорят, / Что влезть на гору Арарат / Гораздо легче, чем уйти / Из складов «Арарата»* (Михаил Матусовский, 1982, с. 161–162); 3) как олицетворение для придания выразительности: *Я был в обиде на Арарат: / Вот уж неделя, как в Ереване я, / А он на меня неделю подряд / Не хочет совсем обращать внимания* (Михаил Матусовский, 1982, с. 163); 4) в составе сравнительного оборота для портретной характеристики персонажа: *Мы почти уже оглохли от районного оркестра. / Гулкой музыкой до края переполнены меха. / Белоснежной Арарата принаряжена невеста, / И лаваши, как полотенце, на плече у жениха* (Михаил Матусовский, 1986, с. 317).

Гималаи, санскр. *Himālayaḥ*, досл. «вместилище снега» — высочайшая горная система земного шара, в Азии, на территории Китая, Пакистана, Индии, Бутана и Непала (Большая российская энциклопедия). Иноязычный топоним использован 1) для воссоздания локального колорита: *До сих пор еще не знаю, / Наяву или во сне / Я увидел Гималаи / В их стерильной белизне* (Михаил Матусовский, 1982, с. 219); 2) как метафора для придания выразительности повествованию: *Что подают пассажирам авиалайнера, летящего в Дели, утром на завтрак? Гима-*

лаи. Это — не фигуральное выражение, а так оно и есть на самом деле... (Михаил Матусовский, 2011, с. 306).

Хоронимы

Зангезур, арм. *Հանգեզուր* — историко-географическая область в Восточной Армении, на склонах Зангезурского хребта (Большая российская энциклопедия). Топоним служит элементом риторического обращения, выступает как эпифора для придания экспрессивности речи лирического героя: *Глинобитные дома, / Пламя утренней лазури. / Не сведи меня с ума, / Смелый танец в Зангезуре. // '<...>' Так орлы вступают в спор, / Вздыбив крылья против бури. / Так летят лавины с гор, / Так танцуют в Зангезуре* (Михаил Матусовский, 1982, с. 155).

Таврида, греч. *Ταυρική* — древнее название Крыма. В Российской империи Таврией (Тавридой, Таврикой) называли прилегающие с севера к Крыму плодородные земли Таврической губернии (Таврида), хороним использован с целью воссоздания локального колорита: *... и теперь он [Паустовский. — Т. Д.] живет красно-синюю розой, не желая расстаться с любимой Тавридой* (Михаил Матусовский, 1992, с. 149).

Особую смысловую и эмоциональную нагрузку в произведениях Михаила Матусовского несут, по нашему мнению, наименования концентрационных лагерей, существовавших в нацистской Германии во времена Второй мировой войны, которые мы сочли возможным выделить в особую группу³⁴. Эти названия являются одновременно символами страданий и мужества их узников.

Наименования концентрационных лагерей

Бухенвальд, нем. *Vichenwald* — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии (Большая российская энциклопедия). В поэтическом тексте название используется как риторическое обращение и эпифора, служит для придания экспрессивности речи лирического героя: *То я заговорщик, то подпольщик, / То простая лагерная шваль. / Не принадлежу себе я больше, / Я — твой вечный узник, Бухенвальд; И средь голосов нечеловечьих / Хрипло пробивается мой альт. / Этот груз мне прочно лег на плечи. / словно я — твой узник, Бухенвальд* (Михаил Матусовский, 1982, с. 151).

Дора, полн. назв. **Дора-Миттельбау**, нем. *Dora Mittelbau* — нацистский концентрационный лагерь в Тюрингии (Германия), подразделение

³⁴ Подобные названия, по данным В. И. Супруна, были впервые терминологически обозначены Т. Балкански и К. Цанковым в «Энциклопедии на българската ономастика» (Великотърновски ун-т «Св. св. Кирил и Методий»; Център на българска ономастика «Проф. Николай Ковачов». Велико Търново: Фабер, 2010) как *концлагеронимы* «названия концлагерей» [Супрун, 2011, с. 135].

уже существовавшего лагеря Бухенвальд (Дора). Иноязычный топоним служит для реалистического отражения событий Второй мировой войны: *По тюремным коридорам, / Век отмыкав свой, / Твой отец спустился в «Дору» — / Лагерь под землей* (Михаил Матусовский, 1982, с. 371).

Заксенхаузен, нем. *Sachsenhausen* — нацистский концентрационный лагерь в г. Ораниенбург, близ Берлина (Большая российская энциклопедия), топонимная единица использована для придания экспрессивности речи лирического героя: *Женщины, замордованные в Заксенхаузене или Майданеке, / В ной-бранденбургских застенках или в тюрингских лесах, / Я знаю: рано или поздно, но вы непременно встанете...* (Михаил Матусовский, 1982, с. 374).

Майданек, польск. *Majdanek* — концентрационный лагерь и лагерь смерти на оккупированной гитлеровской Германией польской территории близ г. Люблин (Большая российская энциклопедия), топоним использован как часть сравнительного оборота для придания образности повествованию: *Фашисты бьют по Спасу на Нередице, / По сердцу человеческого бьют. // Как будто кулаками грянув по столу, / Нечистый сокрушает все подряд. / И в белых одеяниях апостолы, / Как пленники Майданека, горят* (Матусовский, 1982, с. 439).

Освенцим, польск. *Oświęcim*, нем. *Auschwitz* — крупнейший нацистский концентрационный лагерь и лагерь смерти (Большая российская энциклопедия), топоним служит для воссоздания исторических реалий, придания экспрессивности речи лирического героя: *За оградой лагерь замер, / Как ночной кошмар. / Спи, дитя холодных камер, / Тюфяков и нар. <...> Сколько ждет тебя на свете / Бедствий и разлук — / Заксенхаузен, Освенцим / Или Равенсбрюк?* (Михаил Матусовский, 1982, с. 370).

Равенсбрюк, нем. *Ravensbrück* — женский концентрационный лагерь в нацистской Германии, близ г. Фюрстенберг (Большая российская энциклопедия). Лагероним используется 1) как эпитопа для придания экспрессивности речи лирического героя: *Клок волос, побелевших от муки. / Вой собак, оглашающий тьму. / Как здесь можно уснуть, в Равенсбрюке, / Как здесь можно уснуть, не пойму?!; Мне видны их иссохшие руки, / Их багровые лица в дыму... / Как вы можете спать в Равенсбрюке, / Как вы можете спать, не пойму?!* (Михаил Матусовский, 1982, с. 368); 2) для реалистического отображения окружающей обстановки: *Кто, приняв невыносимые муки, / Сгинет от России вдалеке. / Кто в сыром бараке в Равенсбрюке / Номер свой увидит на руке* (Михаил Матусовский, 1982, с. 467); *Вам нелегко давалась горькая та наука — / Вы открывали настесь тюрьмы и лагеря. / Вас целовали в губы женщины Равенсбрюка, / В вашем лице Россию робко благодаря* (Михаил Матусовский, 1982,

с. 376); 3) как метонимический перенос, основанный на персонификации, для придания экспрессивности художественному тексту: *Будет Смерть всю ночь баюкать / Колыбель твою. / Спи, сыночек **Равенсбрюка**, — / Баюшки-баю* (Михаил Матусовский, 1982, с. 371); 4) для воссоздания пейзажного колорита: *Над **Равенсбрюком** солнце и жара, И, торопясь места занять заранее, / С купальщиками вместе здесь с утра / Стоит над пляжем райское сияние* (Михаил Матусовский, 1982, с. 373); 4) для создания аллюзии на стихотворение А. Пушкина «К Чаадаеву»: ... *Все ж повторяли, как заклятье: / Товарищ, верь, придет пора, / Отступит смерть, утихнет мука, / И на обломках **Равенсбрюка** / Напишут наши номера!* (Михаил Матусовский, 1982, с. 377).

Таким образом, топонимы иноязычного происхождения являются органичной частью художественных текстов Михаила Матусовского. Топонимы, выполняющие когнитивную функцию, используются для реалистического изображения окружающей обстановки, воссоздания исторического, локального, пейзажного колорита. Топонимы служат для придания выразительности повествованию, речи лирического героя, выполняют ритмико-интонационную функцию. С этой целью используются риторические обращения, тропы, разнообразные стилистические фигуры. Иноязычные топонимы используются как аллюзии на исторические события и произведения искусства, придавая особую выразительность текстам автора. Наименования концентрационных лагерей, кроме названных функций, несут идейную нагрузку, отражая мировоззренческую позицию писателя.

Библиографический список

Давлеткулова Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014.

Корнева В. В., Меняйлова Д. Б. Основные направления изучения топонимов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2.

Крысин А. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М., 2007.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001.

Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка. М., 2012.

Мокроусов М. Н., Шаклеина О. В. Новая классификация имен собственных русского языка в задаче извлечения именованных сущностей // Norwegian Journal of Development of the International Science. № 25. 2018.

Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. М., 2019. URL: <https://urait.ru/bcode/431977>.

Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8.

Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (ч. 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126>.

Список источников

Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/fine_art/text/2347639.

Гош. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гош_\(село\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гош_(село)).

Дора. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дора-Миттельбау>.

Магусовский М. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения, поэмы, песни. М., 1982.

Магусовский М. Семейный альбом. Луганск, 2011.

Магусовский М. А. Горечь. М., 1992.

Магусовский М. А. Стихотворения. Песни. М., 1986.

Олива. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Олива>.

Отагава. URL: <https://www.1tv.ru/news/2015-08-06/13887-v>.

Река Отагава. URL: https://ru.wikichi.ru/wiki/Ōta_River.

Сасун. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1138997>.

Таврида. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Таврика>.

Чандни Чок. URL: <https://www.arrivo.ru/indiya/deli/ulitsa-chandni-chouk.html>

References

Davletkulova L. N. *Toponimy' v lingvokul' turologicheskom aspekte (na primere geograficheskix nazvanij grafstva Oksfordshir i Chelyabinskoj oblasti)*. [Toponyms in the linguoculturological aspect (on the example of the geographical names of the Oxfordshire County and the Chelyabinsk region)]: Thesis of Philol. Cand. Diss. Chelyabinsk, 2014.

Korneva V. V., Menyajlova D. B. *Osnovny'e napravleniya izucheniya toponimov*. [The main directions of study of toponyms]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul' turnaya kommunikaciya*. [Voronezh State University Bulletin]. 2012. No. 2.

Kry`sin L. P. *Sovremenny`j russkij yazy`k. Leksicheskaya semantika. Leksikologiya. Frazеologiya. Leksikografiya*. [Modern Russian language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Moscow, 2007.

Literaturnaya e`nciklopediya terminov i ponyatij. [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow, 2001.

Marinova E. V. *Inoyazy`chnaya leksika sovremennogo russkogo yazy`ka*. [Foreign language vocabulary of the modern Russian language]. Moscow, 2012.

Mokrousov M. N., Shakleina O. V. *Novaya klassifikaciya imen sobstvenny`x russkogo yazy`ka v zadache izvlecheniya imenovanny`x sushhnostej*. [New classification of proper names of the Russian language in the problem of extracting named entities]. In: Norwegian Journal of Development of the International Science. No. 25. 2018.

Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii*. [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, 1988.

Sovremenny`j russkij yazy`k. [Modern Russian language]. P. A. Lecant (Ed.). Moscow, 2019. URL: <https://urait.ru/bcode/431977>.

Suprun V. I. *Razmyshleniya nad onomasticheskoy terminologiyey*. [Reflections on onomastic terminology]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Volgograd State Pedagogical University]. 2011. No. 8.

Fatkullina F. G. *Toponimy` kak komponent yazy`kovoj kartiny` mira*. [Toponyms as a component of the linguistic picture of the world]. In: *Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniya*. [Modern problems of science and education]. 2015. No. 1 (pt. 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126>.

List of sources

Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya. [Big Russian Encyclopedia]. URL: https://bigenc.ru/fine_art/text/2347639.

Chandni Chok. [Chandni Chok]. URL: <https://www.arrivo.ru/indiya/deli/ulitsa-chandni-chouk.html>.

Dora. [Dora]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дора-Митгельбау>.

Gosh. [Gauche]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гош_\(село\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гош_(село)).

Matusovskij M. *Gorech'*. [Bitterness]. Moscow, 1992.

Matusovskij M. *Izbranny`e proizvedeniya*. [Selected works]. Vol. 1. Moscow, 1982.

Matusovskij M. *Stixotvoreniya. Pesni*. [Poems. Songs]. Moscow, 1986.

Matusovskij M. *Semejny`j al`bom*. [Family album]. Lugansk, 2011.

Oliva. [Olive]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Олива_.

Otagava. [Otagawa]. URL: <https://www.1tv.ru/news/2015-08-06/13887-v>.

Reka Otagava. [Otagawa River]. URL: https://ru.wikichi.ru/wiki/Ōta_River.

Sasun. [Sasun]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1138997>.

Tavrida. [Tavrida]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Таврика>.

КОНЦЕПЦИЯ «ЛЕГКОГО ЯЗЫКА» И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

С. А. Осокина

Ключевые слова: легкий язык, трудности коммуникации, внутриязыковой перевод, простой язык.

Keywords: easy language, communication difficulties, intralingual translation, plain language.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–08

Концепция «легкого языка» стала предметом активных дискуссий в связи с принятием в 2006 году Конвенции ООН о правах инвалидов (англ. Convention on the Rights of Persons with Disabilities), одной из первостепенных задач которой, указанной сразу после декларации ее целей (статья 2 Конвенции), является определение понятия «коммуникации». Данное понятие, по мнению авторов конвенции, включает использование специальных языков и способов представления текста, работу переводчиков для инвалидов, дополнительных и альтернативных режимов, средств и форматов коммуникации, а также использование «простого» языка (англ. «plain-language») [ООН, Конвенция о правах инвалидов, 2006, с. 4].

Упоминание о «простом языке» дало толчок началу исследований в области упрощения языка для использования при общении с людьми, имеющими определенные ограничения здоровья. Например, на официальном сайте правительства США разрабатывается страница plainlanguage.gov, на которой опубликованы официальные документы правительства США, связанные с разработкой простого языка с целью представления более широкого доступа к правительственной информации и услугам населения страны. Аналогичный подход, ориентированный на применение простого языка, используется на правительственных сайтах Великобритании [Chinn, Buell, 2021]. Создана международная ассоциация простого языка [Plain Language Association International], под эгидой которой разработан и утвержден международный стандарт ISO/TC 37/WG 11 «Plain language». Разрабатывается множество других ресурсов, направленных на создание системы более простого языка для коммуникации с людьми, требующими особого отношения, например, на официальном сайте Всемирной организации здравоохране-

ния [World Health Organization], на сайте ассоциации университетских центров по вопросам инвалидности [Association of University Centers on Disabilities], иных ресурсах.

Соответствующие усилия по разработке языкового материала, служащего для обеспечения доступности административных ресурсов широким слоям населения, предпринимаются и в России, в том числе на уровне языковой политики государства, однако употребление выражений «простой язык», «легкий язык», «доступный язык» и подобных в качестве терминов для обозначения соответствующей концепции не является последовательным, вследствие чего создается впечатление, что подобная концепция вообще отсутствует и не разрабатывается на государственном уровне. Возможно, выражение «простой язык» пока не получило терминологический статус по причине того, что в официальной русской версии Конвенции ООН о правах инвалидов вместо выражения «простой язык» («plain language») в процитированной выше статье 2 фигурирует выражение «обычный язык». Причем в данном случае речь не может идти о неправильном переводе фразы, поскольку тексты конвенции на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках «являются равноаутентичными» [ООН, Конвенция о правах инвалидов, 2006, ст. 50]. Соответственно, идея простоты языка в русском тексте конвенции практически не отражена.

Концепция «легкого языка» является еще менее разработанной. В зарубежных источниках упоминание данной концепции в основном соотносится с немецким понятием «Leichte Sprache» (букв. «легкий язык», варианты перевода на русский — «упрощенный язык», «облегченный язык»); концепция предполагает особый лингвистический подход к составлению текстов для людей с нарушением умственной активности, что преподносится как непростая задача [Хомутильников, 2021]. В российских источниках выражение «легкий язык» употребляется в ряде публикаций, которые будут проанализированы ниже, однако практически нет официальных сайтов или иных ресурсов, представляющих четкие контуры концепции «легкого языка», хотя отдельные идеи, способствующие развитию данной концепции, можно найти в работах еще советского времени (в частности, в методических разработках по обучению русскому языку как иностранному на территории союзных республик, в разработках по адаптации текстов для детей дошкольного и младшего школьного возраста).

Цель настоящей статьи — представить основания формирования концепции «легкого языка» в лингвистике и определить перспективы ее дальнейшего развития.

Задачи:

- охарактеризовать терминологический статус понятия «легкий язык»;
- описать содержание данного понятия, приняв во внимание имеющиеся источники;
- определить степень необходимости дальнейшей разработки данного понятия и перечислить направления языковых исследований, которые могут иметь отношение к развитию концепции «легкого языка».

Несмотря на то, что выражение «легкий язык» пока не получило четкого терминологического статуса, имеются определенные наработки, указывающие на своевременность введения данного понятия в широкий научный обиход и закрепления его содержания в соответствующей терминологической единице.

Во-первых, отмечена социальная необходимость разработки концепции особых языковых способов представления информации для определенных категорий людей. Эта коммуникационная необходимость стала наиболее актуальной на рубеже XX–XXI веков в связи с невероятно быстрым распространением новых технологических средств передачи информации, главным образом электронных, предполагающих использование естественного языка в новых цифровых форматах. Обнаружилась проблема, что не в каждом формате естественный язык воспринимается одинаково легко — не всегда удается достичь такого же коммуникативного эффекта, как при живом общении людей, когда можно перефразировать, помочь коммуникации жестами и просодическими средствами. Соответственно, возник вопрос о развитии новых подходов к использованию языка.

Во-вторых, имеются официальные международные документы, признающие необходимость предоставления особых языковых услуг определенным категориям людей.

Наконец, появилось осознание необходимости изучения коммуникативных проблем, связанных с использованием языка в новых форматах, в научных кругах.

Однако для того, чтобы то или иное выражение получило статус термина, необходимо сформировать базу его устойчивого научного сопровождения. Можно предположить, что выражение «легкий язык» пока не получило широкого распространения в научной литературе, поскольку входящие в него слова не вполне соответствуют тому лексическому пласту языка, который обычно используется в терминологических целях.

Оба слова — «легкий» и «язык» — представляют собой единицы общего словарного состава, не являются заимствованными словами с узна-

ваемыми греческими или латинскими корнями, отличаются развитыми системами лексических значений. Их некоторые лексические варианты могут вызывать в отдельных контекстах особые коннотации, при этом в роли терминов, как правило, выступают преимущественно лексемы с заимствованными корнями, лишенные коннотативных оттенков значений, имеющие узкую семантику, что позволяет употреблять их в определенной профессиональной сфере.

При этом слово общего словарного состава языка может стать термином при условии его функционирования в рамках сложившейся терминологической системы — именно связь слов в данной терминологической системе обеспечивает точное понимание термина в профессиональном контексте. Поскольку в настоящее время соответствующая терминологическая система только начинает формироваться, то употребление выражения «легкий язык» не воспринимается языковедами и учеными смежных направлений науки как имеющее узкоспециальное содержание. В частности, можно предположить, что оно может означать «примитивный», «несложный», «несерьезный», «детский», «не утяжеленный», «нетрудный». Возможно, менее всего обычный носитель языка смог бы предположить, что выражение «легкий язык» означает «хорошо структурированный, регламентированный язык», как это закреплено в понятии «*Leichte Sprache*» в немецком.

Тот факт, что концепция легкого языка находится только на исходной точке своего формирования, объясняет непривычность восприятия выражения «легкий язык» в терминологическом статусе, и этим же вызвана необходимость заключения данного выражения в кавычки — важно показать, что в данном случае семантическое наполнение слов отличается от того, которое может использоваться в обыденном понимании.

Вместе с тем, несмотря на кажущееся несоответствие подобранных слов сложившимся традиционным представлениям о научных терминологических единицах, стоит отметить, что вхождение слов «легкий» и «язык» в общеупотребительный слой лексики повседневного общения, который отражает базовый (даже минимальный) словарный состав среднестатистического носителя языка, свидетельствует в пользу привлечения данных лексем для именованной концепции особого языка для общения с лицами с ограниченными когнитивными возможностями здоровья. Думается, что использование слова «легкий» вызвано стремлением разработчиков данной концепции облегчить общение с людьми, испытывающими определенные коммуникационные проблемы.

Терминологический статус выражения «легкий язык» не будет определен до тех пор, пока не станут перечислены основные характери-

ки данного языка и дано достаточно обоснованное определение соответствующего научного понятия.

Описание содержания данного понятия стоит начать с анализа лексической семантики именуемых его слов.

Согласно большому толковому словарю под редакцией С. А. Кузнецова слово «легкий» в первом значении имеет семантику, связанную с указанием на незначительный вес, во втором — с ловкостью, в третьем — с простотой для усвоения, доступностью пониманию, решению. Примерами употребления слова «легкий» в третьем значении являются: *легкий урок, легкая задача* (Большой толковый словарь русского языка, 2014). Видимо, данное значение слова «легкий» соответствует понятию «легкий язык», с точки зрения разработчиков концепции.

В большинстве словарей, указанных на электронном портале academic.ru, включая толковые словари В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, Малый академический словарь, в качестве первых значений слова «легкий» также приводятся варианты, связанные с указанием на незначительный вес, а вариант значения, имеющий семантику отсутствия сложности, упоминается в качестве второго или третьего значений. Исключением является современный толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой, в котором в качестве первого значения упоминаются варианты: «достающийся без особого физического напряжения; без труда, без усилий», «простой для усвоения, доступный для понимания», «не представляющий трудности, сложности для кого-либо» (Современный толковый словарь русского языка).

Таким образом, анализ словарных дефиниций показывает, что в современном русском языке имеется устойчивое закрепление за словом «легкий» семантики «не вызывающий сложности в понимании», и наблюдается тенденция выхода данного значения на первое место в структуре лексического значения слова. Однако ни в одном из проанализированных словарей в качестве примеров употребления слова «легкий» в контексте не даны сочетания со словом «язык», что, с одной стороны, вполне естественно, так как не все употребления слов фиксируются в словарях, с другой — это указывает на новизну появления выражения «легкий язык» и возможность его неоднозначного понимания.

Терминологическое употребление выражения «легкий язык» для обозначения описываемой концепции выбрано по аналогии с соответствующими английским и немецким вариантами ее наименований. Так, в английском языке в данном случае используется сочетание «easy language», в котором слово «easy» не имеет семантики незначительного веса, толь-

ко семантику отсутствия сложности, непринужденности³⁵. Интересно отметить, что для обозначения данной концепции в английском языке не было выбрано слово «simple», имеющее значения «не сложный для понимания», «состоящий из нескольких частей», «обычный»³⁶, хотя данное слово активно используется для описания ключевого понятия как сторонниками концепции «простого языка», так и разработчиками идеи «легкого языка». В немецком языке в соответствующем сочетании «Leichte Sprache» слово «Leicht» обозначает в первом значении «легкий на вес», во втором — «простой, несложный»³⁷.

Вместе с тем одним из русскоязычных вариантов, соответствующих терминам «easy language» в английском и «Leichte Sprache» в немецком, является «ясный язык». В частности, такой русскоязычный вариант термина используют в совместной работе Н. В. Нечаевой, К.-С. Хельмле и Э. М. Каировой [Нечаева, Хельмле, Каирова, 2020, с. 11]. При этом в толковом словаре С. А. Кузнецова определение «понятный, простой, не требующий толкований, разъяснений» указывается только в качестве четвертого значения слова «ясный» (Большой толковый словарь русского языка, 2014]. В качестве первых значений слова «ясный» приводятся толкования, связанные с чистотой, прозрачностью, безоблачностью, спокойствием. Прямым соответствием слова «ясный» в английском языке является слово «clear». В связи с такой интерпретацией соотношения терминов на русском языке и иностранных языках становится еще более размытым.

Объективно более точным соответствием английскому «easy» является русское «легкий, нетрудный» — именно такое соответствие дается в наиболее авторитетном англо-русском словаре В. К. Мюллера, выдержавшем множество переизданий [Мюллер, 2006, с. 249], и авторитетных словарях, изданных за рубежом, например, [Cambridge Dictionary, 2021]. Соответствие семантики слова «легкий» аналогичным зарубежным терминологическим употреблением позволяет использовать его в терминологическом статусе в российской лингвистике. Проведенный семантический анализ позволяет заключить, что слово «легкий» в большей степени, чем «ясный» или другие слова, претендует на терминологический статус для именованной описываемой концепции.

³⁵ Merriam-Webster Dictionary, 2021. Easy. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/easy>.

³⁶ Merriam-Webster Dictionary, 2021. Simple. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/simple>.

³⁷ Wortbedeutung.info: Bedeutungen, Definitionen, Beispiele, Rechtschreibung. 2021. Leicht. URL: <https://www.wortbedeutung.info/leicht/>

Терминологическое описание значения слова «язык» дано в лингвистических словарях. Под языком в лингвистике в широком смысле понимается естественно возникшая система вербальных знаков, находящихся в определенных взаимоотношениях между собой, служащая для коммуникации. Язык — не только слова, но и достаточно замкнутый свод правил их употребления. Фундаментальные лингвистические исследования позволяют рассмотреть и определить язык с разных позиций, но в любом случае использование слова «язык» в терминологическом статусе должно отражать в полной или частичной мере базовые характеристики языка. Например, такому пониманию термина «язык» соответствует русский жестовый язык, представляющий собой национальную систему жестового языка, специально разработанную в России для глухих и слабослышащих людей, поскольку данная система имеет собственный словарный состав и грамматическую структуру, отличающиеся от словаря и грамматики русского языка. Подобные характеристики свойственны и жестовым национальным языкам других стран, например, *American Sign English* (американский жестовый язык) также обладает собственной грамматикой и вокабуляром, не совпадающими с грамматикой и словарем английского языка. В данном случае использование лексемы «язык» полностью соответствует лингвистическому содержанию термина «язык».

Относительно сущности, именуемой «легкий язык», высказывает свое мнение, что в данном случае имеется в виду особый вид практики использования национального языка, а не отдельный язык с собственной грамматикой и словарем [Петрова, 2019, с. 220]. М. В. Петрова дает описание понятия «легкий язык» в сравнении с понятием «простой язык» путем анализа содержания соответствующих немецких понятий «*Leichte Sprache*» («легкий язык») и «*Einfache Sprache*» («простой язык») в контексте языковой политики Германии. Она указывает, что несмотря на то, что данные понятия пересекаются, обозначаемые ими концепции использования языка разрабатываются для разных целевых аудиторий: легкий язык предназначен для лиц с ментальными нарушениями и трудностями в обучении, простой язык ориентирован на более широкую аудиторию, которая также может включать людей с нарушениями здоровья, мигрантов, иностранцев. М. В. Петрова делает вывод, что «легкий язык» в отличие от «простого языка» более жестко регламентирован и имеет строгие правила графического представления текста, в то время как «простой язык» более приближен к стандартной норме национального языка. Вместе с тем «легкий язык» не обладает собственной лексикой и грамматикой, а только предполагает замену сложных выражений более простыми,

что, очевидно, подразумевает использование ограниченного набора лексем и простых синтаксических конструкций — преимущественно немногословных простых предложений [Петрова, 2019, с. 221].

Однако суть разработки концепции «легкого языка» сводится к тому, чтобы сконструировать хорошо отлаженную систему подбора упрощенных соответствий для выражений стандартного литературного языка, используя которую, можно было бы достаточно эффективно осуществлять внутриязыковой перевод на данный язык для определенных категорий лиц. Ключевое слово в данном случае «система», поскольку замена одних лексем другими и целенаправленное сужение спектра используемых синтаксических конструкций должно носить последовательный характер. С такой точки зрения, при которой акцентируется системообразующий фактор данной разработки, специально создаваемой для осуществления «безбарьерной» коммуникации в особых случаях, для ее наименования вполне подходит термин «язык», поскольку язык по определению представляет собой коммуникативную систему.

Полагаем, что более правильно было бы говорить о создании определенного социально маркированного варианта такой коммуникативной системы, поскольку речь идет о разработке определенной подсистемы языка для определенной социальной группы лиц. Однако имеется ряд доводов, подчеркивающих особенность разрабатываемого варианта языка в отличие от других социолектов.

Во-первых, большинство социальных вариантов языка характеризуются ограниченностью сферы своего употребления, связанной с использованием языка в определенной среде (профессиональный коллектив, возрастная группа, социальный класс и др.), при этом носители социолектов осознают свою причастность к определенной языковой общности и используют социолект только внутри данной общности, а за ее пределами могут применять иные разновидности национального языка. Предполагаем, что для лиц с ограниченными когнитивными возможностями «легкий язык» — это просто язык, то есть единственное средство коммуникации, единственный доступный для общения с другими людьми вариант национального языка.

Во-вторых, сторонники концепции легкого языка осознанно стремятся переключить внимание с особенностей социального положения данных лиц на идею равенства в вопросах предоставления языковых услуг во избежание возможной социальной стигматизации, связанной с языком.

В-третьих, если большинство социолектов возникает и развивается стихийно, то «легкий язык» — это подсистема, которая требует своей

разработки профессиональными лингвистами. В настоящее время предпринимаются попытки создать модель такой подсистемы на эмпирической базе конкретных национальных языков с последующим внедрением данной модели в практику.

Отметим, что с точки зрения фундаментальных лингвистических исследований концепция легкого языка актуализирует изучение коммуникативной и эпистемологической функций языка. Язык — это сложная коммуникативная система, обеспечивающая взаимодействие людей посредством знаков, которыми передается определенная смысловая (семантическая) информация. Переданная информация в дальнейшем обрабатывается получателем (коммуникантом-реципиентом) и усваивается его когнитивной системой, в результате чего происходит трансформация имеющегося у коммуниканта знания. С точки зрения функционирования языка как коммуникативной системы необходимо отметить взаимодействие и, в определенной степени, взаимозависимость словарного состава определенного языка и его грамматической структуры. В случае с концепцией легкого языка, направленной на коммуникацию с людьми, имеющими определенные когнитивные ограничения, стремление активизировать определенные пласты лексики конкретного языка неминуемо должно приводить к необходимости активного использования относительно ограниченного набора грамматических правил.

Подводя итог анализу терминологического статуса понятия «легкий язык», можно сделать вывод, что употребление выражения «легкий язык» с целью именованного особого системного способа использования языка для осуществления коммуникации с определенными людьми представляется вполне оправданным. Однако семантическое наполнение данного термина требует дальнейшего рассмотрения.

Для описания содержания понятия, обозначаемого термином «легкий язык», необходимо обратиться к анализу имеющихся источников.

Легкий язык, как и простой язык, описывается как подсистема национального языка с редуцированной сложностью, направленная на повышение таких свойств текста, как читабельность и понятность [Hansen-Schirra, Maaß, 2020, p. 17]. При этом немецкие исследователи, чей вклад в развитие концепции легкого языка на данный момент является наиболее весомым, настаивают на разграничении понятий «легкий язык» и «простой язык», рассматривая первый как более социально маркированный вариант, ориентированный на реципиентов с определенными нарушениями коммуникативных функций (главным образом лиц с ментальной инвалидностью и лиц, для которых данный язык не является родным, испытывающими трудности к обучению), а второй — как бо-

лее приближенный к стандартному языку вариант, ориентированный на достаточно широкие слои населения.

Можно заключить, что при разграничении понятий «легкий язык» и «простой язык» стоит расставить акценты следующим образом: в первом случае делается упор на ограниченность коммуникативных возможностей целевой аудитории, и соответственно, необходимо в первую очередь, изучать языковые способности данной аудитории, а затем создавать подходящую для нее модель языка для осуществления коммуникации; во втором случае целевая аудитория — обычные люди, широкие слои населения, но проблема в том, что некоторые тексты вызывают трудности понимания даже у среднестатистического носителя языка в силу своей узкой тематической направленности (например, административные тексты, нагруженные юридической терминологией), соответственно, основным объектом изучения становятся сами тексты, а целью — выявление характеристик текста, препятствующих их пониманию. Методы лингвистических исследований при обоих подходах будут пересекающимися — это методы социолингвистики, когнитивной лингвистики и лингвистики текста, однако направление исследований — противоположное.

Итак, при описании понятия «легкий язык» авторы подчеркивают специфичность целевой аудитории, на которую ориентирована разработка данной концепции. В состав целевой аудитории входят в первую очередь лица, имеющие когнитивные расстройства, деменцию, афазию, глухие и слабослышащие, испытывающие трудности в обучении, во вторую очередь — лица, имеющие функциональную (временную) безграмотность, для которых данный национальный язык общения не является родным (особенно мигранты) [Hansen-Schirra, Maaß, 2020, p. 25; Parpan-Blaser et al., 2021, p. 586]. Соответственно, задача первостепенной важности — сбор эмпирических данных, которые помогут очертить границы языковой коммуникации целевой аудитории (главным образом, границы вокабуляра и пределы грамматической сложности высказывания, отвечающие критерию понимания для данной целевой аудитории).

Наиболее слабо сформированным на данный момент представляется круг языковых средств, которые должны маркировать «легкий язык» и отличать его от «простого языка» и стандартного национального литературного языка. В частности, упоминается, что в плане лексики должны использоваться простые слова с конкретным значением, не должны использоваться метафоры и иные языковые средства выразительности, необходимо избегать аббревиатур, сложные слова можно использовать, только если это слова общеупотребительного пласта лексики; в синтаксисе — субъект должен стоять перед предикатом, выраженным глаголом,

предложения предпочтительно оформлять в активном залоге [Bohman, 2021, p. 545; Frohlich, Kandussi, 2021; Vandeghinste et al., 2021, p. 66–67].

Также имеются определенные требования к оформлению текста, которые не являются собственно языковыми средствами выражения, но также способствуют, по мнению авторов, облегчению восприятия информации. Текст на легком языке должен быть хорошо структурированным, иметь четкие подзаголовки, при форматировании текста должна применяться функция ставить пробелы вручную, необходимо сопровождать фрагменты текста иллюстрациями [Bohman, 2021, p. 545; Vandeghinste et al., 2021, p. 67].

Возможно, несформированность комплекса языковых средств вызвана тем, что применительно к каждому конкретному национальному языку исследователи пытаются найти некий общий подход, не зависящий от специфики конкретного языка, в то время как сама концепция предполагает оперирование средствами именно конкретного национального языка при разработке модели легкого языка. Полагаем, что определить спектр языковых средств, подходящих для «легкого языка», помогут когнитивные исследования, направленные на выявление языковых средств, вызывающих наибольшие трудности у целевой аудитории при прочтении конкретного текста, и выведение индекса сложности данных средств, как это сделано в работе Л. Келлер [Keller, 2020].

Отдельные приемы упрощения конкретного национального языка применяются в текстах на легком языке в Германии. Например, как указывают С. Хансен-Ширра и К. Маас, было предложено практическое решение в текстах на легком немецком языке писать сложные слова через дефис *Behindertengleichstellungsgesetz = Behinderten-Gleichstellungs-Gesetz (= Act on Equal Opportunities for Persons with Disabilities)*, однако это противоречит правилам орфографии немецкого языка и вызывает негативную реакцию, особенно среди представителей старшего поколения. Такие практические решения могут повлечь за собой, во-первых, размывание правил орфографии и снижение грамотности среди населения, во-вторых, это может привести к социальной стигматизации самих текстов, что также вряд ли можно проинтерпретировать как положительный результат [Hansen-Schirra, Maaß, 2020, p. 20]. Однако и в Германии, где концепция «легкого языка» является наиболее разработанной по сравнению с другими странами, перечень рекомендаций по упрощению стандартного немецкого языка может иметь хаотический характер — наблюдается смешение собственно лингвистических и нелингвистических приемов адаптации информации даже в достаточно официальных источниках, например, в своде правил предоставления доступных информации

ных технологий «The Accessible Information Technology Regulation, BITV 2.0» [Maas, 2020, p. 74].

В связи с тем, что «легкий язык» интерпретируется как особая подсистема языка, возникает вопрос о необходимости интралингвального (внутриязыкового) перевода [Нелюбин], который представляет собой вторичное изложение исходной информации на том же языке.

К. Маас и И. Ринк подчеркивают, что перевод на легкий язык представляет собой не только использование более простой лексики и синтаксиса, но и обращение к уже имеющимся у реципиентов знаниям и имеет своей целью развитие этих знаний. Внутриязыковому переводу подлежат информационные брошюры, инструкции и информация, представленная на сайтах, главным образом юридического содержания, включая бланки писем и заявлений. При этом переводчики используют разные стратегии перевода, включая стратегию истолкования исходного текста, что способствует удлинению текста перевода, и стратегию сокращения и редуцирования информации, что может привести к опущению важной информации в тексте перевода. Помимо собственно лингвистических стратегий, связанных с подбором особого вокабуляра и грамматических конструкций, также имеют значение когнитивные стратегии и медиастратегии, связанные с визуальным оформлением текста [Maas, Rink, 2020].

В настоящее время практика по осуществлению внутриязыкового перевода с целью упрощения представляемой информации наиболее интенсивно развивается в сфере цифровых технологий, что отвечает вызовам времени. Интересно отметить, что разработки в области легкого языка способствуют не только обеспечению коммуникации для людей, испытывающих определенные коммуникативные барьеры, но и для упрощения коммуникации в цифровом формате в целом. Так, в Австрии разрабатываются мобильные приложения, позволяющие получать информацию в более простом виде не только специализированным целевым аудиториям, но и всем желающим, например, людям, не имеющим достаточного времени на обработку словесной информации [Frohlic, Kandussi, 2021. p. 45]. В России, как отмечают Н.В. Нечаева, К.-С. Хельмле и Э.М. Каирова, также начинает развиваться практика осуществления подобного вида интралингвального перевода на «ясный язык», однако научные работы, посвященные данной проблеме, практически отсутствуют [Нечаева, Хельмле, Каирова, 2020].

По мнению А. Мустайоки, Ж. Михиенко и их коллег, признанию и развитию концепции «легкого языка» в России мешают структура национального русского языка, имеющего сложную морфологию,

включая разветвленную систему окончаний, культ грамотности и особенности российского коллективистского менталитета — так называемый «русский коллективизм», который, предположительно, может препятствовать тому, чтобы люди, нуждающиеся в использовании специального языка, осознали свою личную потребность в предоставлении им соответствующих языковых услуг. Авторы указывают, что в стране предпринимаются определенные шаги по выработке особой системы коммуникации, которую можно было бы соотнести с концепцией «easy language», однако пока не разработаны стандарты написания текстов соответствующего типа. При этом в России хорошо развита традиция адаптации текстов для детей и иностранцев, изучающих русский язык [Mustajoki et al., 2021].

Обзор имеющихся источников показывает, что в настоящий момент теоретические основы концепции «легкого языка» только начинают разрабатываться, однако интенсивно идет эмпирическое развитие концепции (особенно целям упрощения отвечают современные тенденции использования языка на различных интернет-сайтах, где, по мысли разработчиков, представляемая информация должна быть интуитивно понятна абсолютному большинству пользователей). Эмпирическое развитие концепции на данный момент проявляется в том, что разработчики пытаются сформировать и «узаконить» некоторые правила создания текстов, которые бы способствовали облегчению понимания и не противоречили нормам стандартизированного языка.

Полагаю, практические рекомендации по разработке специально-го языка для коммуникации с людьми, имеющими определенные когнитивные трудности в общении, не должны сводиться к ограничению языковых употреблений, скорее, речь должна идти о более активном использовании определенных синтаксических конструкций и вокабуляра по отношению к другим. На данном этапе развития концепции определение понятия «легкий язык» можно сформулировать следующим образом: *легкий язык — это социально маркированный вариант национального языка, представляющий собой подсистему данного языка, отличающуюся ограниченностью активного словарного состава и набора активно используемых синтаксических конструкций, специально разрабатываемую в виде модели для коммуникации с людьми, испытывающими когнитивные трудности в языковом общении.*

Представленный анализ научной литературы позволяет определить степень необходимости дальнейшей разработки концепции легкого языка и направления соответствующих языковых исследований.

Идея развития «легкого языка» служит определенной конкретной цели — предоставлению доступных средств коммуникации для людей с ограниченными возможностями, главным образом, имеющих нарушения когнитивного характера. С этой точки зрения необходимость разработки специальной подсистемы национального языка, регламентированной единым сводом правил ее коммуникативной реализации, является востребованной задачей. При этом не стоит смешивать «простой язык», ориентированный на широкие слои населения, — на лиц без указанных отклонений, но имеющих разный жизненный опыт и образование, что может препятствовать быстрому и правильному пониманию письменных сообщений специальной узкой тематики, — и специальный язык для людей с коммуникативными нарушениями. В этом смысле «легкий язык» более близок языку жестов для лиц с нарушениями слуха с тем отличием, что используемые языковые средства входят в состав национального языка, а не представляют собой качественно отличающуюся систему.

Исходя из выше сказанного можно сформулировать ближайшие направления развития концепции легкого языка в лингвистике.

В первую очередь к ним относится исследование соответствующей целевой аудитории. Перспективными в этой связи представляются когнитивные и социолингвистические методы исследования особенностей восприятия вербальной информации людьми, имеющими когнитивные нарушения. В настоящее время подобные исследования проводятся преимущественно в области психологии, однако если психологов в большей степени интересуют способы преодоления коммуникативных барьеров, включая невербальные приемы коммуникации, то лингвистов в первую очередь должны интересовать отбор и систематизация языкового материала, вызывающего наибольшие затруднения при вербальной коммуникации с последующей разработкой системы более понятных языковых средств, способных заменить исходные единицы без потери или с несущественной потерей смысла сообщения.

Второе направление исследований лежит в области лингвистики текста. Устная коммуникация, предполагающая возможность использования дополнительных невербальных средств, способствующих облегчению коммуникации в концепции легкого языка, скорее, является вторичным объектом наблюдения. Непосредственным объектом изучения должны выступать письменные тексты. Необходимо определить спектр текстов, подлежащих переводу на «легкий язык», и принципы построения данных текстов. В качестве таких текстов не могут выступать официальные документы, скорее, это должны быть тексты сопровождающего характера, возможно и формирование нового, особого, типа текстов,

а также разработка их жанровых модификаций. Отдельным направлением данных исследований может выступать разработка специальных сопровождающих текстов для интернет-сайтов, пользователями которых могут быть люди с коммуникативными ограничениями. В русле прикладных лингвистических направлений можно говорить о перспективах разработки специальных версий сайтов для лиц с нарушениями языковой коммуникации (аналогично версии для слабовидящих) и разработке программ автоматизированного перевода сайтов на «легкий язык».

Соответственно, третье направление исследований непосредственно связано с предыдущим и находится в области теории и практики перевода, в данном случае — интралингвального. Необходимо осмыслить переводческие стратегии и приемы, при использовании которых перевод на «легкий язык» проходил бы без искажения смысла и содержательных потерь. В качестве прикладных направлений — составление глоссариев, словарей и справочников, помогающих разработчикам текстов на «легком языке» подобрать наиболее подходящие замены для исходных слов. При этом речь не идет о том, что вокабуляр «легкого языка» должен носить принципиально ограниченный характер, — составление глоссариев, как и любая систематизация лексики, помогает понять принципы осуществления перекодировки и представить слова нового глоссария в системном виде, что, наоборот, должно способствовать развитию лексической системы подъязыка.

В каждом из перечисленных направлений отдельные исследования могут иметь предельно конкретные цели. Например, для русского языка перспективным представляется изучение сложных синтаксических структур и способов их преобразования в простые структуры, в частности, способы преобразования предложений с причастными и деепричастными оборотами, конструкций с двойным отрицанием (*Нельзя не выполнять требования; не мог не оповестить; не учесть непредвиденные обстоятельства* и под.), конструкций с цепочкой слов в родительном падеже (*осуществление взаимодействия ведомств и структур Правительства Российской Федерации*), выражений, вводимых сложными предлогами (*в течение данного периода времени, вследствие отсутствия доказательств*) и других. Приведенные примеры могут показаться разрозненными, но предполагается, что поиск языковых средств, требующих замены средствами «легкого языка», стоит искать среди тех, которые вызывают наибольшие трудности при усвоении российскими школьниками, в число которых входят приведенные примеры. Существенный вклад в развитие концепции легкого языка могут внести исследования, связанные с разработкой принципов адаптации текстов

для детей раннего возраста, и исследования в области обучения русскому языку как иностранному.

Основной акцент в разработке концепции легкого языка должен ставиться на создании специальной коммуникативной системы для людей с ограниченными возможностями, но использование данной системы ни в коей мере не должно препятствовать развитию навыков вербальной коммуникации у данной категории лиц, напротив, облегчение коммуникации должно предоставлять им возможность обрабатывать большее количество информации, тем самым развивая их языковые знания и когнитивные способности.

Библиографический список

Нечаева Н. В., Хельмле К.-С., Каирова Э. М. Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы в России // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета: журнал. 2020 № 3.

Петрова М. В. «Легкий язык»: языковая политика инклюзивности по обеспечению безбарьерной коммуникации в Германии. 2019. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85938/1/978-5-91256-492-5_2020_040.pdf.

Хомутинников С. Проще говоря // Московская немецкая газета. 2021. 28 октября.

Bohman U. Easy Language in Sweden // Handbook of Easy Languages in Europe. Eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Chinn D., Buell S. Easy Language in the UK // Handbook of Easy Languages in Europe. Eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Frohlich W., Kandussi K. Easy Language in Austria // Handbook of Easy Languages in Europe. Eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Hansen-Schirra S., Maaß Ch. Easy Language, Plain Language, Easy Language Plus: Perspectives on Comprehensibility and Stigmatisation // Easy Language Research: Text and User Perspectives. Eds. Silvia Hansen-Schirra, Christiane Maaß. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2020. URL: https://www.frank-timme.de/fileadmin/docs/Easy_Language_Research_Text_and_User_Perspectives.pdf.

Keller L. People with Cognitive Disabilities and their Difficulties with Specialised Interactive Texts // Easy Language Research: Text and User Perspectives. Eds. Silvia Hansen-Schirra, Christiane Maaß. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2020.

Maaß Ch. Easy Language — Plain Language — Easy Language Plus. Balancing Comprehensibility and Acceptability. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2020.

Maaß Ch., Rink I. Scenarios for Easy Language Translation: How to Produce Accessible Content for Users with Diverse Needs // *Easy Language Research: Text and User Perspectives*. Eds. Silvia Hansen-Schirra, Christiane Maaß. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2020. URL: https://www.frank-timme.de/fileadmin/docs/Easy_Language_Research_Text_and_User_Perspectives.pdf

Mustajoki A., Mihienko Zh., Nechaeva N., Kairova E., Dmitrieva A. Easy language in Russia // *Handbook of Easy Languages in Europe*. Eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Parpan-Blaser A., Girard-Groeber S., Antener G., Arn Ch., Baumann R. Caplazi A., Carrer L. Diacquenod C., Lichtenauer A., Sterchi A. Easy Language in Switzerland // *Handbook of Easy Languages in Europe*. Eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Vandeghinste V., Muller A., Francois Th., de Clercq O. Easy language in Belgium // *Handbook of Easy Languages in Europe*. Eds. C. Lindholm and U. Vanhatalo. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Словари и источники

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 2014. Портал «Грамота.ру», 2000–2021. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>

Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М., 2006.

Нелюбин Л. А. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003. URL: <https://rus-perevodovedcheskiy-dict.slovaronline.com/>

ООН. Конвенция о правах инвалидов. 2006. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.

Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. Портал «Академик», 2000–2021. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/180863/Легкий>.

Association of University Centers on Disabilities. Plain Language. URL: <https://www.aucd.org/template/page.cfm?id=1207#>

Cambridge Dictionary. Cambridge University Press, 2021. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

Merriam-Webster Dictionary. Merriam-Webster, Incorporated, 2021. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

Plain Language Association International. Официальный сайт. URL: <https://plainlanguagenetwork.org/plain-language/what-is-plain-language/>

Worbedeutung.info: Bedeutungen, Definitionen, Beispiele, Rechtschreibung. 2021. Leicht. URL: <https://www.wortbedeutung.info/leicht/>

World Health Organization. Use plain language. URL: <https://www.who.int/about/communications/understandable/plain-language>

References

Nechaeva N. V., Helmle K.-S., Kairova E. M. *Perevod na yasnyy i prostoy yazyki: zarubezhnyy opyt i perspektivy v Rossii*. [Translating into Easy and Plain Languages: International Practice and Prospects for Russia]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta*. [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University]. 2020. No. 3.

Petrova M. V. "Legkiy yazyk": *yazykovaya politika inklyuzivnosti po obe-specheniyu bezbar'ernoy kommunikatsii v Germanii*. ["Easy Language": inclusivity language policy to ensure barrier-free communication in Germany.] 2019. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85938/1/978-5-91256-492-5_2020_040.pdf

Khomutinnikov S. *Proshche govorya* [Simply Speaking]. Moskauer Deutsche Zeitung, 28 Oktober 2021.

Bohman U. *Easy Language in Sweden*. In: C. Lindholm & U. Vanhatalo (Eds.). *Handbook of Easy Languages in Europe*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Chinn D., Buell S. *Easy Language in the UK*. In: C. Lindholm & U. Vanhatalo (Eds.). *Handbook of Easy Languages in Europe*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Frohlich W., Kandussi K. *Easy language in Austria*. In: C. Lindholm & U. Vanhatalo (Eds.). *Handbook of Easy Languages in Europe*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Hansen-Schirra S., Maaß Ch. *Easy Language, Plain Language, Easy Language Plus: Perspectives on Comprehensibility and Stigmatisation*. In: Silvia Hansen-Schirra & Christiane Maaß (Eds.). *Easy Language Research: Text and User Perspectives*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2020. URL: https://www.frank-timme.de/fileadmin/docs/Easy_Language_Research_Text_and_User_Perspectives.pdf.

Keller L. *People with Cognitive Disabilities and their Difficulties with Specialised Interactive Texts*. In: Silvia Hansen-Schirra & Christiane Maaß (Eds.). *Easy Language Research: Text and User Perspectives*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2020. URL: https://www.frank-timme.de/fileadmin/docs/Easy_Language_Research_Text_and_User_Perspectives.pdf.

Maaß Ch. *Easy Language — Plain Language — Easy Language Plus. Balancing Comprehensibility and Acceptability*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2020.

Maaß Ch., Rink I. *Scenarios for Easy Language Translation: How to Produce Accessible Content for Users with Diverse Needs*. In: Silvia Hansen-Schirra & Christiane Maaß (Eds.). *Easy Language Research: Text and User Perspectives*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2020. URL: https://www.frank-timme.de/fileadmin/docs/Easy_Language_Research_Text_and_User_Perspectives.pdf.

Mustajoki A., Mihienko Zh., Nechaeva N., Kairova E., Dmitrieva A. *Easy language in Russia*. In: C. Lindholm & U. Vanhatalo (Eds.). *Handbook of Easy Languages in Europe*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Parpan-Blaser A., Girard-Groeber S., Antener G., Arn Ch., Baumann R., Caplazi A., Carrer L., Diacquenod C., Lichtenauer A., Sterchi A. *Easy Language in Switzerland*. In: C. Lindholm & U. Vanhatalo (Eds.). *Handbook of Easy Languages in Europe*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Vandeghinste V., Muller A., Francois Th., de Clercq O. *Easy language in Belgium*. In: C. Lindholm & U. Vanhatalo (Eds.). *Handbook of Easy Languages in Europe*. Frank & Timme GmbH. Berlin, 2021.

Dictionaries and Sources

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Editor-in-chief S.A. Kuznetsov. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.

Muller V.K. *New English-Russian Dictionary*. Moscow, 2006.

Nelyubin L.L. *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory translation dictionary]. Moscow, 2003. URL: <https://rus-perevodovedcheskiy-dict.slovaronline.com/>.

Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. T. F. Efremova. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/180863/Леркий>.

Association of University Centers on Disabilities. Plain Language. URL: <https://www.aucd.org/template/page.cfm?id=1207#>

Cambridge Dictionary. Cambridge University Press, 2021. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

Plain Language Association International. URL: <https://plainlanguage.network.org/plain-language/what-is-plain-language/>.

United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities and Optional Protocol. 2006. URL: <https://www.un.org/disabilities/documents/convention/convoptprot-e.pdf>.

Worbedeutung.info: Bedeutungen, Definitionen, Beispiele, Rechtschreibung. 2021. Leicht. URL: <https://www.wortbedeutung.info/leicht/>

World Health Organization. Use plain language. URL: <https://www.who.int/about/communications/understandable/plain-language>.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ОПРАВДАН ЛИ САРКАЗМ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ПОЛИТИКО- ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА II? (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»)

А. А. Шибанов

Ключевые слова: сарказм, государственное устройство, правовые нормы, литературная критика, художественный метод, сатира.

Keywords: sarcasm, state structure, legal norms, literary criticism, artistic method, satire.

DOI 10.14258/filichel(2022)2-09

М. Е. Салтыков-Щедрин — публицист и художник, чье творчество гармонично соединяет в себе гротескное изображение явлений общественной жизни и историческую объективность, злободневность журнальной сатиры и глубину философских размышлений над «вечными» вопросами человеческого бытия. Роман «История одного города», созданный в 1869–1870 годах XIX века, стал аллегорическим символом, выражающим сложное и противоречивое отношение писателя к государственному устройству современной ему России, ее историческому прошлому, законодательным реформам настоящего, получившим гротескную интерпретацию в романе «История одного города». Но оправдан ли сарказм Щедрина?

Современная писателю критика неоднозначно оценила мастерство Щедрина-сатирика. И. С. Тургенев в рецензии к роману отметил, что сатира Салтыкова-Щедрина «преувеличивает истину как бы посредством увеличительного стекла, но никогда не извращает полностью ее сущность, никогда не искажает ее существа» (И. С. Тургенев, 1967, с. 232). Напротив, А. С. Суворин напишет: «...ни история, ни настоящее все не говорят нам ничего похожего на те картины, которые нарисовал г. Салтыков...» (цит. по: [Дмитренко, 2002, с. 89]).

В советской критике XX века (работы А. С. Бушмина, С. А. Макашина, А. Лаврецкого и др.) Салтыков-Щедрин был безоговорочно отнесен к представителям революционной демократии «как упорнейший из борцов с самодержавием на поле литературной брани», вынесший «окончательный приговор абсолютизму» (Бушмин, 1976, с. 125). По характеру сатиры на государственное и социальное устройство современного общества Салтыкова-Щедрина сравнивали с Ювеналом и Свифтом (И. С. Тургенев, 1967, с. 232), но так ли в действительности была несовершенна государственная система в эпоху жизни писателя?

Согласно позиции представителей направления «Law and literature» (О. Г. Егорова, А. В. Макарычева, И. Б. Павловой, Е. Г. Постниковой, Е. С. Шевченко и др.), исследовавших феномен политико-правовых контекстов в романе «История одного города», щедринский текст представляет собой не столько пародию на официальную историю России, в чем обычно упрекали сатирика, сколько пародию на современную автору историографию, политическую мифологизацию законодательных реформ, имеющих мало общего с реалиями общественно-правовых преобразований в жизни страны во второй половине XIX века. По мнению О. Г. Егорова, писатель критически оценивал послереформенное законодательство, считая, что основные противоречия новой государственной системы управления проистекают из «невыработанности понятий о правде и праве» (цит по: [Егоров, 2012, с. 286]). Е. Г. Постникова отмечает: «Русские мыслители второй половины XIX века, такие как М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. М. Достоевский, вплотную подошли к открытию явления современной политической мифологии, а также ее роли в жизни общества» [Постникова, 2012, с. 276], как следствие, главная идея в романе «История одного города» — реконструкция, дешифровка и перекодировка истории.

М. Е. Салтыков-Щедрин создает роман «История одного города» в 1869–1870 годах — время царствования Александра II, традиционно именуемое эпохой Великих реформ. Действительно, правление Александра II было ознаменовано принятием целого ряда законодательных документов, направленных на реорганизацию политико-правовой структуры российского государства. Как следствие, исторические события не могли не найти своего отражения на страницах романа, как и образ того, по чьей инициативе рассматриваемые события стали частью истории нашей страны.

В отечественной историографии не существует единого подхода к оценке личности императора и результатов его преобразовательной деятельности. Одним из первых попытку создания достоверной био-

графии Александра II предпринял С. С. Татищев в фундаментальном труде «Император Александр II. Его жизнь и царствование». Историк, безусловно, идеализирует личность и заслуги правителя: Александру II воздается хвала за заслуги в деле реформ, а ответственность за промахи и недостатки возлагается на «советников и сотрудников императора, не всегда точных исполнителей его державной воли», а также на «неподготовленность русского общества к восприятию дарованных ему щедрой царскою рукою гражданских прав» (С. С. Татищев, 2006, с. 949–950). Подобная позиция прослеживается в работах К. У. Арсеньева, Г. А. Джаншиева, А. А. Шумахера и др.

Интерпретация образа и исторической роли Александра II в историографии советского периода обусловлена идеологической трактовкой государственных реформ 60–70 годов XIX века — «половинчатых» и «непоследовательных», а то и прямо «грабительских» по отношению к крестьянину (работы Г. И. Чулкова, Н. Н. Фирсова и др.) [Леонтьева, 2018, с. 16]. При этом как-то принято не упоминать, что именно крестьянская реформа, то есть уничтожение средневекового крепостного рабства, была первым шагом к гражданскому равноправию со стороны государства, его законодательных механизмов правового регулирования. У Салтыкова-Щедрина мы находим: «Еще задолго до прибытия в Глухов, он (Угрюм-Бурчеев. — А. Ш.) составил в своей голове целый систематический бред, в котором, до последней мелочи, были регулированы все подробности будущего устройства этой злосчастной муниципии» (М. Е. Салтыков-Щедрин, 1976, с. 184). Гуманные по своей сути законопроекты, способные изменить и усовершенствовать политико-правовое поле России, сатирик называет «систематическим бредом», «сложной и неизъятной идеологических ухищрений административной теорией» (М. Е. Салтыков-Щедрин, 1976, с. 184). По мнению О. Г. Егорова, «основополагающая идея Щедрина состоит в том, что с юридической отменой крепостного права прежние порядки, строй жизни, механизм «закрепощения» огромной массы населения (29 млн чел.), хотя и видоизменились, но сохранили свою сущность: «<<...> несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их осталась нетронутою»» [Егоров, 2012, с. 284].

Историки нашего времени (Е. Н. Морозова, Е. Н. Черникова, А. А. Ярцев и др.) отходят от однозначных характеристик личности императора, пытаются разобраться в мотивах и инструментарии принятия им государственно важных решений. О. В. Леонтьева отмечает, что, столкнувшись с необходимостью модернизации основных сфер жизни российского общества, Александр II начинает реформы «сверху», «но не на-

сильственным путем (как Петр Великий), а путем создания атмосферы свободы и взаимодействия с различными слоями общества; следование этому решению потребовало от него немалой силы характера» [Леонтьева, 2018, с. 19].

Следует отметить, что реформаторская деятельность Александра II была вызвана исторической необходимостью преобразований в системе государственного управления страной в законодательном, содержательном и структурообразующих аспектах. Государственное управление — одна из ведущих категорий права, чье содержание обусловлено исторически сложившимися условиями развития общества.

Специфика государственного управления определяется целым рядом политических, экономических и социокультурных факторов. Значимое влияние на выбор форм и методов государственного управления оказывают особенности национальной культуры народа, интересы и идеология правящей элиты, сложившийся в стране политический режим. Государственное управление реагирует на внешние и внутренние изменения, происходящие в обществе. основополагающими механизмами государственного управления становятся категории законодательства и права в их нормотворческой, регулирующей и регламентирующей функции.

Важнейшим результатом реформаторской деятельности Александра II стала отмена в 1861 году крепостного права, повлекшая за собой формирование всесословной системы управления, а также реформ финансовой, судебной, военной, образовательной систем в Российском государстве.

Многие законопроекты были по-настоящему гуманными и выражали государственную заботу о простом народе. Начиная с 1860-х годов Салтыков-Щедрин выступает как сторонник земской реформы, способной, по мнению писателя, ускорить преодоление пережитков крепостного права и традиционного правового мышления. Статья вторая Городового положения предусматривала введение городских общественных управлений, деятельность которых была направлена на благоустройство городских улиц и внешнего облика города, обеспечение горожан продовольствием, совершенствование противопожарной безопасности и т.д. Однако в романе «История одного города» сатирически изображен процесс подобного законотворчества на примере активной, но по сути бестолковой деятельности градоначальника Двоекурова, вымостившего улицы Дворянскую и Большую, собравшего недоимки, покровительствовавшего наукам и ходатайствовавшего об учреждении в Глупове Академии. Мостовые впоследствии оказываются разобранными, созда-

ние Академии остается проектом, а пожары по-прежнему бушуют в городе, сжигая его дотла.

Судебный устав 1864 года предполагал введение единой системы судебных учреждений исходя из формального равенства всех социальных групп населения перед законом. В процессе реформ 60-х годов особое место отводилось изменениям в образовательной сфере: создается сеть народных училищ, наряду с классическими открываются реальные гимназии, демократизируется профессорско-преподавательский состав университетов. В главе «Войны за просвещение» сатирически высмеивается любого рода законотворческая деятельность, поскольку законы остаются непонятны обывателям. По мнению Салтыкова-Щедрина, два ведущих сословия государства: власть имеющие и народ — живут разными представлениями о своих правах. О. Г. Егоров справедливо отмечает: «В этом деле решающее слово принадлежит правительству, которое как „высшее выражение государства“... „несет на себе все ответственность за него“. Оно обязано входить в нужды народа и устраивать его благосостояние при неперменном условии соблюдения государственных интересов. Правительство должно наблюдать за тем, чтобы „внутренние распоряжки“ крестьянского сословия (традиционное право) „отнюдь не противоречили высшим государственным соображениям“» [Егоров, 2012, с. 286].

В главе «Эпоха увольнения от войн» М. Е. Салтыков-Щедрин поднимает тему возможности «насаждения» в Глупове Конституции (градоначальник Негодяев служил когда-то в Гатчине истопником и, следовательно, до некоторой степени представлял собой «гатчинское демократическое начало»), а также описывает деятельность градоправителя Бенивалевского, его градацию законов, включая не поддающиеся разумному объяснению законы про пироги. Следует отметить, что за сарказмом Салтыкова-Щедрина стоят очень серьезные вещи. Е. С. Шевченко и А. В. Макарычев отмечают: «Если в XVIII и XIX вв. попытки создать Конституцию, предпринятые монархами Екатериной II, Александром I и Александром II, в силу неблагоприятных политических обстоятельств и иных причин так и не были ими реализованы, то более осторожный в этом плане Николай II даже не пытался что-то предпринять и избегал самого слова «конституция», так как оно могло ассоциироваться с коренным переустройством политико-правовой системы и ломкой властных структур самодержавия» [Шевченко, Макарычев, 2018, с. 122].

Градоправитель Бенивалевский также пытается разработать проект новой Конституции, но четко представляя, что включают в себя «обязанности», не может дать достаточно твердого определения, что такое

«права». Градация законов Бенивалевского на «мудрые», «немудрые» и «средние, с безусловным приоритетом «средних»», включая «Всякий да яст», «Всякий в дому своем благополучно да почивает», а также знаменитый «Устав о добропорядочном пирогах печении», наглядно показывают критическое отношение Салтыкова-Щедрина к послереформенному правотворчеству.

М. Е. Салтыков-Щедрин, как никто другой, понимал, как работает российское законодательство не только теоретически, но и практически, ведь он много лет служил чиновником в самых различных уголках нашей страны. Именно эта ставшая вечной для России проблема безответственного и неуважительного отношения к законам затрагивается М. Е. Салтыковым-Щедриним на страницах его прозы. Также большой интерес представляет законодательная деятельность самого писателя на различных государственных постах, его критика теоретиков государства и права (Гегеля и др.). Творчество писателя отображает правовую реальность всего XIX столетия. Значимость эпохи была повсеместно отмечена как юридическими и литературными критиками — современниками того времени, так и в исторических трудах последующих периодов.

В «Истории одного города» М. Е. Салтыков-Щедрин аллегорически изображает градоправителей, законодательную систему и общественное устройство России в ее историческом прошлом и постреформенном настоящем, но сарказм писателя направлен не против русского народа, его исторической судьбы. Полемизируя с российской историей в изложении официальной идеологии, Щедрин пытается найти оптимальное решение проблемы закона и справедливости как основы государственного устройства. По мнению писателя, реформы, исходящие «сверху», обречены на провал по причине своей нежизнеспособности в естественной среде исторических событий. В романе «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина можно проследить его уникальное видение, специфический культурно-социальный и философский контекст множества правовых событий и явлений, современником которых он был. Безусловно, без учета точки зрения сатирика было бы нельзя считать картину правового уклада общества России XIX века полностью прописанной. «Взгляд на отечество писателя-просветителя заслуживает особого внимания, ибо это взгляд мыслителя сурового и бескомпромиссного, глубочайшего аналитика, художника, наделенного замечательной интуицией социолога и историка, владеющего исключительно богатым арсеналом поэтических средств» [Павлова, 2012, с. 2].

Отвечая на проблемный вопрос, вынесенный в название статьи: «Оправдан ли сарказм Щедрина в политико-правовом контексте эпохи

Александра II?», следует отметить, что без использования приемов сарказма, гротеска и сатиры идейный замысел «Истории одного города» остался бы нереализованным. Таким образом, с литературной точки зрения сильный и интересный сарказм выполняет значимую художественную функцию, содействуя созданию гротескного образа России в ее историческом прошлом и современной писателю послереформенной реальности, — и здесь мастерство Салтыкова-Щедрина не подлежит сомнению. Однако сам факт и результаты политико-правовых преобразований, ставших знаковым символом эпохи Великих реформ, заслуживают справедливой оценки последующих поколений.

Ни до, ни после эпохи Великих реформ мы не находим примеров подобного либерализма. Законодательное значение реформ эпохи Александра II трудно переоценить, но история, по мнению М. Е. Салтыкова-Щедрина, не прощает, если правотворческая деятельность осуществляется только в рамках официальной идеологии, вразрез с гражданским стремлением служения народным интересам.

Библиографический список

- Бушмин А. С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. М., 1976.
- Дмитренко С. Ф. М. Е. Салтыков-Щедрин после закрытия «Отечественных записок»: жизнь и творчество в культурно-историческом контексте // Культура и текст. 2017 № 1.
- Егоров О. Г. Общество и право в литературном наследии М. Е. Салтыкова-Щедрина // Общество и право. 2012. № 3.
- Леонтьева О. Б. Два века императора: Александр II в зеркале исторических биографий // Вестник Самарского университета. 2018. № 3.
- Павлова И. Б. Проблема русской национальной судьбы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: художественный, общественно-исторический, духовный аспекты: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 2012.
- Постникова Е. Г. Мифы русской истории и история гууповского мифа (по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1.
- Шевченко Е. С., Макарычев А. В. О некоторых особенностях художественно-правового нарратива в русской литературе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. № 24 (2).

Источники

- Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. СПб., 2010.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Избранное. М., 1976.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006 (Историческая библиотека).

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения. Т. XIV. М., 1967.

References

Bushmin A. S. *Saltykov-Shchedrin. Iskusstvo satiry*. [Saltykov-Shchedrin. The Art of Satire]. Moscow, 1976.

Dmitrenko S. F. M. E. *Saltykov-Shchedrin posle zakrytija "Otechestvennyh zapisok": zhizn' i tvorchestvo v kul'turno-istoricheskom kontekste*. [M. E. Saltykov-Shchedrin after the closing of "Domestic notes": life and creativity in a cultural and historical context]. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text]. 2017. No. 1.

Egorov O. G. *Obshchestvo i pravo v literaturnom nasledii M. E. Saltykova-shchedrina*. [Society and law in the literary heritage of M. E. Saltykov-shchedrin]. In: *Obshchestvo i pravo* [Society and Law]. 2012. No. 3.

Leontieva O. B. *Dva veka imperatora: Aleksandr II v zerkale istoricheskikh biografij*. [Two Two Ages of the Emperor: Alexander II in the mirror of historical biographies]. In: *Vestnik Samarskogo universiteta*. [Bulletin of Samara University]. 2018. No. 3.

Pavlova I. B. The problem of Russian national destiny in the works of M. E. Saltykov-Shchedrin: artistic, socio-historical, spiritual aspects. Abstract. of Philol. Doct. Diss. Moscow, 2012.

Postnikova E. G. *Mify russkoj istorii i istorija glupovskogo mifa (po romanu M. E. Saltykova Shchedrina "Istorija odnogo goroda")*. [Myths of Russian history and the history of the Stupid myth (based on the novel by M. E. Saltykov Shchedrin "The History of one City")]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. [Problems of History, Philology, culture]. 2012. No. 1.

Shevchenko E. S., Makarychev A. V. *O nekotoryh osobennostjakh hudozhestvenno-pravovogo narrativa v russkoj literature*. [On some features of the artistic and legal narrative in Russian literature]. In: *Vestnik Samarskogo universiteta*. [Bulletin of Samara University]. 2018. No. 2.

List of Sources

Saltykov-Shchedrin M. E. *Izbrannoe*. [Favorites]. Moscow, 1976.

Saltykov-Shchedrin M. E. *Istorija odnogo goroda*. [The History of a city]. St. Petersburg, 2010.

Tatishchev S. S. *Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i carstvovanie (Serija "Istoricheskaja biblioteka")*. [Emperor Alexander II. His life and reign (Series "Historical Library")]. Moscow, 2006.

Turgenev I. S. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*. [Complete Works and Letters]. T. XIV. Moscow, 1967.

ТИПОЛОГИЯ И ПРОГРЕССИЯ СМЕРТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА «ДЕТИ ХУРИНА»

В. В. Останин

Ключевые слова: Джон Рональд Руэл Толкин, смерть, типология, прогрессия, этика, «Дети Хурина».

Keywords: John Ronald Reuel Tolkien, death, typology, progression, ethics, «The Children of Hurin».

DOI 10.14258/filichel(2022)2–10

Джон Рональд Руэл Толкин (1892–1973) — великий английский писатель и филолог, один из основателей жанра фэнтези, прославился прежде всего написанием монументального романа-трилогии «Властелин колец» («The Lord of the Rings»), экранизированного наряду с еще одним его произведением «Хоббит, или Туда и обратно» («The Hobbit or There and Back Again») известным новозеландским режиссером Питером Джексоном (2001–2003 и 2012–2014 годы соответственно).

Обычно исследования наследия Толкина идут несколькими путями: изучение деталей мифологии, истории и географии мира Средиземья, созданного Толкином в его произведениях. Отдельно стоит филологическое изучение искусственных языков (особенно, эльфийского *синдарина*), в разной степени разработанных знаменитым автором. Философская же сторона творчества мыслителя изучается не столь тщательно. Тем более приятно, что одно из зерен такого именно философского исследования посеяно на Алтае, малой Родине пишущего данные строки. «Роман удовлетворяет основному требованию религиозного искусства: он всей своей художественной силой убеждает, что эти высшие устремления — живой голос Истины в человеческой душе. Еще один вечный и в то же время всегда новый мотив... — это мотив бескорыстного и жертвенного служения высшему, в котором растет и закаляется душа, куются лучшие человеческие качества» [Иванов, Фотиева, Шшин, 2006, с. 528–529].

Таким образом, мы можем выделить в творчестве Толкина две основных философских составляющих:

1. Создание синтеза *религии и искусства* на базе первого.

2. Провозглашение идеи *бескорыстного* («не для себя») и *жертвенного* («жертвуй собой») служения высшим ценностям человечества.

В данном же исследовании предлагается рассмотреть оригинальную «философию смерти», предложенную Толкином в одном его гораздо менее известном произведении — «Дети Хурина» («The Children of Hurin»).

Стоит сказать несколько слов о самой работе автора. Самостоятельная книга «Дети Хурина» вышла совсем недавно, в 2007 году, много позже смерти самого Толкина. Заслуга в этом принадлежит сыну писателя Кристоферу Толкину (1924–2020), издавшему за несколько десятилетий практически все как законченные, так и не оконченные рукописи своего великого отца. «Дети Хурина» представляет собой повесть, компилированную из нескольких источников:

1. Отрывок из «Сильмариллиона» («The Silmarillion») — мифологический эпос Средиземья, написанный Толкином много ранее «Властелина колец», но изданный уже его сыном, в нем есть глава, посвященная детям Хурина.

2. Неоконченная поэма «Турамбар и Фоалокэ» («Turambar and the Foaloke») — ранний поэтический прообраз будущей книги «Дети Хурина».

3. Далеко продвинувшаяся, но также незавершенная «Нарн и Хин Хурин» («Narn i Chin Hurin») — ранняя форма повести, где «нарн» как раз и означает в переводе с эльфийского «повесть».

Кристофер соединил отрывки в единое повествование и очень бережно, не меняя ни сюжета, ни «буквы» отца, отредактировал книгу.

Центральное место в «Детях Хурина» занимает тема смерти и ее глубокое философское осмысление. Она ниточкой тянется из самого начала «Сильмариллиона», где масштабно живописуются созидание мира Средиземья Богом (Илуватаром у Толкина) и последовательное сотворение двух основных рас, «детей Илуватара»: эльфов и людей. Вот как описывает это сам Толкин в письме к Мильтону Уолдману, редактору издательства «Коллинз»: *«Судьба эльфов — бессмертие и любовь к красоте этого мира, которая расцветет пышным цветом благодаря их утонченным, совершенным дарам; их бытию дано длиться, пока существует мир, и не покидают они его, даже будучи «убиты», но возвращаются... Судьба (или Дар) людей — это смертность, свобода от кругов мира»* (К. Толкин, 2016а, с. 19). В самом «Сильмариллионе» Толкин выражается еще более конкретно: «Илуватар пребывал в одиночестве, погруженный в мысли. Затем заговорил он и молвил: *«Воистину люблю я Землю, что станет домом для квенди и атани* (то ест эльфов и людей. — прим. В. О.). *Квенди же будут прекраснее всех земных созданий, и обретут они,*

и задумают сами, и создадут большие красоты, нежели все мои Дети; и суждено им земное блаженство превыше прочих. Но для атани есть у меня иной дар». И пожелал он так: устремятся искания людей за грань мира, в мире же не будет людям покоя» (К. Толкин, 2016б, с. 58).

Итак, созданные Илуватаром и Толкином «дети» являются обладателями диаметрально противоположных характеристик. Эльфы — носители бессмертия, ограниченного, однако рамками материального мира, от которого они с течением времени устают и начинают «угасать». Люди же наделяются Богом «даром» смерти, где «смертность — тайна Господа, о которой ведомо лишь одно: «то, что Господь назначил людям, сокрыто», и здесь — источник печали и зависти для бессмертных эльфов» (К. Толкин, 2016а, с. 19).

Интереснейшую философскую переключку мы можем найти в одной из классических сентенций из «Детей Хурина», столь свойственных гению Толкина: «Такова суть истинного дара — ибо дарить должно в ущерб себе» (К. Толкин, 2015, с. 51). Получается, что «дар» Илуватара людям необходимо обращается и на Самого Бога. Каким-то образом Он передает смерть от Себя — людям. Конечно, Бог по определению не может претерпевать смерть или терпеть в чем-то ущерб. Однако философски «смерть Бога» (как тут не вспомнить Ницше!?) может означать передачу человечеству возможности забыть о Нем, что постепенно происходит в ходе истории Средиземья. Скажем, в отличие от «Сильмариллиона», в котором Илуватар, особенно в начальных главах, является фактически главным Лицом повествования, в «Хоббите» и во «Властелине колец» он, за редким исключением, практически не упоминается.

В итоге мы имеем первую интерпретацию смерти у Толкина — «смерть как дар Бога», непостижимое до времени средство трансцендирования человека за пределы мира, к тайне самого Бога.

Книга «Дети Хурина» презентует уже совсем иной ракурс истолкования природы смерти. Главный герой произведения — Турин по прозвищу «Турамбар» («Победивший Судьбу», эльф.) приходится сыном Хурину, проклятому Морготом (толкиновский условный аналог Люцифера, или первого, но павшего сподвижника Илуватара). Проклятие Моргота напрямую связано со смертью, он налагает его, скорее, не на самого Хурина, а на его потомков и в первую очередь Турина:

«Узри же! Тень моих помыслов падет на них, куда бы ни направили они шаг, а ненависть моя станет преследовать их до самых границ мира. Все, кто тебе дорог, ощутят тяжкий гнет моей мысли, точно мглостое марево Рока (my thought shall weigh as a cloud of Doom), и свергну-

ты будут во тьму отчаяния. Куда бы ни направили они шаг, везде воспринет зло. Когда бы ни заговорили они, слова их обернутся гибельными советами. Что бы они ни содеяли, все обратится против них же. Не будет для них надежды в смертный час, и в последний миг проклянут они и жизнь, и смерть» (К. Толкин, 2015, с. 66–68].

Кристофер Толкин объясняет, что означали для самого писателя выражения «тьнь моих помыслов», или точнее «тьнь моих смыслов» (the shadow of my purpose — термин «помысел» может навевать неуместные здесь параллели со святоотеческой аскетической традицией), и «тяжкий гнет мысли» Моргота: «Пытка, придуманная им для Хурина, — «видеть глазами Моргота». Отец пояснил, что это значит: если принудить кого-то посмотреть Морготу в глаза, жертва станет «видеть» (или воспринимать в сознании через разум Моргота) крайне убедительную картину событий, искаженную Морготовой беспредельной злобой» (К. Толкин, 2015, с. 19–20). Автор «Детей Хурина» ясно диагностирует и, пожалуй, главную причину эффективности проклятия Моргота в случае Хурина и его сына Турина — «причиной была гордыня» (pride) (К. Толкин, 2015, с. 20).

Более того, проклятию Моргота оказываются подвержены не только указанные двое, но и все люди, населяющие Землю, или Арду в терминологии Толкина. В «Нарн и Хин Хурин» это выражено ярче, нежели в «Детях Хурина»: «*Тень моего замысла лежит на Арде, и все, что в ней, склоняется на мою сторону, медленно, но верно*» (К. Толкин, 2017, с. 67). Конечно, стоит подчеркнуть, что, несмотря на «убедительную картину» Моргота, она представляет собой лишь вероятностное развитие событий, и каждый волен выбирать, починиться ли ей, или следовать путями, предначертанными Илуватаром. Как мы видим, результатом действия «замысла» Моргота является смерть, гибель, а потому мы можем выделить вторую разновидность философского осмысления категории смерти у Толкина — «смерть как возможное зло», воплощающееся в реальности вследствие синтеза гибельного плана Люцифера-Моргота и свободного подчинения ему со стороны некоторых людей.

Интересной особенностью действия «смерти как зла» является то, что проклятие Моргота в итоге выходит даже из-под его контроля, он начинает бояться, что его проклятие перестанет воздействовать на Турина. В конце повествования Моргот теряет одного из своих ближайший сподвижников — Турин убивает дракона Глаурунга, отличавшегося невероятной мощью и способностью гипнотизировать любого, чей взгляд пересекся с взглядом Глаурунга. Так зло в конце концов наносит вред и тому, кто его породил.

Теперь мы можем перечислить обе интерпретации категории смерти, предложенные Толкином:

1. *Смерть как дар Бога людям*, трансцендирующий, выводящий их за пределы мира.

2. *Смерть как потенциальное зло*, навеваемое в умы людей Сатаной-Морготом и свободно воспринимаемое некоторыми из них.

Помимо ясной дефиниции смерти в «Детях Хурина» содержится весьма пространная прогрессия смерти и ее причин, толкуемых Толкином как весьма определенные и неустанно прогрессирующие отклонения от этических норм. Как уже становится понятным из описанной выше основной фабулы текста, все люди, так или иначе соприкасающиеся с Туринем, в итоге гибнут, причем, с одной стороны, чем ближе конец повествования, тем более дорогих ему личностей теряет Турин. С другой стороны, их собственные этические промахи одновременно становятся все более и более пагубными. Можно насчитать около двадцати основных смертей, случившихся вокруг фигуры Турина. Однако мы выделим десять основных и последовательно проанализируем каждую из них.

Первым гибнет эльфийский воин Саэрос, *завистник* Турина, он испытывает сильный страх перед Туринем, что в результате приводит к несчастному случаю. «*Жил в Дориате некто Саэрос, который завидовал (begrudged) Турину*» (К. Толкин, 2015, с. 86). Его смерть еще не была желанна самому Турину. Вторым встречается смерть Форлега, изгой и главарь банды разбойников, в которую вступает и Турин. Его, незнанию, убивает уже сам Турин, но главной причиной гибели становится *вожделение* Форлега — Турин лишь спасает невинную девушку от насилия.

Из кустов лещины выбежала насмерть перепуганная девушка, одежды ее были изодраны шипами и колючками. Споткнувшись, она упала на землю, тяжело дыша. Турин же, выхватив меч, бросился к зарослям, зарубил человека, что выломился из орешника, преследуя беглянку, — и лишь тогда узнал в нем Форлега» (К. Толкин, 2015, с. 108).

Третьим умирает Андрог — еще один лидер банды разбойников, отличавшийся особой *жестокостью*. «*Жестоки (cruel) вы были, — горько сказал он своим людям, — и жестоки (cruel without need) без нужды... Не все твои стрелы пролетели мимо, — промолвил Турин Андрогу... Бездумно спускаешь ты тетиву; боюсь, и не успеешь ты набраться ума-разума, ибо не заживешь на этом свете*» (К. Толкин, 2015, с. 120, 138). Хотя Андрог гибнет в битве, из слов Турина видно, что предрек ему смерть именно он.

Четвертой жертвой проклятия Моргота становится ближайший наставник и друг Турина — эльф Белег, весьма позитивный персонаж,

но объятый *слепой любовью* к Турину, заставившей его стать частью банды разбойников, в чем он признается и сам: «Увы! — вздохнул Белег. — Как любящий отец (a fond father), что потакает желанию сына вопреки собственному благоразумию, уступаю я твоей воле» (К. Толкин, 2015, с. 123). Турин собственноручно убивает Белега, не узнав того в темноте. Пятым гибнет эльф Гвиндор, безнадежно влюбленный в эльфийскую девушку Финдуилас, которая в свою очередь была безответно влюблена в Турина. Гвиндор являет собой символ *предательства*, о чем ему говорит сам Турин: «Дорог ты мне, ибо спас мне жизнь и уберег от зла. Однако теперь худо поступил ты со мною, друг, выдав (to betray) **мое настоящее имя** и призвав на меня судьбу мою, от которой тщиусь я укрыться» (К. Толкин, 2015, с. 177). Шестой вскоре погибает и сама Финдуилас, признающаяся Гвиндору в своем *вероломстве* по отношению к Турину: «Если из нас троих кто и **вероломен** (faithless — также возможен перевод «неверующий», ибо Финдуилас потеряла именно веру в любовь Турина), то это я» (К. Толкин, 2015, с. 176).

Седьмая смерть настигла уже Ниэнор, сестру Турина, разлученную с ним в раннем детстве и позже вступившую по незнанию в *кровосмесительную* связь с Туринном. «Шагнула она навстречу смерти, ненавидя свет дня. Ибо вот что узнала она, прежде чем бежала прочь: они с Турамбаром оба — дети Хурина, **брат и сестра**» (К. Толкин, 2015, с. 261). Восьмым гибнет Дорлас, спутник Турина в его походе на дракона Глаурунга. Дорлас проявляет *трусость*, отказавшись из страха следовать за Туринном. Он гибнет от меча друга Турина — Брандира, который произносит: «Позор тебе, Дорлас! Это ты подзадоривал Черного Меча (то есть Турина. — В. О.), и приманил к нам Дракона... а теперь малодушно бежал и схоронился (flee to skulk) в лесу... Брандир выхватил меч и зарубил его одним ударом» (К. Толкин, 2015, с. 260).

Девятым умирает уже Брандир, безответно влюбленный в Ниэнор. Он становится символом порока *лжесвидетельства*, вследствие чего Турин собственноручно убивает его: «Вместе с Глаурунгом станете вы измышлять новую **ложь** (breed lies). Уснешь ты бок о бок со Змием, задушевым своим другом, и сгинете вы в одной и той же тьме! И замахнулся он Гуртангом, и зарубил Брандира, и сразил его насмерть» (К. Толкин, 2015, с. 269). Наконец, десятой жертвой проклятия становится сам Турин, совершивший осознанное *самоубийство*. «Тогда Турин укрепил меч рукоятью в земле и **бросился на острие** Гуртанга, и черный клинок взял его жизнь» (К. Толкин, 2015, с. 272). Однако, как мы помним из вышесказанного, главным пороком Турина и его отца Хурина была гордыня.

Таким образом, мы можем реконструировать по тексту «Детей Хурина» законченную прогрессию смерти, выработанную Толкином. Каждому виду смерти соответствует конкретный порок, что помогает нам увидеть последовательные звенья этической концепции писателя. Выразим полученные данные в виде таблицы.

Этический проступок	Персонаж
Зависть	Саэрос
Вожделение	Форлег
Жестокость	Андрог
Слепая любовь	Белег
Предательство	Гвиндор
Вероломство	Финдуилас
Кровосмешение	Ниэнор
Трусость	Дорлас
Лжесвидетельство	Брандир
Суицид (гордость)	Турин

Итак, Дж. Р. Р. Толкин создает оригинальную философию смерти, выделяя два различных фундаментальных типа смерти: «смерть как дар» и «смерть как проклятие». Более того, в «Детях Хурина» английский мыслитель образно разрабатывает целую прогрессию разновидностей смерти и соответствующих им этических проступков.

Библиографический список

Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

Источники

- Толкин Дж. Р. Р. Дети Хурина. М., 2015.
- Толкин Дж. Р. Р. Из письма Дж. Р. Р. Толкина к Мильтону Уолдману (1951) // Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. М., 2016а.
- Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. М., 2016б.
- Толкин Дж. Р. Р. Неоконченные предания Нуменора и Средиземья. М., 2017.
- Толкин К. Средиземье в Древние дни // Толкин Дж. Р. Р. Дети Хурина. М., 2015.
- Tolkien J. R. R. The Children of Hurin. Harper Collins Publishers., 2008.

References

Ivanov A. V., Fotieva I. V., Shishin M. Yu. *Skrizhali metaistorii: tvorcy i stupeni duhovno-ekologicheskoy civilizacii*. [Tablets of metahistory: creators and stages of spiritual and ecological civilization]. Barnaul, 2006.

List of sources

- Tolkien J. R. R. *Deti Hurina*. [The Children of Húrin]. Moscow, 2015.
- Tolkien J. R. R. *Iz pis'ma J. R. R. Tolkiena k Miltonu Oldmanu (1951)*. [From a letter to J. R. R. Tolkien to Milton Waldman (1951)]. Tolkien J. R. R. In: *Sil'marillion*. [The Silmarillion]. Moscow, 2016a.
- Tolkien J. R. R. *Neokonchennyye predaniya Numenora i Sredizem'ya*. [Unfinished Tales of Númenor and Middle-earth]. Moscow, 2017.
- Tolkien J. R. R. *Sil'marillion*. [The Silmarillion]. Moscow, 2016b.
- Tolkien K. *Sredizem'e v Drevnie dni*. [Middle-earth in ancient days]. In: Tolkien J. R. R. *Deti Hurina*. [The Children of Húrin]. Moscow, 2015.
- Tolkien J. R. R. *The Children of Hurin*. Harper Collins Publishers., 2008.

ФЕНОМЕН ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА РОМАНА К. БАКЛИ «THANK YOU FOR SMOKING»

М. В. Оберюхтина

Ключевые слова: пиар, переключение кодов, коммуникация, маркированность, заимствования.

Keywords: PR, code switching, communication, markedness, borrowings.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–11

Переключение кодов как характерный для носителей английского языка феномен

Переключение кодов — очень распространенный феномен в современном мире, где глобализация и, как ее следствие, появление международных организаций, их работа в интернете, распространение электронных средств общения, взаимопроникновение культур вносят существенный вклад в использование иностранных языков по всему миру. По утверждению О. В. Александровой, «процесс коммуникации сконцентрирован на знании о языке, основанном на уровне выше слова, фразы или предложения и ... знании контекста не только сугубо лингвистического, но и экстралингвистического... понимание роли языковых единиц в процессе коммуникации не может осуществляться без знаний более широкого характера, связанных с условиями коммуникации, ее целей, социокультурных знаний и еще очень многих сопутствующих факторов» [Александрова, 2016, с. 29].

Приведенная выше цитата справедлива и по отношению к более ранним историческим периодам английского языка, так как около пяти столетий главенствующим языком в Англии, в особенности для письменной, официальной коммуникации, были англо-французский, французский и латинский языки [Blake, 1992; Rothwell, 2001]. Изучение иностранных языков и понимание их роли для развития английского языка, понимание цели вкрапления иностранных слов в текст, а более широко — в профессиональный дискурс (в нашем случае пиар-дискурс, показанный через речь пиар-советников) играет важную роль и в синхронии. В данной работе проанализировано, как переключение кодов раскрывает авторский замысел в романах Кристофера Бакли.

Существуют две наиболее известные группы определений переключения кодов. Согласно первой из них, переключение кодов определяется как возможность для носителя одного языка понимать почти безошибочно носителя другого близкородственного языка (из той же языковой группы и подгруппы, очень близкого с точки зрения лексики и грамматики). Вторая группа определений делает акцент на переключении кодов как окказиональном дополнении речи на родном языке лексико-фразеологическими единицами из другого языка, чередовании лексических единиц одного языка с единицами другого языка. Например, как определяют В. И. Беликов и Л. П. Крысин, переключение кодов — это «переход говорящего с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации» [Беликов, Крысин].

Что касается причин, по которым происходит переключение кодов, Ф. Ангермейер в работе «Лексическая когезия в мультязыковом общении» утверждает, что «переключение кодов между высказываниями можно в основном объяснить как следствие стремления говорящего согласовать свои высказывания с контекстом, в котором они делаются» (перевод мой. — М. О.) [Angermeyer, 2002, p. 362]. Вкрапления из другого языка — «незамкнутые группы слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [Крысин, 2004]. Э. Паттер в своем труде «Переключение кодов у Лэгланда, Чосера и автора Гавейна», описывающем важнейшие литературные произведения переходного времени между среднеанглийским и ранненованглийским периодами, выделяет следующие случаи использования переключения кодов [Putter, 2011, p. 286]:

1. Носители двух языков часто переключаются с языка на язык, когда им нужно употребить табуированное понятие, а также затронуть запрещенную тему.

2. Причиной переключения кодов является изменение отношения говорящего к какой-то общественной ситуации/положению или его определению, происходит ситуационное варьирование языков.

3. Существует также так называемое метафорическое цитирование, когда, по-видимому, другим языком начинали пользоваться, чтобы обыграть значение употребленного слова или высказывания. Или же использовалось слово языка текста в переводе на другой язык, а затем вставлялось слово из оригинального текста, чтобы уточнить значение в данном отрывке текста.

4. Переключение кодов может указывать на употребление каких-то «застывших» формальных, формульных выражений из другого

языка. Ф. Ангермейер также говорит о том, что вставка из другого языка предпочитается, чтобы использовать синонимию, а не повтор, или тогда, когда переводное/формульно употребленное выражение не совпадает по структуре с родным языком [Angermeyer, 2002].

Данные причины, как подтверждается современными исследованиями, важны как для диахронического, так и для синхронического исследования языка. Примерно те же группы случаев переключения кодов описывает современная филология [Grim, 2008; Myers-Scotton, 1993]. К. Майерс-Скоттон, например, в работе «Social Motivations for Codeswitching. Evidence from Africa» отмечает, что «говорящий может сделать маркированный (внезапный) выбор языкового кода для того, чтобы выразить безразличие, негодование, солидарность и т.д.» [Myers-Scotton, 1993, p. 79] (перевод мой. — М. О.).

Итак, как свидетельствуют результаты различных исследований, переключение кодов может выполнять различные функции. Цель данного исследования — выяснить, насколько это справедливо в отношении вкраплений иностранных слов и выражений, появляющихся в романе Кристофера Бакли «Здесь курят» («Thank You for Smoking»): некоторые типы мотиваций для переключения кодов, возможно, применимы в контексте обсуждения романа, где вкрапления из иностранных языков в речи героев встречаются в изобилии. Отдельное внимание также стоит уделить тому, что периодически встречающиеся в речи героя случаи переключения кодов, а именно, вкрапления на иностранных языках в типичную для него речь на родном для него английском языке происходят во внутренней речи.

В данной статье обсуждается именно оригинал романа с перспективой применения результатов исследования также и к переводам данного произведения.

Случаи переключения кодов в романе К. Бакли и их значение в общем контексте романа

Обратимся к конкретным примерам из романа, в которых пиар-советник Ник Нейлор вкрапляет в свою речь — в рабочей обстановке и в других ситуациях общения — примеры слов и выражений из иностранных для него языков (то есть не английского). Рассмотрим основные моменты романа, где переключение кодов происходит на лексическом или фонетическом уровнях. Главный герой романа Ник Нейлор — опытный пиар-советник, умеющий использовать любые данные в правильном освещении, чтобы добиться своей победы в споре или победы клиента. Уровень его образования и опыт в практиках пиар-индустрии

подразумевают использование им данных иностранных языков в речи не бессознательно, но с определенной целью.

На встрече с Биллом Олбрайтом, журналистом газеты «США сегодня» Ник постоянно повторяет фразу «*Where are the data?*», желая уличить своего соперника по спору о вреде и пользе сигарет в необоснованности претензий и недостаточности данных исследований по этому вопросу. И позже в романе Ник почему-то возвращается в мыслях к этой реплике, думая о собственной беспринципности. Причем интересно то, что автор использует фонетическую запись вопроса Ника, а именно *Ver are ze data?* (Ch. Buckley, 2006, p. 47).

В этом же разговоре с Биллом в ответ на обвинение в том, что он, видимо, верит в удобную для него информацию, Ник, пытаясь отшутиться, оправдывается тем, что должен за что-то получать деньги и ими оплачивать ипотеку. И снова автор именно фонетически, не орфографически записывает слова из внутренней речи героя («*I vas only paying ze mortgage*») (Ch. Buckley, 2006, p. 47).

Как в первой, так и во второй реплике при транскрипции и записи внутренней речи героя К. Бакали уделяет особое внимание тем звукам, которые специфичны для английского языка (а именно [w], [ð]), и записывает их так, как они произносятся носителями других европейских языков, не имеющих в фонемной базе данных звуков, то есть ([v] и [z] соответственно) [Магидова, Давыдов, Рьжкова, Бурсикова, 1990]. Чем же объясняется использование героем этих фраз во внутренней речи в подобном оформлении?

Возможно, ключ к разгадке лежит во фразе, предшествующей «*I vas only paying ze mortgage*», а именно «*He had offered this rationale so many times that it was starting to take on the ring of a Nuremberg defense*» (Ch. Buckley, 2006, p. 48). Можно предположить, что в данной ситуации «самозащита» героя проходит в форме игры с прецедентными феноменами, то есть обычной составляющей пиар-дискурса. Самооправдания Ника в этот момент напоминают самозащиту участников Нюрнбергского процесса после Второй мировой войны, где были осуждены участники группы руководителей нацистской Германии. Отсюда следует и имитация им немецкого акцента в данном случае. Возможно, можно охарактеризовать данные случаи в романе как переключение кодов с целью стилистически подчеркнуть гротескность этих фраз в контексте романа и, конечно, показать отношение Ника и окружающих людей к такой злободневной теме, как курение, намекнуть на сближение этой темы с проблемой политики нацистской Германии по признаку ее табуированности, а также резко негативного отношения к ней аудитории.

Более того, когда Ник говорит со своим боссом о научном эксперте академии Эрхардте фон Группен-Мюнте, начальник бросает реплику: «Не очень-то он (научный эксперт. — М. О.) нам пригодится далее». После этого Ник думает: «*Twenty years of devoted service to science and auf Wiedersehen, you're history, Fritz*» («Двадцать лет преданно служил науке — и *auf wiedersein*, Фриц, ты стал историей») (Ch. Buckley, 2006, p. 15). Здесь, вероятно, употребление Ником устойчивого выражения с фатической функцией из немецкого языка иронически отсылает нас к происхождению эксперта по науке Эрхардта фон Группен-Мюнта, которого босс считает провалившимся одно из заданий компании. Кроме того, использование слова *Fritz*, уже ставшего английским эмоционально-оценочным негативно окрашенным термином для называния немцев, также намекает на изменение отношения Ника к Эрхардту и к боссу. Главный герой отмечает про себя, что начальник относится к нему пренебрежительно, не ценя его, видимо, однажды его постигнет та же участь, что и научного эксперта. Здесь употребление заимствования равняется упоминанию своего рода запрещенной темы — недовольства начальником своими подчиненными и желания отделаться от них.

Наибольшее сгущение иностранных слов и, соответственно, наибольшее количество случаев переключения кодов приходится на первую сцену в главе XV, где Ник Нейлор вспоминает, как его компания «Академия табачных исследований» финансировала постановку оперы «Кармен». Всего в 48-ми строках (12 из них — ария из оперы) фигурирует три выражения и два отдельных слова на французском языке. Их анализ показывает, что два из них являются формульными выражениями из французского языка (*piece de la resistance* — «центральное место», «гвоздь программы» (разг.), *Heather «au naturel»* («в естественном виде», здесь — просторечное «в чем мать родила». — М. О.). Три другие из них Ник не копирует, воспроизводя по памяти, а называет по-французски отдельными словами то, что могло бы быть сказано на английском, то есть использует макаронический стиль (включение иноязычных слов в текст на другом языке, придающее шуточный характер всему высказыванию): *c'est fumees, tableau* и *vivant* во фразе «*he went back to see if his tableau* (здесь: картина в воображении. — М. О.) *was still vivant*» (здесь: существовала, была жива в мыслях. — М. О.)

В данных случаях можно предположить, что воспоминание о просмотре оперы всей командой Академии и предвкушение встречи с любовницей приводят Ника в хорошее расположение духа после недавней неприятной сцены; он настраивается на определенную волну, размышляя о любви и театральной постановке на французском языке, и поэто-

му начинает в определенной степени думать на нем и вкраплять слова французского происхождения в свою внутреннюю речь. Здесь мы видим подтверждение одного из предположений, которое было высказано нами вслед за П. Ангемейером во вступлении к статье: переключение кода маркирует изменение мнения героя о ситуации, в которую он попадает, герой обыгрывает смысл иностранных слов, которыми мыслит — «*tableau... vivant*» (герой называет «живой картиной» любовницу), *c'est fumé* (фр. «это выкурено», здесь: «дело сделано/с этим покончено. — М. О.).

Заключение

Проведя количественные и контекстуальные исследования отрывков романа «Thank You for Smoking», мы можем утверждать, что главный герой романа использует переключение кодов в своей внутренней речи достаточно часто.

В рамках предполагаемой дискуссии о результатах исследования можно подвергнуть сомнению идею о том, что фонетическая запись английских слов с имитацией акцента является случаем переключения кодов и, соответственно, задать вопрос, можно ли ее анализировать в рамках этого исследования, ведь лексика в этих отрывках — исключительно английская? Однако, по авторскому замыслу Кристофера Бакли, слова и выражения французского или немецкого происхождения, являющиеся частью лексического фонда английского языка, то есть такие, например, как *carte blanche*, *crème de la crème*, *maitre* и др., в романе курсивом не выделяются и не являются таким образом текстологически маркированными. В этом состоит их радикальное отличие от рассматриваемых в данной статье фразеологических и лексических единиц из других языков и искаженных иностранным акцентом английских слов в фонетической записи. Следовательно, можно рассматривать выделенные фрагменты текста как имеющие особенное значение для автора в контексте романа для характеристики героя как образованного в области коммуникации человека, чуткого к контексту высказывания и потому успешно ведущего деятельность пиар-советника.

Библиографический список

Александрова О. В. Изменения в языковой системе в условиях экономической и социокультурной глобализации // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. Сборник научных трудов. М., 2016.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2016. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/209/2087661.pdf>.

Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.

Магидова И. М., Давыдов М. В., Рыжкова Е. В., Бурсикова Н. А. Методические рекомендации по теории и практике фонетики английского языка. Киев, 1990.

Angermeyer P. S. Lexical cohesion in multilingual conversation. *International Journal of Bilingualism*, 2002. Vol. 6. No 4.

Blake N. F. *Cambridge History of the English language*. Cambridge, 1992.

Grim F. The topics and roles of the situational code-switching of an English-French bilingual // *Journal of French Language Studies*. 2008. Vol. 18. No. 2.

Myers-Scotton C. *Social Motivations for Codeswitching. Evidence from Africa*. Oxford studies in language contact. Oxford, 1993.

Putter A. *Code-Switching in Langland, Chaucer and the Gawain-Poet: Diglossia and Footing*. Code-Switching in Early English, 2011.

Rothwell W. English and French in England after 1362. *English Studies*. 2001. Vol. 82. No. 6.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Buckley C. *Thank You for Smoking*. Random House, 2006.

References

Aleksandrova O. V. *Izmeneniya v jazykovej sisteme v uslovijah jekonomicheskoy i sociokul'turnoj globalizacii*. [Changes to the language system in the framework of economic and sociocultural globalization]. In: *Jazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshhenija. Sbornik nauchnyh trudov*. [Language, literature and culture as the facets of the intercultural communication. A collection of scientific papers]. Moscow, 2016.

Belikov V. I., Krysin L. P. *Sociolingvistika*. [Sociolinguistics]. Moscow, 2001.

Krysin, L. P. Vladenie raznymi podsystemami jazyka kak javlenie diglossii. [The proficiency in different language subsystems as diglossia]. In: *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike*. [Russian word, native vs. borrowed: modern Russian and sociolinguistics studies]. Moscow, 2004.

Magidova I. M., Davydov M. V., Ryzhkova E. V., Bursikova N. A. *Metodicheskie rekomendacii po teorii i praktike fonetiki anglijskogo jazyka*. [Theoretical and applied methodology in English language teaching]. Kiev, 1990.

Angermeyer, P. S. *Lexical cohesion in multilingual conversation*. *International Journal of Bilingualism*, 2002. Vol. 6. No. 4.

Blake N. F. *Cambridge History of the English language*. Cambridge, 1992.

Grim F. *The topics and roles of the situational code-switching of an English-French bilingual*. Journal of French Language Studies. 2008 Vol. 18 No. 2.

Myers-Scotton C. *Social Motivations for Codeswitching. Evidence from Africa*. Oxford studies in language contact. Oxford, 1993.

Putter A. *Code-Switching in Langland, Chaucer and the Gawain-Poet: Diglossia and Footing. Code-Switching in Early English*. 2011.

Rothwell W. *English and French in England after 1362*. English Studies, 2001 Vol. 82 No. 6.

List of sources

Buckley C. *Thank You for Smoking*. Random House, 2006.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПЕРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Е. Э. Уланова

Ключевые слова: синхронный перевод, телевизионное интервью, экстралингвистический фон, языковая личность, жанр интервью.

Keywords: simultaneous interpretation, television interview, extralinguistic background, linguistic personality, genre of interview.

DOI 10.14258/filichel(2022)2-12

Наш научный интерес вызван новизной исследований в области когнитивного переводоведения. В результате анализа и систематизации особенностей переводческой деятельности мы сталкиваемся с необходимостью размышления о проблеме выражения и влиянии языковой личности переводчика, ее когнитивных способностей, особенностей вербального и невербального поведения непосредственно на ситуацию перевода.

В связи с этим представляется перспективным изучение функциональной стороны языковой личности в ситуации синхронного перевода интервью. Рассматриваемый жанр, на наш взгляд, является одним из наиболее стабильных в профессиональном дискурсе современного общества. В то же время он достаточно сложный для изучения. Сложность заключается в том, что устный диалог представляет собой непосредственно процесс порождения речи и ее восприятия, и оба данных процесса происходят в ситуации практически синхронно.

В качестве объекта нашего исследования был выбран жанр телевизионного интервью, который мы рассматриваем как самостоятельный жанр в ситуации синхронного перевода. В качестве рабочего определения мы используем термин телевизионного интервью Т.И. Поповой, которая представляет интервью как устный диалог журналиста и собеседника на глазах у телезрителей и в интересах телезрителей [Попова, 2004]. Подобная трактовка рассматривает исследование интервью не только как интерактивное взаимодействие между участниками беседы, но и как опосредованное общение с массовой аудиторией и предполагает использование когнитивных методов исследования.

В научной литературе представлена широкая типология жанра интервью, что обуславливается разнообразием и уникальностью каждого диалога. Как отмечает М. М. Лукина, «интервью является самым распространенным методом получения информации, который применяется журналистами во всех странах мира. Американские исследователи подсчитали, что интервью «съедает» от 80 до 90% их рабочего времени» [Лукина, 2014].

За основу мы использовали наши результаты проведенного исследования о функционировании языковой личности (далее — ЯЛ) синхронного переводчика в момент перевода телевизионного интервью в 2021 году. В задачи данного исследования входит описание основных характеристик рассматриваемого жанра, анализ особенностей синхронного перевода интервью, интерпретация трудностей в синхронном переводе.

Для решения поставленных задач нами были проанализированы два телевизионных интервью и шесть синхронных переводов, выполненных синхронными переводчиками, общей длительностью 43 минуты. Эмпирический материал состоит из двух интервью с политическими деятелями: интервью (И-1) Мишель Обамы для известного журналиста и общественного деятеля Опры Уинфри («Michelle Obama & Oprah Winfrey at the United State of Women Summit» от 14.06.2016) длительностью 7 минут 14 секунд; интервью (И-2) 45-президента США Дональда Дж. Трампа репортеру телеканала ABC News («The White House interview» от 25.01.2017) длительностью 6 минут 40 секунд. Общая длительность телевизионных интервью и их синхронных переводов составила 57 минут.

Когнитивно-дискурсивный анализ ЯЛ собеседников (гость и журналист) позволяет определить свойственные рассматриваемым ЯЛ оригинальные литературные тропы, типичные примеры прецедентных текстов. Для проведения когнитивно-дискурсивного анализа ЯЛ нами были использованы платформы Sonix и SlovoText. Данные программы позволяют произвести быстрый и точный подсчет лексического состава текста, определить среднюю длину предложений. Вместе с акустическим исследованием, проводимым на платформе Sonix, стало возможно говорить о полном лингвистическом исследовании речи ораторов непосредственно в ситуации перевода без отрыва от видеоряда.

Первоочередной задачей переводчика при синхронном переводе телевизионного интервью является анализ экстралингвистического фона интервью в определенной ситуации перевода. Под «ситуацией перевода» (термин наш) мы понимаем коммуникативный, ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный и социально об-

условленный процесс устного перевода. Соответственно, понятие экстралингвистического фона ситуации перевода включает в себя основной замысел, цели, задачи, сюжет и временной период интервью, а также окружающую обстановку, социальный и профессиональный статус участников беседы.

Результатом когнитивно-дискурсивного анализа синхронных переводов И-1 стала таблица, которая позволяет оценить адекватность перевода в зависимости от владения экстралингвистическим фоном. Сравнительные результаты перевода, мы заметили, что лишь одному переводчику частично удалось справиться с задачей реконструкции юмора в ситуации перевода, обусловленной экстралингвистическим фоном.

Таблица 1

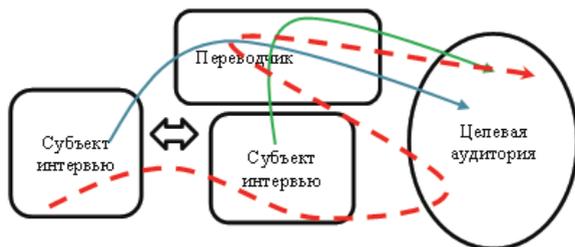
Сравнительный анализ переводов «Michelle Obama & Oprah Winfrey at the United State of Women Summit» двух кабин

Оригинал И-1:	Переводчик 1	Переводчик 2	Переводчик 3	Переводчик 4
<i>M. Obama: so, I'm going to turn it over to Oprah.</i> O. Winfrey: Hello. M. Obama: we have Oprah Winfrey here! O. Winfrey: and our first lady of the United States... Of America! M. Obama: of America! O. Winfrey: not just of women.	М. Обама: что ж теперь я передаю слово Опре. Здесь у нас Опра Уинфри. О. Уинфри: ну, и Первая Леди. Леди Соединенных Штатов Америки. М. Обама: Америки, да, Америки! О. Уинфри: да-да-да, не только лишь женщин, но и США.	М. Обама: пожалуйста, передаю слово Опре. С нами здесь сегодня Опра Уинфри! О. Уинфри: И, конечно же наша первая леди! Первая леди Соединенных Штатов Америки М. Обама: Соединенных Штатов Америки.	М. Обама: и сейчас я передаю слово Опре. О. Уинфри: Добрый день. М. Обама: с нами на мероприятии Опра Уинфри! О. Уинфри: и первая леди США, Соединенных Штатов Америки!	М. Обама: так, я передаю слово Опре. О. Уинфри: Добрый день. М. Обама: здесь с нами Опра Уинфри. О. Уинфри: и наша первая леди США! М. Обама: Америки. О. Уинфри: Америки. Да.

Во второй части примера И-1 Опра Уинфри представляет спикера, Мишель Обаму, словами «*our first lady of the United States...*» (нашу Первую леди Соединенных Штатов... (здесь и далее перевод наш. — Е. У.) и далее, обнаружив каламбур, продолжает: «*...of America!*» (... Америки!), после чего аудитория и спикеры смеются. Каламбур заключается в том, что название саммита заявлено как «The United State of Women Summit» (Объединенный саммит женщин). Таким образом, название мероприятия «the United State of Women Summit» частично совпадает с названием страны «the United States of America» (Соединенные Штаты).

ты Америки). Понимание и адекватный перевод каламбура возможен благодаря владению экстралингвистическим фоном ситуации перевода: цель и задачи саммита, место проведения (Вашингтон), состав присутствующих (саммит объединяет в преимущественно женщин всех рас и возрастов). Примеры переводов 2, 3, 4 демонстрируют, что экстралингвистический фон способствует глубокому пониманию контекста, позволяет переводчику понять и передать каламбур и, тем самым, представить успешный перевод.

Изучение особенностей устного перевода интервью заставляет переводчика учитывать не только момент порождения мысли, но и момент восприятия перевода массовой аудиторией. Переводчику приходится обеспечивать равноценную передачу смысла не только по отношению к беседе между субъектами интервью (голубая и зеленая стрелки, см. рис. 1), но и в части перевода опосредованного общения субъектов интервью с массовой аудиторией (пунктир на рисунке 1).

Движение смысла в ситуации перевода

Взаимопонимание между субъектами интервью достигается за счет эксплицитного характера коммуникации [Попова, 2004]. В связи с этим мы предполагаем, что функциональная сторона ЯЛ синхронного переводчика влияет на интерпретацию когнитивного замысла субъектов интервью. Однако переводчику следует не только корректно интерпретировать эксплицитные высказывания, но и интерпретировать глубинное содержание, то есть осуществлять перевод с учетом картины мира ЯИ (язык источник) субъектов интервью массовой аудитории на ЯП (язык перевода).

С точки зрения лингвистических особенностей перевода телевизионного интервью, важным представляется изучение языкового содержания исследуемого жанра. Согласимся с мыслью И.С. Алексеевой, что в исследуемом жанре содержится больше эмоциональности, чем в информационном сообщении: метафоры, фразеологизмы, цитаты (в том чис-

ле — скрытые), крылатые слова, имена собственные, оценочные эпитеты [Алексеева, 2001, с. 103].

На уровне слова эмоциональность текста достигается ввиду использования эмоционально-оценочной лексики, лексических повторов, гиперболлизации, эмфатических конструкций, синонимичного ряда:

1. *Д. Трамп: And I think he has to say that. He has to say that.*

2. *Д. Трамп: We have to build the wall. We have to stop drugs from pouring in. We have to stop people from just pouring into our country. We have no idea where they're from.*

Анализируя приведенные выше переводы И-2, мы отмечаем типовое разнообразие текста, характерное для жанра телевизионного интервью: сочетание публицистического и разговорного стилей, эллипсис, модальность, синтаксические и лексические повторы. «Вопросы и ответы часто составляют единое смысловое, а иногда — и синтаксическое целое, и переводчику приходится держать в памяти содержание и структуру предшествующей реплики», что существенно усложняет процесс устного перевода [Алексеева, 2001, с. 104].

Еще одну сложность для перевода представляют прецедентные тексты в исследуемом жанре, выступающие в качестве «носителя культурной информации» [Ишмухаметова, 2019, с. 20]. Вслед за Ю. Н. Карауловым под прецедентным текстом мы понимаем «тексты, значимые в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2010, с. 264]. Основная сложность в переводе прецедентных текстов кроется в регулярной актуализации смыслов, то есть перекодировании «кода культуры» (термин Н. А. Кузьминой), которые могут быть неизвестны переводчику или обладать различными смыслами применительно к ситуации перевода [Сибиданов, 2016]. Прецедентный текст в одной и той же культуре ЯИ является отсылкой, хорошо известной аудитории, субъектам интервью. При этом в качестве прецедентного текста может выступать как отдельный текст, так и его фрагменты, вербальные и невербальные знаки [Караулов, 2010].

В приведенных ниже примерах (см. табл. 2) содержится прецедентная информация (the great Abe Lincoln, the first lady Melania), на которую ссылаются участники интервью. Данная информация обладает четкой семантикой для аудитории ЯИ. Тем не менее для переводчиков, которые не принадлежат к англоязычной культуре, семантика прецедентных текстов была в значительной степени неясна.

Таблица 2

**Сравнительный анализ переводов
«The White House interview» двух кабин**

№	Оригинал	Переводчик 1	Переводчик 2
1	Д. Трамп: <i>I can be the most presidential person ever other than possibly the great Abe Lincoln.</i>	Д. Трамп: <i>я буду настоящим образчиком президента и постараюсь быть как Линкольн. Линкольн для меня эталон президента.</i>	Д. Трамп: <i>я хочу сделать максимум. однако я не уверен что я смогу работать настолько же хорошо насколько мои предшественники.</i>
2	Reporter: <i>And I know that the first lady Melania, has a big job back in New York</i>	Журналист: <i>Я знаю, что ваша жена первая леди Мелани работает в Нью-Йорке</i>	Журналист: <i>и первая ваша жена она помогла вам вашей карьере?</i>

В первом примере Дональд Трамп, будучи на момент беседы президентом США, сравнивает себя с «*the great Abe Lincoln*» (*великий Эйб Линкольн*). В англоязычных странах диминутив *Abe* широко используется как уменьшительно-ласкательная форма мужского имени Авраам. Данный пример показателен с точки зрения силы сравнения оратора с одним из величайших президентов в истории США, национальным героем американского народа, основателем Республиканской партии. Не сумев распознать прецедентный текст *the great Abe Lincoln*, переводчик 1 принял решение перевести лишь фамилию, которая более чем известна для русскоязычной аудитории, дополнительно использовал переводческое добавление «*Линкольн для меня эталон президента*», выражающее отношение оратора к упоминаемому лицу. Второй переводчик допустил потерю образного сравнения, что, безусловно, снижает эмоциональное влияние на адресата и исключает из перевода культурную информацию.

Еще одной трудностью перевода примера уже для обоих синхронистов стала нехватка фоновых знаний и экстралингвистического фона. Во втором примере (см. табл. 2) оба переводчика затруднились передать имя собственное и/или социальный статус супруги основного оратора (Д. Дж. Трампа). Журналист задал вопрос о супруге 45-го президента США (*the First Lady, Melania*) и ее роли в поддержке супруга. Первый переводчик не справился, допустил грубую фонетическую ошибку при произнесении имени Мелания, исказив его как Мелани. Очевидно, что имя супруги и ее статус были также неизвестны переводчику-2 и поэтому были искажены (ср.: *first lady* → *первая жена*). Данное предложение не вызывало бы затруднений, если бы была известна фоновая информа-

ция о семейном статусе Дональда Дж. Трампа и экстралингвистический фон: социальный статус супруги.

Таблица 3

**Сравнительный анализ переводов
«The White House interview» двух кабин**

№	Оригинал	Переводчик 1	Переводчик 2
1	Д. Трамп: <i>Take a look at the Pew report.</i>	Д. Трамп: <i>но вы же видите отчеты. Отчет Пью, например. Я говорил с автором.</i>	Д. Трамп: <i>ну, я говорю о том, что журналисты часто говорят о том, что хотят слышать миллионы людей, что должны слышать миллионы людей, а вовсе не то, что происходит на самом деле.</i>
2	Журналист: <i>your predecessor used to talk often about finishing the day to get to his family upstairs. The stairwell is right over here to have dinner with them.</i>	Журналист: <i>Президенты часто говорят о том, что в конце рабочего дня они отправляются в соседние помещения к семье на ужин.</i>	Журналист: <i>Семья родственники, которые ждут сейчас за дверью. Они ждут присоединиться к нашему вечернему ужину.</i>

Рассмотрим примеры прецедентной лексики в таблице 3. Выделенная прецедентная информация в ЯИ была потеряна в переводе ввиду того, что переводчики не имели возможность заранее подготовиться к работе с указанными личностями. Прецедентная реалия Pew report выступает как известный в США исследовательский центр Пью, специализирующийся на социальных проблемах, общественном мнении и демографических тенденциях в мире. Исходя из перевода данной реалии можно сделать вывод, что она была не известна переводчику 2, который предпочел опустить ее, сделав генерализацию смысла: «журналисты».

Во втором примере (табл. 3) отсылка журналиста «*your predecessor*» касается 44-го президента США — Барака Обамы, переводческая ошибка в данном случае также связана с недостаточным пониманием экстралингвистического фона.

К числу прецедентных текстов также можно отнести и образы ЯЛ оратора, которые входят в культурные образы, однако менее зависимы от конкретной коммуникативной ситуации.

Помимо умения распознавать и интерпретировать прецедентные тексты, важную роль играет сохранение индивидуального стиля повествования оратора, который необходимо интерпретировать, принимая во внимание картину мира говорящего на ЯИ. Все это говорит о необходимости тщательной подготовки к устному переводу телевизионного интер-

вью, предварительному анализу языковой личности собеседников и репортера, быть готовым на подсознательном уровне уловить отсылки автора к прецедентным текстам [Уланова, 2021].

Анализируя речевое поведение субъектов интервью, мы выявили вербальные особенности ЯЛ. Так, дискурсу ЯЛ в И-2 свойственна темпоральность, эмфатичность, преимущественно прямой порядок слов, различные виды сочинительной и подчинительной связи. Широкий диапазон возможностей передачи логических отношений выражается за счет использования эллипсиса и лексических повторов.

ЯЛ оратора в приведенных примерах (1–3) свойственна выраженная эмоциональность, которая проявляется за счет темпоральности, высокой модальности реальности (то есть соответствие объективной действительности с точки зрения говорящего), сослагательного наклонения, гиперболизации, лексических повторов.

Рассмотрим примеры из И-2 (табл. 4).

Таблица 4

**Сравнительный анализ переводов
«The White House interview» двух кабин**

Оригинал	Перевод 1	Перевод 2
Д. Трамп: <i>They shouldn't be very worried. They are here legally. They shouldn't be very worried. I do have a big heart. We're going to take care of everybody. We're going to have a very strong border.</i>	Д. Трамп: Никаких причин для беспокойства. Я щедрый человек. Никого выгонять не будем, но нужна надежная защита наших границ. Если люди уже давно приехали, зарекомендовали себя как семья с детьми, то можно будет их оставить.	Д. Трамп: нет, конечно, им не надо беспокоиться. Они здесь находятся, по сути, на легальных основаниях. Мы стараемся просто укрепить свою границу.
Журналист: <i>You say you're going to launch an investigation done. What you have presented so far has been debunked. It's been called false.</i> Д. Трамп: <i>Take a look at the Pew report.</i> Журналист: <i>I called the author of the Pew report last night, and he told me that they found no evidence.</i> Д. Трамп: <i>Then why did he write the report?</i> Журналист: <i>He said no evidence of abuse.</i> Д. Трамп: <i>Then why did he write the report? According to Pew report,</i>	Журналист: но ведь все ваши прежние заявления были опровергнуты. Д. Трамп: нет, но вы же видите отчеты отчет пью, например, я говорил с автором. Журналист: Автор мне вчера по телефону лично сказал, что такого не было. Д. Трамп: сначала он написал такой доклад, а теперь снова меняет позицию. Ну что это за дела?	Журналист: одно-ко то, что вы говорили до этого, говорит о том, что свидетельства этой проблемы выявлено не было. Д. Трамп: ну, я говорю о том, что журналисты часто говорят о том, что хотят слышать миллионы людей что должны слышать миллионы людей, а вовсе не то,

Окончание таблицы 4

Оригинал	Перевод 1	Перевод 2
<p><i>then he's then he's groveling again. You know, I always talk about the reporters groveling when they want to write something that you want to hear, but not necessarily, millions of people want to hear or have to hear.</i></p> <p>Журналист: <i>So you launched an investigation.</i></p> <p>Д. Трамп: <i>We're going to launch an investigation to find out. And then the next time and I will say this, of those votes cast, none of them come to me. None of them come to me. They would all be for the other side. None of them come to me. But when you look at the people that are registered dead, illegal, and two states and some cases maybe three states, we have a lot to look into.</i></p>	<p>Он просто говорит вам то, что вам хочется услышать. А не то, что наши жители хотят своей стране, повторюсь, будет запущена служебная проверка. Расследование. И в конце концов обратят внимание: все эти незаконные голоса были не за меня, за другую сторону! ничего мне не досталось от этого, мертвые души. Незаконные мигранты. двойное голосование где-то может даже тройное. все это нужно разбирать.</p>	<p>что происходит на самом деле. расследование ведется.</p> <p>Журналист: репортеры говорят обратное.</p> <p>Д. Трамп: однако расследование... они на самом деле со мной не обсуждали этот вопрос. Они берут свою информацию из других источников. Однако то, что говорилось про нелегальные голоса, это действительно наблюдалось в двух из трех штатах.</p>

Обращая внимание на вербальные и невербальные проявления ЯЛ, переводчик делает выбор переводческих стратегий с учетом языковых структур и индивидуальных языковых предпочтений оратора. Подобный подход к синхронному переводу, на наш взгляд, не только позволяет передать смысл сообщения, но и транслировать образ оратора с учетом его индивидуального речевого стиля на ЯП в ситуации перевода.

В примере 1 (табл. 4) переводчик 1 удачно справляется с подачей стиля оратора в переводе, однако использует необоснованное добавление «если люди уже давно приехали, зарекомендовали себя как семья с детьми, то можно будет их оставить», суть которого не звучала в оригинальном тексте. Подобные добавления со стороны в ситуации перевода на высшем уровне, вероятнее всего, приведут к недопониманию. Ошибка необоснованного добавления у переводчика 1 встречается также и в примере 2 «*сначала он написал такой доклад, а теперь снова меняет позицию. Ну что это за дела?*» («*Then why did he write the report? According to Pew report, then he's then he's groveling again*»). Данное добавление снижает общий тон беседы до уровня бытового разговора, что является крайне неуместным с точки зрения общего экстралингвистического фона ситуации.

Составляющей концепции языковой личности профессионального переводчика видится способность владения разными функциональными

разновидностями языка — одна из основных способностей, свойственных развитой языковой личности. Ю. М. Скребнев писал, что чем большим количеством стилей и жанров (их он называл субъязыки) владеет активно языковая личность, тем она развитее, а способность пользоваться субъязыком родного языка исследователь приравнивал к знанию дополнительного иностранного языка [Скребнев, 1992, с. 19–26]. В примерах 1–2 (табл. 4) переводчик 2 едва ли передал общий смысл оригинала, потеряв при этом стилистические особенности ЯЛ оратора. Очевидно, что переводчик не в полной мере раскрывает жанрово-стилевую палитру речи ЯЛ оратора и слабо владеет экстралингвистическим фоном переводческого события.

В результате когнитивно-дискурсивного анализа вербального содержания оригинальных видеофрагментов И-1 и И-2 мы определили лингвистические особенности жанра телевизионного интервью, проанализировали особенности речевого поведения ЯЛ субъектов интервью, определили понятие «экстралингвистический фон» и оценили его влияние на успешность синхронного перевода. Полученные результаты, в свою очередь, позволяют лучше понять имплицитные структуры в ситуации перевода, оценить вербальные проявления ЯЛ говорящего, ее лингвистический уровень, эмоциональную организацию, духовно-нравственные приоритеты, мировосприятие, особенности самопрезентации. Все это помогает точнее определить переводческие стратегии и тактики, которые позволят достичь адекватного перевода. Перспективой нашего дальнейшего исследования станут актуальные вопросы, посвященные взаимодействию языков и культур на когнитивном уровне ЯЛ переводчика, вербализованные и невербализованные личностные знания, индивидуальный лексикон, концепты, жанры и стили, компоненты компетенций профессионального переводчика в устном переводе.

Библиографический список

- Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика. СПб., 2001.
- Ишмухаметова Н. У. Прецедентные тексты в современном видео-контенте // Медиасреда. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-teksty-v-sovremennom-videokontente>.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
- Лукина М. М. Технология интервью. 2014. URL: <http://litresp.ru/kniga/ru/Λ/lukina-mariya/tehnologiya-intervjuu>.
- Попова Т. И. Телевизионное интервью: семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

Сибиданов Б. Б. Функционирование дискурса: от прецедентного текста культуры к синхронному дискурсу // Вестник Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-diskursa-ot-pretседentnogo-teksta-kultury-k-sinhronnomu-diskursu>.

Скрбнев Ю. М. Экспрессивная стилистика и лингвистика субъязыков // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д., 1992. Вып. 2.

Уланова Е. Э. Компетенции устного переводчика // Филология и человек. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-ustnogo-perevodchika>.

References

Alekseeva I. S. *Professional'noe obuchenie perevodchika*. [Professional Training for Translators]. St. Petersburg, 2001.

Ishmukhametova N. U. *Pretседentnye teksti v sovremennom videokontente* [Precedent texts in modern video content]. In: *Media sreda* [Media environment]. 2019. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretседentnye-teksty-v-sovremennom-videokontente>.

Karaulov Yu. N. *Russkii yazik i yazikovaya lichnost'*. [Russian language and linguistic personality]. Moscow, 2010.

Kushnina L. V. *Diskurs i perevod v kulturnom izmerenii* [Discourse and translation in the cultural dimension]. In: *Bulletin of the Tyumen State University. Humanities research. Humanitates*. [Bulletin of the Tyumen State University]. 2020. Vol. 6. No. 2 (22). P. 37–47.

Lukina M. M. *Tekhnologiya interv'yuu*. [Interview technology]. 2014. URL: <http://litresp.ru/kniga/ru/А/lukina-mariya/tehnologiya-intervjyu>.

Popova T. I. *Televizionnoe interv'yuu: semanticheskii i pragmaticheskie aspekty*. [Television interview: semantic and pragmatic aspects]. Thesis of Philol. Doc. Diss. St. Petersburg, 2004.

Sibidanov B. B. *Funktsionirovanie diskursa: ot pretседentnogo teksta kulturi k sinhronnomu diskursu*. [Functioning of discourse: from the precedent text of culture to synchronous discourse]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta im. Dorzhi Banzarova*. [Bulletin of the Buryat State University. Dorzhi Banzarova]. 2016. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-diskursa-ot-pretседentnogo-teksta-kultury-k-sinhronnomu-diskursu>.

Skrebnev Yu. M. *Ekspressivnaya stilistika i lingvistika subyazykov*. [Expressive stylistics and linguistics of sublanguages]. Rostov-on-Don, 1992. Vol. 2.

Ulanova E. E. *Kompetentsii ustnogo perevodchika*. [Competence of the interpreter]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2021. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-ustnogo-perevodchika>.

РЕБЕНОК В СТИХИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: ТЕЗАУРУС И ЕГО ФИКСАЦИЯ

И. П. Амзаракова

Ключевые слова: разговорная речь, детский дискурс, экономия и избыточность, паронимическая аттракция, немецкий язык, лексикография.

Keywords: colloquial speech, children's discourse, economy and redundancy, paronymic attraction, German language, lexicography.

DOI 10.14258/filichel(2022)2-13

Обоснование темы исследования

Актуальность изучения детской речи в современной антропоцентрической парадигме гуманитарных исследований не подлежит сомнению. Интерес к становлению речи, так же, как интерес к происхождению языка, уходит корнями в историю гуманитарной науки и лингвистических учений. Начиная с В. фон Гумбольдта язык изучается в связи с культурой и условиями проживания языкового сообщества. Первые наблюдения за речью ребенка, как известно, фиксировались уже в XIX веке представителями естественных и гуманитарных наук в основном в виде дневниковых записей. Лишь в XX веке детская речь становится самостоятельным объектом изучения — сначала психологов (К. и В. Штерны, Ж. Пиаже, А. П. Выготский, А. Н. Леонтьев, Н. И. Жинкин), затем психолингвистов (А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович) и, в конечном итоге, лингвистов (С. Н. Цейтлин, В. К. Харченко, Е. Ю. Протасова, Т. А. Гридина и др.).

Интерес к детскому дискурсу обусловлен поворотом современной лингвистики к феномену человека, к языковой личности и живому слову. Мимолетность произнесенного слова, в особенности детского, требует от исследователя особых усилий по его фиксации. Поэтому мы обращаемся в нашем исследовании к проблеме лексикографической фиксации детского тезауруса.

Исходное положение наших рассуждений о статусе и природе детской речи состоит в том, что детская речь есть феномен речи разговорной, что языковая личность дошкольника и младшего школьника характеризуется сформированным вербально-семантическим и формирующимся мотивационным уровнем (по Ю. Н. Караулову) и находится между уровнем скорости и уровнем насыщенности (по Г. И. Богину). Речь

ребенка формируется под влиянием социальных условий на основе врожденных когнитивных механизмов и может рассматриваться как разговорный дискурс с возрастной спецификой [Амзаракова, 2012, с. 267–268].

В настоящей статье речь идет о том, как проявляются черты разговорности в детской речи, в чем ее специфика, как и где фиксируется детский тезаурус. Рассматривать эти вопросы мы будем на материале немецкого языка, опираясь на положения о разговорной речи, разработанные российским германистом и лексикографом В.Д. Девкиным. Источником эмпирического материала послужили Дортмундский корпус детской речи, тексты немецкой литературы для детей и юношества, толковые и идеографические словари.

Специфика детского разговорного дискурса

Детская речь возрастного диапазона от 5 до 12 лет обнаруживает все основные характеристики разговорной речи: экономия и избыточность, спонтанность и конкретность, стереотипность и окказиональность, экспрессия и эмоциональность.

Экономия речевых средств наблюдается в усеченных синтаксических конструкциях: *Oliver, Michel, aufwachen!*; в сокращениях слов: *Gummi* вместо *Gummitwist* (детская игра «резиночка», преимущественно для девочек), *Mathe, Bio* (школьные дисциплины), в окказиональных композициях (*Posteisenbahn = Eisenbahn, die Post befördert*); в использовании лексики с широкой семантикой *Ding, Dingbumsda, machen* (например: *wer macht noch mit Gummi?*; *guck mal wie ich die Sprünge mache*; Chr.: *heut hast'e keine schönen Dings. S.: keine schönen was? Chr.: Strumpfbüchse an*) (Teilkorpus Christiane).

Окказиональные композиты, демонстрирующие экономию умственных усилий по подбору узуального слова, относятся к инновациям немецкой детской речи: *Brieffrau* (*Briefträgerin*), *Polizeimann* (*Polizist*), *Scheidungsfernsehfilm* (*Fernsehserie über die Scheidung und allerlei Familienprobleme*); *wir machen 'ne richtig tolle Dosen-Schiffchen-Segel-Such-Reise daraus*. Переименования на основе метафоры (чаще всего антропоморфной) также являются проявлением языковой экономии: *Augen* (*beim Auto*) вместо *Scheinwerfer*.

С экономией артикуляционных усилий связаны многочисленные оговорки, происходящие в силу несформированности речевого аппарата: *Schläuchen* вместо *Schläuchchen*, *verschimft* вместо *verschimpft*, *Elektrität* вместо *Elektrizität*. Этот вид оговорок можно считать спецификой именно детской разговорной речи.

Своеобразным проявлением экономии является использование детьми узуальных слов, переосмысленных на основе паронимической аттрак-

ции: *Mikroskop* ('*Mikrofon*'); *Optimist* (*Okulist*), *Prothesen* вместо незнакомого слова *Thesen*; *Hydra* вместо *Mitra* (головной убор епископа). Например: *Luther wurde berühmt, weil er seine 95 Prothesen ans Kirchenportal geschlagen hat*; *Der Nikolaus hat eine Hydra auf dem Kopf* (SUBITO).

Типична для разговорной речи редупликация — наиболее характерный признак детской окказиональной речи, который выражает как избыточность языковых средств, так и экономию умственных усилий: *Bimbam* für Glockenläuten (ср. с употреблением разг. междометного высказывания: *Ach du, heiliger Bimbam!* = *Ach du Schreck!*), *Mähmäh* fürs Schaf, *Muhkuh* für Kuh и т. п. Некоторые «детские» слова, построенные на редупликации, переходят в другие сферы употребления, например, в молодежный сленг, приобретая новые значения, на что, в частности, указывает А. П. Урбаева: *balla-balla* [zu Ball, in Anspielung auf die Kindertümlichkeit dieses Wortes] (salopp, bes. Jugendspr.): nicht recht bei Verstand; *Pipimädchen*, das (Pipigirl): junges, unerfahrenes, unreifes Mädchen [Урбаева, 2016].

Языковая избыточность в детском дискурсе может проявляться в виде добавления фонетических или морфологических элементов к узальным словам: *Linkshändler* вместо *Linkshänder*, *Muskeltiere* вместо *Musketiere*. Такие новообразования связаны со стремлением мотивировать языковой знак, переосмыслить знакомые ребенку компоненты и подвести новое слово под уже знакомую модель.

Редундантность (семантическая избыточность) и контаминация в детской речи также являются проявлением разговорности, типичной для речи взрослых носителей языка: *genau gerade jetzt*; *Und dann hab ich mich mit ihm anbefreundet* (anfreunden + befreunden); *aber der Claus kommt auf keine Frage* (kommt nicht in Frage + auf keinen Fall) *mit*.

Поскольку ребенок — существо эмоциональное, то его дискурсу свойственна экспрессивная оценка и широкое употребление гипербол: *Und das finde ich furchtbar ungerecht*; *die Wohnung ist furchtbar alt*; *ich bin fast gestorben vor Angst*; *Jetzt hät' ich beinahe'n Kopfstand gemacht*. ('hingefallen'); *Mensch, die zerdötschen* ('zerdrücken') *mich ja hier alle*; *Jetzt kommt das Allerbeste von dem Besten — Dachboden!*; *du bist 'n Fressack*; *beschissener Felsen* (о скале, на которую с трудом взобрался); *verfluchter Stift* (о карандаше, который закатился неизвестно куда).

Эмоционально окрашены возрастные антропонимы. Возраст в мире ребенка выступает значимой категорией, позволяющей определить круг общения и социальное положение в познаваемой ребенком действительности: *Winzlinge*, *die Kleinen*, *Babyklein*, *klitzekleiner Hosenmatz* — это те, кто младше; для старших имеются свои уничижительные или презри-

тельные обозначения: *Großklotz, der Muskelgewaltige, eine Dampfwalze* и т. п.

Особый интерес представляет так называемый «односторонний» юмор, по выражению В. Д. Девкина, в котором смешное воспринимается только взрослым слушателем, в то время как ребенок смешного не ощущает. Такие выражения фиксируются, как правило, в популярных изданиях и в прессе под рубрикой «говорят дети», или «юмор в коротких штанишках». Следующие ниже примеры взяты из сочинений второклассников и третьеклассников, за исключением примера 3, взятого из рассказа Джеймса Крюсса:

(1) *In Frankreich hat man die Verbrecher früher mit der Gelatine hingerichtet;* Ср. русск. *Мама, давай будем спать омлетом (вместо валетом);*

(2) *Wenn meine Mutter nicht einen Seitensprung gemacht hätte, wäre sie dem Verkehrsunfall zum Opfer gefallen. Aber so kam sie mit einem blauen Auge am Knie davon;*

(2a) *Als unser Hund nachts zu bellen anfing, ging meine Mutter hinaus und stillte ihn. Die Nachbarn hätten sich sonst aufgeregt;*

(3) *Als die Lehrerin sie aus heiterem Himmel fragt, wo die Frösche leben, sagt das Mädchen: «Im Hals.» Natürlich brüllt die Klasse vor Lachen.*

(4) *Butter wird aus Kühen gemacht. Sonst heißt es Margarine.*

Односторонний юмор в приведенных примерах создается за счет использования детьми паронимов (*Gelatine — Guillotine*), за счет ремотивации слова (*Seitensprung* понимается как *Sprung zur Seite*; в то время как узуальное значение этой метафоры «ходить налево, то есть супружеская измена»; *still* — тихий, тихо; *stillen* — кормить грудью), за счет буквального понимания фразеологизма (*einen Frosch im Hals haben* = охрипнуть, пример 3), за счет неполноты концепта (пример 4).

Еще один аспект мира ребенка — это игры, которые имеют свою неузуальную терминологию. Так, определенные комбинации прыжков при игре в «резиночку» имеют наименования *Zehner; Neuner, Achter etc; Tip-Top; Bolle Bolle Babybolle; mit Draufstellen bei Knie*. Это та лексика, которая не входит в общие словари, но является значимой для детского дискурса, и она должна, на наш взгляд, где-то фиксироваться.

Детское слово в словарях

Предметный мир маленького ребунка, конечно, находит отражение в словарях, однако сведения эти представлены спорадически и не могут удовлетворять потребности изучающих иностранный, в частности, немецкий язык. Между тем мир детства — неотъемлемая часть культуры, и было бы полезно знакомство с некоторыми лексемами обиходно-разговорного стиля речи, описывающими предметный мир, окружение ре-

бенка: *Aa /Pipi/ Bäuerchen machen, Bächlein machen, Windel, stillen, Winzling, Krabbe* и т. п. А такая идеографическая лексика из так называемого языка нянь, как *ahn / ata gehen* (spazieren gehen), *heia* (schlafen), часто остается вне лексикографического пространства.

Потребность лексикографической фиксации детского тезауруса сегодня обусловлена интересом к языковой личности в этнокультурном аспекте и необходимостью дальнейшей разработки теории ономаσιологической лексикографии, на которую неоднократно указывал В.Д. Девкин [Девкин, 2005].

Среди активно развивающихся сегодня новых типов словарей — идеографических, ассоциативных, синтаксических, диалектных — упоминаются и словари детской речи [Черняк, 2016]. На материале русского языка созданы словари-тезаурусы [Харченко, 2005], словари детских инноваций [Цейтлин, 2001], словарь детских афоризмов [Кротов, 2003], толковый словарь русского языка глазами детей [Палкин, 2004]. Создаются концепции мотивационных словарей [Гарганеева, 2007; Блинова, 2013], объяснительного словаря [Гридина, 2013], словаря ребенка-билингва [Бернгардт, 2009].

На материале немецкого языка заслуживают внимания словари Г. Аугста, изданные на базе устной речи шестилетних детей и школьных сочинений в конце 80-х годов прошлого столетия [Augst, 1985; 1989]. Можно назвать также изданные в 90-х годах в Германии 16 томов транскрипций речи детей в возрасте от 1,5 до 14,5 лет, снабженные частотными словниками — *Dortmunder Korpus der spontanen Kindersprache*. В настоящей статье мы используем примеры из пятого тома указанного издания (*Teilkorpus Christiane*).

Поиск детских слов и слов из сферы мира ребенка в общих словарях затруднен тем обстоятельством, что не все словари имеют соответствующую помету.

Среди стилистических словарных помет выделяют следующие типы: пометы, обозначающие регионы, происхождение, определенную область употребления, характеризующие ситуации использования слов, хронологическое расслоение, эмоционально-экспрессивную окраску, указывающие другие ограничения в употреблении [Несова, 2007, с. 15]. Так, в русском толковом словаре С. И. Ожегова присутствуют указания на сферу речи (офиц., книжн., разг., высок., прост.), на локальное употребление (обл.), на хронологическую характеристику (устар. или стар.), на выразительный и эмоциональный оттенок (бран., шутл., пренебр., презр., груб., ирон., неодобр.) и др. В последнем издании словаря [Ожегов, 2021, с. 10] к помете *просторечное* добавлено пояснение преимущест-

ственной сферы употребления *в речи молодежи*. Область детского употребления не маркируется.

В немецких словарях помету *детское* имеет только общий словарь Дудена (Universalwörterbuch) [Duden, 2003], в нем зафиксированы 82 пометы *Kinderspr.* (Kindersprache). Пример:

Aa[a' |a], das; [lautm.] (Kinderspr.): *feste menschliche Ausscheidung, Kot: *Aa machen (seine große Notdurft verrichten)*.

Baba, bää (Kinderspr.): *weist auf etwas Schmutziges, Ekelhaftes hin, was nicht angefasst, nicht getan werden soll: nicht anfassen, das ist b.*

При этом не всегда граница между разговорным и детским словом строго очерчена, что может свидетельствовать о том, что детское слово (Kinderspr.) переходит в общее разговорное употребление (ugs.). Примером могут служить слова *Gockelhahn* или *Happen*:

Gockelhahn, der (ugs. scherzh. od. Kinderspr.): *Gockel*.

Gockel, der; [wohl lautm.] (bes. südd., sonst ugs. scherzh.): 1. *Hahn (1a)*: ein prächtiger G.; er stolziert wie ein G. über die Straße. 2. (ugs. scherzh.) *Mann, der sich bes. männlich gibt u. auf sexuelle Abenteuer aus ist*. Ср. рус.: *ходить гоголем*.

Happen, der [aus dem Niederd., wohl urspr. Kinderspr.] (ugs.): *kleines Stück, kleine Menge eines [festen] Nahrungsmittels*.

Помету *дет.* (*детское*), наряду с другими пометами (*спорт., школ., солд., мор., молод.*), указывающими, «из какой среды вышло данное слово и где оно преимущественно встречается» [Девкин, 1994, с. 9], дает «Немецко-русский словарь разговорной лексики» В.Д. Девкина. Например: *Muhkuh f det.* коровка. *Geh nicht so dicht an die Muhkuh ran! Sie stößt dich sonst mit ihren Hörnern; Muschi f* кошка, киска (*в речи детей*); *Omi, Oma f det.* ба, баба, бабуля.

В серии *Kindermund bei SUBITO*, изданной во Франкфурте-на-Майне впервые в 2006–2007 годах, собраны высказывания учащихся германской начальной школы по различным темам школьной жизни, по проблемам семьи и отношений с людьми. В какой-то степени этот материал сопоставим с упомянутым выше сборником афоризмов русских детей, собранных В.Г. Кротовым [Кротов, 2003]. Сборники серии *Subito* отражают синтаксические и семантические неправильности детской речи, представления детей об абстрактных понятиях и поэтому могут служить источником пополнения словаря-тезауруса немецкого ребенка. Вот несколько примеров из них:

Augenlider sind die Lippen von den Augen / Веки — это губы для глаз.

Eine Halbinsel ist eine Insel, die noch nicht ganz fertig ist / Полуостров — это остров, который еще не совсем готов.

Der Jäger hat einen Kaiserschnitt gemacht und damit das Rotkäppchen gerettet / Охотник сделал Кесарево сечение и тем самым спас Красную Шапочку.

Im Sommer darf ich immer kurzärmelige Hosen tragen / Летом мне можно ходить в короткорукавных брюках.

Warum heißt das Wachskerze, wenn die beim Brennen immer kleiner wird? / Почему свеча называется растущей [Wachs — восковая; wachsen — расти], если при горении она становится все меньше?

Другим интересным немецким лексикографическим источником является словарь «Kinder», подзаголовок которого — «Веселый словарь» (Ein fröhliches Wörterbuch) указывает на шуточный характер представленного в нем материала. Между тем словарные статьи содержат основные понятия из мира детства, которые снабжаются эмоциональными определениями. Дети для авторов словаря — это «*liebe-bedürftige, unerwachsene Menschen zwischen Geburt und Reife, die ihren Eltern so lange Freude machen, wie sie Lust dazu haben*» (Kinder, 2001) (= нуждающиеся в любви, незрелые люди от рождения до зрелости, доставляющие родителям радость столь долго, сколько те хотят ее получить³⁸).

Вот несколько примеров из словаря:

Aa machen Von Eltern in die Babysprache übertragene Bezeichnung für einen Vorgang, der zunächst den Einsatz von Windeln, später eines Töpfchens, dann manchmal sehr viel guten Zuredens bedarf (= *делать aa* — выражение, привнесенное родителями в детский язык и обозначающее процесс, требующий сначала использования пеленок, потом горшочка, а затем очень долгих уговоров);

abfüttern Versuch, einem Kind — speziell wenn es sich um ein Baby handelt — so viel Nahrung einzugeben, dass es für ein Weilchen Ruhe gibt. Wird selten vom Erfolg gekrönt (= *накормить* — попытка впихнуть в ребенка — особенно если это грудничок — такое количество еды, чтобы он хотя бы ненадолго дал отдохнуть — редко увенчивается успехом).

Kaugummi elastischer Alleskleber (*жевательная резинка* — эластичский суперклей).

Сравним с русским: Жвачка — зарядка для языка; тренажер для зубов [Кротов, 2003, с. 38]; Родители — это люди, которые не пускают тебя гулять [Кротов, 2003, с. 97]. Дети дают определения словам с позиций своих, детских, ценностей.

³⁸ Здесь и далее перевод примеров мой. — И. А.

Заключение

Таким образом, детская речь, являясь разговорной речью по своей сущности, отличается от нее большей степенью эмоциональности и конкретности, большим вниманием к форме слова (мотивированность) и его звуковому составу (использование паронимов). К сожалению, детское слово, хотя и является разговорным, не всегда включается в существующие сегодня словари разговорной речи. Это делает описание языкового мира ребенка затруднительным, в особенности ребенка иной культуры. Между тем предметно-вещно-тезаурусный мир ребенка составляет основу концептосферы носителя языка, его изучение способствует пониманию механизмов номинации и формированию социокультурной компетенции изучающих иностранный, в частности, немецкий язык.

Опыт создания словарей разного типа, фиксирующих детское слово русского и немецкого языков конца XX — начала XXI века, дает основание для разработки двуязычного идеографического словаря мира ребенка. На наш взгляд, лексикографическое описание мира детства в идеографическом словаре было бы полезно как в теоретическом, так и в практическом плане.

Библиографический список

- Амзаракова И. П. Ребенок: язык, текст, коммуникация. Абакан, 2012.
- Бернгардт О. В. Речь ребенка-билингва как предмет лексикографического описания: ситуация русско-немецкого двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009.
- Блинова О. И. К историографии типов мотивационных словарей // Вопросы лексикографии. 2012. № 2.
- Гарганеева К. В. Мотивационный словарь детской речи / под ред. О. И. Блиновой. Томск, 2007.
- Гридина Т. А. Объяснительный словарь детской речи: лексикографический аспект // Филологический класс. 2013.
- Девкин В. Д. Немецкая лексикография. М., 2005.
- Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М., 1994.
- Кротов В. Г. Подсказка души: Словарь детских афоризмов. М., 2003.
- Несова Н. М. Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2021.
- Палкин А. Д. Возрастная психолингвистика. Толковый словарь русского языка глазами детей. М., 2004.

Урбаева А. П. Сфера употребления полной редупликации в немецком языке // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4.

Харченко В. К. Словарь современного детского языка. М., 2005.

Цейтлин С. Н. Словарь детских словообразовательных инноваций. München, 2001.

Черняк В. Д. О чем говорят названия словарей? Социокультурные аспекты современной лексикографии // *Studia Slavica Savariensia*. 2016. № 1–2.

Augst G. *Kinderwort: der aktive Kinderwortschatz (kurz vor der Einschulung), nach Sachgebieten geordnet, mit einem alphabetischen Register*. 2. Aufl. Frankfurt a. M.: Lang, 1985.

Augst G. *Schriftwortschatz: Untersuchungen und Wortlisten zum orthographischen Lexikon bei Schülern und Erwachsenen*. Frankfurt a. M.; Bern; New York; Paris: Peter Lang, 1989.

Duden — Deutsches Universalwörterbuch, 5. Aufl. Mannheim 2003.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Kinder: Ein fröhliches Wörterbuch / hrsg. von C. J. Frank mit Zeichnungen von Pete Field. Tomus-Verlag: München 2001.

SUBITO: Oma war beim Optimisten: Kinder über Gold, Gott und Vitamine / hrsg. von Anna Rademacher. Frankfurt am Main, 2006.

Teilkorpus Christiane (12;2) // Dortmunder Korpus der spontanen Kindersprache / hrsg. von Klaus R. Wagner. Essen: Die Blaue Eule, 1993. Bd. 5.

References

Amzarakova I. P. *Rebenok: yazyk, tekst, kommunikatsiya*. [Child: language, text, communication]. Abakan, 2012.

Bergardt O. V. *Rech' rebenka-bilingva kak predmet leksikograficheskogo opisaniya: situatsiya russko-nemetskogo dvuyazychiya*. [Speech of a bilingual child as a subject of lexicographical description: the situation of Russian-German bilingualism]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Yaroslavl, 2009.

Blinova O. I. *K istoriografii tipov motivatsionnykh slovarey*. [Towards the historiography of types of motivational dictionaries]. In: *Voprosy leksikografii*. [Russian Journal of Lexicography]. 2012. No. 2.

Garganeeva K. V. *Motivatsionnyy slovar' detskoy rechi*. [Motivational Dictionary of Children's Speech]. Ed. by O. I. Blinova. Tomsk, 2007.

Gridina T. A. *Ob'yasnitel'nyy slovar' detskoy rechi: leksikograficheskiy aspekt*. [Explanatory Dictionary of Children's Speech: Lexicographic Aspect]. In: *Filologicheskiiy klass* [Philological class]. 2013.

Devkin V. D. *Nemetskaya leksikografiya*. [German Lexicography]. Moscow, 2005.

Devkin V.D. *Nemetsko-russkiy slovar' razgovornoy leksiki*. [German-Russian dictionary of colloquial vocabulary]. Moscow, 1994.

Krotov V. G. *Podskazka dushi: Slovar' detskih aforizmov*. [Soul Clue: A Dictionary of Children's Sayings]. Moscow, 2003.

Nesova N.M. *Grammaticheskie i stilisticheskie pomety v tolkovykh slovaryakh russkogo i angliyskogo yazykov*. [Grammatical and stylistic labels in the explanatory dictionaries of the Russian and English languages]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2007.

Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazaka*. [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by L. I. Skvorzov. Moscow, 2021.

Palkin A. D. *Vozrastnaya psikholingvistika. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka glazami detey*. [Age-related psycholinguistics. Explanatory dictionary of the Russian language through the eyes of children]. Moscow, 2004.

Urbaeva A. P. *Sfera upotrebleniya polnoy reduplikatsii v nemetskom yazyke*. [Scope of use of complete reduplication in German]. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [State of the art research and innovation]. 2016. No. 4.

Kharchenko V. K. *Slovar' sovremennogo detskogo yazyka..* [Dictionary of Modern children's language]. Moscow, 2005.

Tseytlin S. N. *Slovar' detskiikh slovoobrazovatel'nykh innovatsiy*. [Dictionary of children's word-formation innovations]. München, 2001.

Chernyak V. D. *O chem govoryat nazvaniya slovarey? Sotsiokul'turnye aspekty sovremennoy leksikografii*. [What do the names of dictionaries mean? Sociocultural aspects of modern lexicography]. In: *Studia Slavica Savariensia* 2016. No. 1–2.

Augst G. *Kinderwort: der aktive Kinderwortschatz (kurz vor der Einschulung), nach Sachgebieten geordnet, mit einem alphabetischen Register*. 2. Aufl. Frankfurt a.M.: Lang, 1985.

Augst G. *Schriftwortschatz: Untersuchungen und Wortlisten zum orthographischen Lexikon bei Schülern und Erwachsenen*. Frankfurt a. M.; Bern; New York; Paris: Peter Lang, 1989.

Duden — *Deutsches Universalwörterbuch*, 5. Aufl. Mannheim 2003.

List of sources

Kinder: *Ein fröhliches Wörterbuch*. hrsg. von C. J. Frank mit Zeichnungen von Pete Field. Tomus-Verlag: München 2001.

SUBITO: *Oma war beim Optimisten: Kinder über Gold, Gott und Vitamine*. Hrsg. von Anna Rademacher. Frankfurt am Main, 2006.

Teilkorpus Christiane (12; 2), Dortmunder Korpus der spontanen Kindersprache, hrsg. von Klaus R. Wagner. Essen: Die Blaue Eule, 1993. Vol. 5.

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАУКЕ О ЧЕЛОВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ XIX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»)

Н. В. Бубнова

Ключевые слова: имя собственное (оним), ономастика, «Ономастика Поволжья».

Keywords: proper name (onym), onomastics, «Onomastics of Volga Region».

DOI 10.14258/filichel(2022)2-14

В начале XXI века на фоне научного и псевдонаучного «бума» проводится огромное количество разного рода конференций. Среди них отчетливо видна уникальность «Ономастики Поволжья»: это единственная в отечественном научном сообществе профильная конференция, имеющая полувековую историю. В 2021 году этой традиционной ономастической конференции исполнилось уже 54 года. Первую конференцию «Ономастика Поволжья» в 1967 году провел выдающийся русский ономотолог Владимир Андреевич Никонов (1904–1988) на своей родине в Ульяновске (Симбирске). При жизни ученого состоялись еще четыре конференции: в Горьком (Нижнем Новгороде), Уфе, Пензе и Саранске. Затем силами волгоградских ученых-энтузиастов (в частности, председателя постоянно действующего оргкомитета конференции профессора В. И. Супруна) «Ономастика Поволжья» четырежды проводилась в Волгограде. Сегодня конференция вернулась к задуманному В. А. Никоновым формату, перемещаясь из одного поволжского города в другой: Уфа, Йошкар-Ола, Казань, Ярославль, Тверь, Арзамас, Ульяновск, Великий Новгород, Кострома...

XIX Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» состоялась 11–12 ноября 2021 года на базе Оренбургского государственного педагогического университета при содействии Российского общества преподавателей русского языка и литературы. В Оренбурге конференция «Ономастика Поволжья» была проведена впервые. Сам город

Оренбург стоит на реке Урал, однако вся западная часть области гидрографически входит в Волжский бассейн: в Переволоцком районе находится Каменный родник, исток крупного притока Волги — реки Самары, в Северном районе берет свое начало река Сок, в Абдулинском районе протекают реки Тирис и Дёма. На основании этого оргкомитет конференции в предисловии к сборнику по ее материалам отмечает: «Оренбургская область четырьмя речными путями связана с Волгой, поэтому проведение в ее столице конференции «Ономастика Поволжья» является оправданным и закономерным» [Супрун, Бекасова, Якимов 2021, с. 10]. В Оренбурге проведение конференции было приурочено к **220-летию со дня рождения** великого русского писателя, этнографа и лексикографа, собирателя фольклора В.И. Даля, который на протяжении 8 лет собирал материал для своего знаменитого «Толкового словаря» на территории Оренбуржья. «Всю свою жизнь я искал случая поехать по Руси», — пишет Даль в своей автобиографической записке: Оренбуржье предоставило ему много возможностей для этого [Прокофьева 2015, с. 50–54]. В словаре В.И. Даля особый пласт составляет ономастическая лексика, чему в сборнике «Ономастика Поволжья — 2021», в частности, посвящена статья Е. В. Цветковой (см. подробнее [Цветкова, 2021]).

Рис. 1. Председатель постоянно действующего оргкомитета В.И. Супрун (в центре) передает знамя конференции председателям оргкомитета в Оренбурге Е.Н. Бекасовой и П.А. Якимову

На XIX конференцию «Ономастика Поволжья» было подано 87 заявок из 32 городов и одного села России и из 10 городов восьми зарубежных стран. География российских регионов весьма обширна, «от Москвы до самых до окраин»: Арзамас, Благовещенск, Борисоглебск, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Ижевск, Кемерово, Кострома, Кумертау, Махачкала, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Оренбург, Пермь, Псков, Самара, Санкт-Петербург, Симферополь, Смоленск, Сургут, Тамбов, Тверь, Тюмень, Ульяновск, Чита, Элиста, Якутск, Ярославль и село Прямухино Тверской области, в котором расположен музей дворянского рода Бакуниных. Зарубежные участники представлены учеными из Донецка (ДНР), Алматы и Нур-Султана (Казахстан), Чанчуня (КНР), Кишинева (Молдавия), Прешова (Словакия), Карса (Турция), Киева и Одессы (Украина), Парижа (Франция), Денцлинга (Германия).

В рамках конференции было проведено два пленарных и четыре секционных заседания. На пленарных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады, рассматривающие различные направления ономастических исследований: «О прибалтийско-финском происхождении некоторых фамилий в Верхнем Поволжье» (С. А. Мызников), «Топонимы и этнонимы как основа наименований минералов» (Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова), «Закономерности организации антропонимической системы в условиях глобализации» (Е. Н. Бекасова), «Проблемы орфографии имен собственных в русском языке» (В. И. Супрун), «Лексикографизация географических терминов в региональных словарях» (Ж. Н. Жунусова), «История астионимов Донецка: Юзово и Юзовка» (В. И. Теркулов). Представленные на секционных заседаниях доклады также позволили показать все разнообразие ономастической проблематики, которое было представлено основными тематическими блоками: «Теоретические и методологические аспекты ономастики», «Современные проблемы антропонимики и этнонимики», «Современные проблемы топонимики и микротопонимики», «Городское ономастическое пространство», «Ономастическая периферия и апеллятивно-ономастическое пограничье», «Современные вопросы зоонимики», «Ономастика в образовательном пространстве», «Литературная и фольклорная ономастика».

За два дня работы конференции было заслушано 59 онлайн- и офлайн-докладов. В числе участников — известные ученые, крупные специалисты по проблемам ономастики и лингвистики в целом, в том числе два члена-корреспондента РАН, 23 доктора наук, 48 кандидатов наук (всего с научной степенью 84% от общего числа докладчиков). Вместе

с тем «Ономастика Поволжья» всегда была и будет открыта для начинающих исследователей и любителей-краеведов.

Рис. 2. Участники XIX Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (Оренбург, 11–12 ноября 2021 года)

На заключительном заседании были подведены итоги работы конференции и принята ее резолюция. Все участники отметили высокий уровень подготовки как организаторов, так и докладчиков. Участники отметили, что значимость конференции определила расширение языкового материала и выход ономастических исследований далеко за пределы Поволжья, в связи с чем следует усилить историко-сопоставительный и территориальный аспекты исследования ономастических единиц.

Кроме того, было отмечено, что конференция «Ономастика Поволжья» имеет не только сугубо научные, но и просветительские цели, ибо такова природа науки об именах собственных — быть интересной

для всех. В связи с этим в качестве перспективы было предложено расширить круг молодых ономастологов путем организации работы секции студентов, магистрантов и аспирантов, а также объявления конкурса на лучший доклад молодых участников на следующей конференции, которая состоится в Элисте 5–7 октября 2022 года.

Библиографический список

Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю., Скибин С. М. Оренбургский край в русской литературе. М., 2015.

Супрун В. И., Бекасова Е. Н., Якимов П. А. Предисловие // Ономастика Поволжья. Оренбург, 2021.

Цветкова Е. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля как источник для топонимических исследований (на материале костромской топонимии) // Ономастика Поволжья. Оренбург, 2021.

References

Prokof'eva A. G., Prokof'eva V. YU., Skibin S. M. *Orenburgskij kraj v russkoj literature*. [Orenburg region in Russian literature]. Moscow, 2015.

Suprun V. I., Bekasova E. N., Yakimov P. A. *Predislovie*. [Foreword]. In: *Onomastika Povolzh'ya*. [Onomastics of the Volga region]. Orenburg, 2021.

Cvetkova E. V. "Tolkovyj slovar" zhivogo velikorusskogo yazyka' V. I. Dalya kak istochnik dlya toponimicheskij issledovanij (na materiale kostromskoj toponimii). [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V. I. Dal as a source for toponymic research (based on the material of Kostroma toponymy)]. In: *Onomastika Povolzh'ya*. [Onomastics of the Volga region]. Orenburg, 2021.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

С. И. Якимова. Ориентализм как идейно-художественный концепт творчества писателя, мыслителя и журналиста Вс. Н. Иванова. Автор статьи на основе использования концептуального подхода к анализу масштабного творчества Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971) выявляет устойчивую приверженность писателя, мыслителя и журналиста теме востока, философско-эстетическим основам восточной культуры в его художественных произведениях, научно-философской публицистике и журналистике. Ориентализм как один из ключевых концептов универсального творчества Иванова, обуславливающий целостность его наследия, многогранно и полно отражает глубину и масштабность философских и идейно-художественных исканий неординарной личности, прошедшей эмиграцию и сохранившей глубокую приверженность судьбе России. В статье в контексте заявленной темы представлен анализ ориентальной поэзии Вс. Н. Иванова доэмигрантского и эмигрантского периодов, малоизвестной российскому читателю; рассмотрены очерки из периодики Дальнего Востока России, русской эмиграции в Китае; опубликованные им в эмиграции работы научно-публицистического характера.

S. I. Yakimova. Orientalism as Ideological and Fiction Concept of Vs. N. Ivanov's Works, a Writer, Thinker and a Journalist. The author of the article, having studied the creative activity of V. I. Ivanov (1888–1971) and using a conceptual approach to the analysis of his works, reveals a constant commitment of the writer, thinker and journalist to the theme of the East, philosophical and aesthetic foundations of Eastern culture in his fiction and scientific works, as well as, in philosophical journalism. Orientalism, as one of the key concepts of Ivanov's creative activity, which determines the integrity of his heritage, fully reflects the depth and scale of philosophical, ideological and fiction studies of that extraordinary person who went through emigration and retained a deep commitment to Russia. The article presents some analysis of oriental poetry by Vs. N. Ivanov of pre-emigration and emigration period, which is unknown to the Russian reader; essays from periodicals about the Far East of Russia, Russian emigration in China; works of scientific and journalism nature published by him in emigration.

М. Ю. Сидорова. Субъектная структура текстов о «новой реальности». В статье демонстрируются возможности анализа субъектной структуры текстов о «новой реальности» методами коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой. Предметом исследования служат тексты разных жанров: от новостных заметок до философского эссе, посвященные высоким технологиям и цифровизации. Субъектная структура включает коммуникативную рамку (автор — адресат) и внутритекстовые субъекты (личные и неличные), которым автор приписывает (преддицирует) различные признаки в конструируемом им мире. Лингвистическое исследование субъектной структуры помогает выявить позицию автора, сущностные свойства желаемого им мира и актуальные смыслы эпохи. Анализ признаков, преддицируемых в тексте различным типам субъектов, и способов выражения или элиминации этих субъектов позволяет в качестве таких актуальных смыслов определить активизацию неживых «умных» устройств, обретение ими самостоятельности и внутренней сферы и — одновременно — деиндивидуализацию и развоплощение личных субъектов. Идеология самостоятельности и персонификации машин и «растворения» личных субъектов находит выражение как в специфичных для русского языка лексико-грамматических средствах, так и в средствах, общих для русского и ряда других языков.

M. Yu. Sidorova. Subject Structure of Texts on New Reality. The article demonstrates the potential of Prof. G. A. Zolotova's functional and communicative grammar in analysis of texts on new reality regarding subjects involved in this reality. The author examines different genres — from news to philosophical essay — dwelling upon high technologies and digitalization. The subject structure of a text includes communicative frame (sender and recipient) and in-text subjects (human and non-human) which receive different predicates from the author constructing his textual world. The linguistic analysis of the text's subject structure allows one to reveal the author's point of view, the properties of his desirable world and ideas critical for the epoque. The analysis of the characteristics predicated to different types of subjects as well as the linguistic means of expression or elimination of these subjects helps to see these critical ideas activization of non-human «intelligent» devices acquiring independence and intentionality together with deindividualization and disembodiment of human subjects. The ideology of independency and personalization of machines and “dissolution” of human subjects is expressed both by language-specific means and lexicogrammar ones, common for Russian and other languages.

Н. В. Николенкова. Бытовая орфография и пунктуация как признак правописной ситуации в русском языке начала XXI века. В статье рассматривается сегодняшняя правописная ситуация, которую многие лингвисты, особенно специалисты по культуре речи, рассматривают как опасную в плане сохранения норм русского литературного языка и в первую очередь норм орфографии и пунктуации. Резкий рост малограмотных написаний вызывает общее недовольство, однако, как нам кажется, анализ появления таких написаний с лингвистических позиций не проверен. Если грамматические ошибки стали уже предметом анализа лингвистов, то по отношению к правописной неграмотности действует лишь экстралингвистическая критика. В нашем исследовании осуществлена попытка совмещения лингвистических и экстралингвистических факторов и определения причин массового нарушения орфографических и пунктуационных норм русского языка сегодня. Особое внимание уделено роли филолога, в деятельность которого необходимо включить изучение человека говорящего, который использует рекомендуемые правила написания.

N. V. Nikolenkova. Faulty Spelling and Punctuation as the Main Feature of Spelling of the Russian language at the Beginning of the XXI century. The article examines the current spelling trends, which many linguists, especially specialists in the culture of speech, consider dangerous in terms of preserving the norms of the Russian literary language and, first of all, the norms of spelling and punctuation. The rapid growth of illiterate spelling causes general dissatisfaction, however, the analysis of appearance of such spelling from linguistic angle has not been carried out. While grammar mistakes have already become the subject of analysis by linguists, only extralinguistic criticism applies to spelling literacy. In this article, the author tries to combine linguistic and extralinguistic factors and determine the causes of mass deviations from spelling and punctuation norms of the Russian language today. Much attention is paid to the importance of philologists' activity, whose purpose is to define the reasons of use recommended rules of spelling by a common person.

О. Н. Григорьева, Ли Силян. Названия атмосферных осадков в современном русском языке. В статье рассматривается один из основных фрагментов метеорологической лексики современного русского языка — названия атмосферных осадков. Материалом для исследования послужили единицы лексико-семантической группы «осадки», предварительно выявленные в Российском гидрометеорологическом энциклопедическом словаре (2009). Было выделено три группы существительных: общие наименования — само слово *осадки* и его синоним *гидрометеоры*,

названия жидких осадков и названия твердых осадков. Цель исследования заключалась в том, чтобы проанализировать прямые и переносные значения метеонимов, выявить черты сходства и различия употребления данных номинаций во фразеологизмах и текстах разной стилистической направленности, а также определить национально-специфические особенности исследуемых лексических единиц. Как показывает исследование, названия атмосферных осадков отражают не только сегмент русской языковой картины мира, но и углубляют наши представления о русском национальном характере.

O. Grigorieva, Li Xilian. Names of Atmospheric Precipitation in the Modern Russian Language. The article provides a linguistic analysis of one of the main parts of meteorological vocabulary in the modern Russian language — the names of atmospheric precipitation. The material under the study is the units of the lexical-semantic group “precipitation”, previously identified in the Russian Hydrometeorological Encyclopedia (2009). Three groups of nouns are distinguished: common names — the word *precipitation* itself and its synonym *hydrometeors*; names of liquid precipitation and names of solid precipitation. The purpose of the study is to analyze the direct and metaphorical meanings of meteorological names, to identify similarities and differences in the use of these categories in phraseological units and texts of different styles, as well as, to determine the national-specific features of the studied lexical units. The research shows that the names of atmospheric precipitation reflect not only a segment of the Russian language worldview, but also improve our understanding of the Russian national character.

Лю Яньчунь, А. П. Дронова. Формирование понятия «польза» в русском языке. В статье рассматривается формирование понятия «польза» с исторической точки зрения. На материале литературного языка определяются его этапы на основе исторических изменений в номинационной структуре данного фрагмента русской языковой картины мира. Первый, доисторический, период связан с наиболее распространенным исконно славянским обозначением понятия «польза» лексемой *корысть* и разными региональными его именованями (*добыча, выгода, нажива*), реализующими мотивационный признак «результат (материальный), к которому стремился субъект». Следующий этап — это столкновение и взаимодействие языческого истолкования пользы, прежде всего как добычи, с христианским пониманием пользы как того, что дает облегчение (души и тела), освобождение (от грехов и тягот житейских). Третий и четвертый этапы связаны с интерпретацией понятия, выраженного лексемой «польза», на русской почве. О сохранении связи по-

нения «польза» с понятиями «облегчение» и «помощь» свидетельствуют данные ряда диалектов и словарь В. Даля.

Liu Yanchun, L. P. Dronova. Formation of the Concept “Benefit” in the Russian Language. The article describes the formation of the concept “benefit” from historical point of view. Based on the material of the literary language, its stages are determined by historical changes in the nomination structure of this fragment of the Russian linguistic worldview. The first, prehistoric period, is associated with the most common native Slavic designation of the concept of “benefit” by the lexeme *greed* and its various regional names (*extraction, gain, profit*), realizing the motivation “result (material) that the subject wanted to get”. The next stage is the collision and interaction of the pagan interpretation of benefit, primarily as prey, with the Christian understanding of benefit as something that gives relief (spiritual and physical), liberation (from sins and hardships of everyday life). The third and fourth stages are associated with the interpretation of the concept expressed by the word *benefit* as a Russian phenomenon. The preservation of the connection between the concept of “benefit” with the concepts of “relief” and “help” is evidenced by the data of a number of dialects and Dahl’s dictionary.

О. Г. Борисова, А. Ю. Костина. Лингвокогнитивная сущность родственных отношений в диалектной картине мира жителей Кубани (на примере микрополя «Кровные родственники»). Часть 2. Статья посвящена описанию лингвокогнитивной сущности отношений между кровными родственниками в диалектной картине мира жителей Кубани. В работе определено коннотативное содержание репрезентантов исследованного микрополя через стереотипизацию роли и положения кровных родственников в семье, их взаимоотношений и качеств, важных в сознании носителей кубанских говоров. Продемонстрирован разный когнитивный потенциал конститuentов микрополя, заключающийся в наличии в народном сознании приращенных смыслов у одних понятий и отсутствии у других. Показано, что когнитивной доминантой микрополя «Кровные родственники» выступают дети, вследствие чего закономерной является их категоризация, проявляющаяся в ряде релевантных концептообразующих признаков. На основе высказываний диалектоносителей доказана сохранность в их сознании понимания традиционной роли семьи в воспитании подрастающего поколения. Продемонстрировано, что средства репрезентации описанного микрополя выражают как архаические, так и современные представления носителей кубанских говоров.

O. G. Borisova, L. Y. Kostina. Linguistic and Cognitive Essence of Relations in Dialect Worldview of Kuban Region Inhabitants (Based on the Example of Blood Relatives Microfield). Part 2. The second part of the article presents a description of the linguistic and cognitive essence of blood relatives relations in the dialect worldview of Kuban region inhabitants. The study defines the connotation content of the analyzed microfield representatives by stereotyping the family role and position of blood relatives, their interrelations and qualities, which are vital from the Kuban dialect carriers' point of view. It demonstrates various cognitive potential of microfield constituents which involves some notions having (in peoples' mind) conjoined meanings and others lacking some. The article demonstrates, that children are a cognitive dominant idea of the Blood Relatives microfield, that leads to their natural ranking into categories, which is manifested in a range of relevant concept-building characteristics. Statements of dialect carriers prove the importance of a traditional role of the family in younger generation upbringing. The research demonstrates, that means of the described microfield representation, refer to the idea of blood relatives relations, inherent in this ethnical culture, which contains both archaic and modern beliefs of Kuban dialect carriers.

Т. А. Дьякова. Функционально-стилистические аспекты использования иноязычных топонимов в художественных текстах Михаила Матусовского. Анализируя различные аспекты изучения топонимической лексики в современном языкознании, автор обосновывает принципы выделения иноязычных топонимических единиц в художественных текстах М. Матусовского. Статистика употребления изучаемых единиц приводится на материале разных групп топонимов из произведений данного автора. Изучены стилистические особенности использования иноязычных топонимов в поэтических и прозаических произведениях писателя, основными функциями применения которых являются следующие: воссоздание локального, исторического и пейзажного колорита, реалистическое изображение окружающей обстановки. Среди фигур, созданных с применением топонимов, наиболее частыми являются антитеза, эпитифора, параллелизм. Топонимы используются и в формировании риторических обращений, выполняют ритмико-интонационную функцию.

T. A. Diakova. Functional and Stylistic Aspects of Foreign Toponyms Used in the Literary Texts of Michael Matusovsky. Various aspects of the study of toponymic vocabulary in modern linguistics are analyzed, the principles of distinguishing foreign language toponymic units in the literary texts of M. Matusovsky are described. Various groups of toponyms from the writer's works are studied. The statistics of the toponymic units use

is presented. The stylistic features of the use of foreign toponyms in the writer's poetic and prose works are studied. The main functions of toponym usage are: depiction of local, historical aspects as well as landscape peculiarities and a real image of the environment. Among the figures of speech with toponyms, the most common are antithesis, epiphora, parallelism. Toponyms are also used in the formation of rhetoric speeches, they perform a rhythmic and intonation function.

С. А. Осокина. Концепция «легкого языка» и перспективы ее развития в лингвистике. Статья носит теоретический характер и ставит своей целью описание имеющихся в настоящее время оснований для формирования концепции «легкого языка» и определение перспектив ее дальнейшего развития. В ходе анализа научной литературы, изданной в России и за рубежом, описывается содержание понятия «легкий язык». В ходе анализа определены перспективные направления лингвистических исследований, имеющих отношение к развитию данной концепции, среди которых когнитивная лингвистика и социолингвистика, лингвистика текста, теория и практика перевода. Сделанный автором вывод о дальнейшем научном развитии концепции «легкого языка» важен как в связи с ее ориентацией на разработку специальной подсистемы национального языка, служащей для обеспечения коммуникации между людьми, в частности, испытывающими определенные коммуникативные трудности, а также лиц, имеющих когнитивные нарушения и иные проблемы, препятствующие вербальной коммуникации на стандартном национальном языке.

S.A. Osokina. The Concept of “Easy Language” and its Perspectives in Linguistics. The article is of theoretical content and aimed at description of the current foundations for the concept of “easy language” as well as its further research perspectives in linguistics. The author examines the terminological status of the expression “easy language” taking into account available scientific views on the problem and comparative semantic analysis of the words used for naming the key concept by different researchers. The article provides discussion of research papers published in Russia and abroad. Among the further perspectives of the development of the “easy language” concept, the author considers to be cognitive studies, sociolinguistics, text theory, and translation theory. The conclusion is that further development of the concept of “easy language” is necessary and relevant because it is focused on creation of a special language subsystem to help people with communication difficulties, especially those with cognitive impairments and learning difficulties, to avoid communication breakdowns caused by standard language processing.

А. А. Шибанов. Оправдан ли сарказм М. Е. Салтыкова-Щедрина в политико-правовом контексте эпохи Александра II? (на примере романа «История одного города»). В статье рассматриваются законодательные преобразования в России 60–70 годов XIX века в политико-правовом контексте эпохи Александра II, а также в интерпретации событий М. Е. Салтыковым-Щедриным. В романе «История одного города» писатель аллегорически изображает градоправителей, законодательную систему и общественное устройство России в ее историческом прошлом и постреформенном настоящем, но сарказм писателя направлен не против русского народа и его исторической судьбы. Полемизируя с российской историей в изложении официальной идеологии, средствами сатирического низвержения системы государственного управления Щедрин пытается найти оптимальное решение проблемы закона и справедливости как основы государственного устройства. По мнению писателя, реформы, исходящие «сверху», обречены на провал по причине своей нежизнеспособности в естественной среде исторических событий.

A. A. Shibanov. Is the Sarcasm of M. E. Saltykov-Shchedrin Justified in the Political and Legal Context of the Era of Alexander II? (On the Example of the Novel “The History of a Town”). (On the example of the novel “Stories of a city”). The article examines the legislative transformations in Russia in the 60–70 years of the XIX century in the political and legal context of the era of Alexander II, as well as the interpretation of these events by M. E. Saltykov-Shchedrin. In *The History of a Town*, the writer allegorically depicts the city governors, the legislative system and the social structure of Russia in its historical past and post-reformation contemporary time, but the writer’s sarcasm is not directed against the Russian people, its historical fate. Polemizing with Russian history presented by the official ideology, Shchedrin tries to find the optimal solution to the problem of law and justice as the basis of the state structure and depicts satirical overthrow of the system of public administration. According to the writer, the reforms coming from “above” are doomed to failure because of their non-viability in the natural course of historical events.

В. В. Останин. Типология и прогрессия смерти в произведении Дж. Р. Р. Толкина «Дети Хурина». Статья посвящена исследованию феномена смерти в книге известного английского писателя и мыслителя Джона Рональда Руэла Толкина «Дети Хурина». Толкин рассматривает «смерть» принципиально как философскую категорию. Выявляются два аспекта категории смерти в творчестве Толкина: 1) смерть как дар, 2) смерть как проклятие. Проводится анализ типологии смер-

ти в работе Толкина «Дети Хурина» в соответствии с этическим содержанием каждого из типов. В результате выделяются десять основных типов смерти и этических нарушений по мысли Толкина, тем самым реконструируется система его этических воззрений. Реконструирована по тексту «Детей Хурина» законченная прогрессия смерти, выработанная Толкином. Каждому виду смерти соответствует конкретный порок, что помогает нам увидеть последовательные звенья этической концепции писателя. Автором создана оригинальная философия смерти, выделены два ее различных фундаментальных типа: «смерть как дар» и «смерть как проклятие».

V. V. Ostanin. Typology and Progression of Death in the Work of J. R. R. Tolkien “The Children of Hurin”. The article discusses the study of the phenomenon of death in the book “The Children of Hurin” by the famous English writer and thinker John Ronald Reuel Tolkien. Tolkien views “death” as a philosophical category. Two aspects of the category of death in Tolkien’s work are revealed: 1) death as a gift, 2) death as a curse. The analysis of the typology of death in the work “The Children of Hurin” is carried out in accordance with the ethical content of each type. As a result, ten main types of death and ethical violations are distinguished according to Tolkien’s thought, thereby reconstructing the system of his ethical views. The full progression of death devised by J. R. R. Tolkien is reconstructed according to the text of “The Children of Hurin”. Each type of death is corresponded with a certain vice which helps us see the consecutive links of the writer’s ethical conception. The author developed a sophisticated philosophy of death and singled out its two fundamental types: “death as a gift” and “death as a curse”.

М. В. Оберюхтина. Феномен переключения кодов как художественный прием (на материале оригинального текста романа К. Бакли «Thank You for Smoking»). В данной статье автор подвергает исследованию иноязычные элементы высказываний в романе Кристофера Бакли «Thank You for Smoking». Исследуются возможные причины для переключения кодов в романе; делается вывод о том, насколько идея переключения кодов может соответствовать авторскому замыслу всего текста. Описаны основные лексические и фразеологические единицы, фигурирующие в романе, проанализированы ситуации, в которых главный герой произведения использует данные языковые единицы и речевые клише. Герой часто прибегает к использованию выражений на французском и немецком языках, чтобы показать свое отношение к меняющейся вокруг него экстралингвистической ситуации; обыграть творчески иностранные слова в своей речи. Произведен анализ подхода автора к ис-

пользованию переносимых в английский язык лексических и фразеологических единиц, которые могут быть как клишированными, так и неклишированными. Сделан вывод о возможном использовании иноязычных элементов с целью создания выразительности.

M. V. Oberyukhtina. Code-Switching as a Literary Device in “Thank You for Smoking” by Ch. Buckley. This article examines the foreign-language elements in Christopher Buckley’s novel “Thank You for Smoking”. The author studies possible reasons for code switching in the novel and makes the conclusion about the extent to which the idea of code-switching can correspond to the “global purpose” of the novel. The article describes some lexical and phraseological foreign language units mentioned in the text, analyzing the cases where the main character of the novel uses foreign words. The protagonist often resorts to the use of expressions from French and German in order to a) show his attitude to the extralinguistic situation changing around him; b) to create ingenious wordplay in his speech, using them in connection with some precedent phenomena in the English-speaking culture, even outside his workplace, although it is primarily his professional activities that require doing so. The author of the present paper also analyzes the approach to the use of lexical and phraseological units which may or may not be clichés when transferred to the English language. A conclusion is made about the possible use of foreign language elements as an artistic literary device within the framework of this novel.

Е. Э. Уланова. Лингвистические и экстралингвистические особенности репрезентации языковой личности переводчика. Автор статьи предлагает рассмотреть проблемы проявления языковой личности синхронного переводчика, акцентируя внимание на лингвокультурологических и экстралингвистических особенностях репрезентации языковой личности в устном переводе жанра телевизионного интервью. Цель данной статьи — переводческий анализ особенностей репрезентации языковой личности с учетом вариантов перевода жанра телевизионного интервью: предварительный когнитивно-дискурсивный анализ языковых личностей участников интервью, анализ влияния экстралингвистического фона на синхронный перевод интервью. Исследование выполнено на материале дискурса массмедиа. В качестве методов исследования выступает лингвистический анализ интервью, когнитивно-дискурсивный анализ репрезентации языковой личности в интервью, интерпретативный анализ синхронных переводов. В результате исследования приводится описание лингвистических и экстралингвистических особенностей репрезентации языковой личности в жанре интервью, непосредственно оказывающих влияние на перевод; особенности синхрон-

ного перевода интервью, анализ проблемных ситуаций при переводе телевизионного интервью.

Е. Е. Ulanova. Linguistic and Extralinguistic Features of Linguistic Persona of the Interpreter. In the article the author considers the problems of simultaneous interpreting, focusing on the influence of linguocultural and extralinguistic features of linguistic identity in the interpreting of the TV interview genre. The research is conducted on the material of mass media discourse. The research methods include linguistic analysis of linguistic persona in the interview, cognitive and discursive analysis of the representation of linguistic persona in the interview, the interpretive analysis of simultaneous interpretations. The research results in the description of linguistic and extralinguistic features of the linguistic persona in the interview genre, directly affecting the interpreting process; features of simultaneous interpreting of an interview, analysis of problem situations in the process of interpretation of the television interview.

И. П. Амзаракова. Ребенок в стихии разговорной речи: тезаурус и его фиксация. Цель — выявление основных черт разговорности и их специфики в детском дискурсе, описание проблемы лексикографической фиксации детского тезауруса. Основным методом исследования выступает анализ тезауруса, сопоставление дискурса немецкого ребенка дошкольного и младшего школьного возраста с разговорным дискурсом взрослых. Определено, что наиболее типичным проявлением избыточности детской речи является редупликация, в ходе которой образованные слова проникают из детского дискурса в стандартный язык и в другие социолекты, приобретая новые значения. Анализ лексикографических источников выявляет дефицит идеографического описания мира ребенка, отсутствие в словарях общего типа необходимых лексикографических помет. На материале русского языка с начала 2000-х годов издаются словари детских инноваций, детского тезауруса, но для изучающих иностранные языки отсутствие подобных идеографических словарей становится этнографической лакуной, затрудняющей межкультурную коммуникацию.

Irina P. Amzarakova. The Child in the Colloquial Speech: Thesaurus and its Fixation. The purpose of this study is to identify the main features of colloquiality and their specificity in children's discourse, to describe the problem of lexicographic fixation of children's thesaurus. The most typical manifestation of the redundancy of children's speech is reduplication. Words built on reduplication penetrate from children's discourse into the standard language and into other sociolects, acquiring new meanings. The analysis of lexicographic sources reveals a deficiency in the ideographic description of the child's world, the absence of the necessary lexicographic marks in dictionaries

of a general type. Since the beginning of the 2000s, dictionaries of children's innovations and children's thesaurus have been published on the material of the Russian language, but for those studying foreign languages the absence of such ideographic dictionaries becomes an ethnographic gap that hinders intercultural communication.

Н. В. Бубнова. Современные тенденции в науке о человеке (по материалам XIX Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»). В статье описывается круг ономастических исследований, обозначенных на XIX Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». Конференция состоялась 11–12 ноября 2021 года на базе Оренбургского государственного педагогического университета в очно-дистанционном формате. На пленарных и секционных заседаниях заслушаны и обсуждены доклады, посвященные рассмотрению теоретических и методологических аспектов ономастики, современных проблем топонимики и антропонимики, изучению городского топонимического пространства, литературной и фольклорной ономастики, а также ономастической периферии и апеллятивно-ономастического пограничья. Впервые в рамках работы отдельной секции были обсуждены вопросы эффективности применения ономастического материала в образовательном пространстве. В результате работы конференции были выявлены актуальные задачи, стоящие перед современной ономастикой, основные направления развития ономастических исследований, дискуссионные вопросы, обнаруживающие многообразие подходов к их решению.

N. V. Bubnova. Modern Trends in Human Science (Based on the Materials of the XIX International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region”). The article describes the range of onomastic research identified at the XIX International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region”. The conference took place on November 11–12, 2021 on the premises of Orenburg State Pedagogical University in a full-time-distance format. At the plenary session and in workshops there were discussed the reports considering theoretical and methodological aspects of onomastics, modern problems of toponyms and anthroponyms, the study of urban toponymic space, literary and folklore onomastics, as well as the onomastic periphery and the appellative-onomastic borderline. For the first time within the framework of a separate workshop, the issues of the effectiveness of the use of onomastic material in the educational environment were discussed. As a result of the conference, the crucial issues facing modern onomastics, the main directions of the development of onomastic research, disputable issues that reveal a variety of approaches to their solution were identified.

НАШИ АВТОРЫ

- АМЗАРАКОВА,
Ирина
Петровна** — доктор филологических наук, доцент, профессор Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан).
E — mail: ip50@mail.ru
- БОРИСОВА,
Ольга
Геннадиевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: leliastom@mail.ru
- БУБНОВА,
Нина
Викторовна** — кандидат филологических наук, доцент Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского (Смоленск).
E-mail: 85ninochka67@mail.ru
- ГРИГОРЬЕВА,
Ольга
Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: lonogrig@mail.ru
- ДРОНОВА,
Любовь
Петровна** — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск).
E-mail: lpdronova@mail.ru
- КОСТИНА,
Людмила
Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: patriot30@mail.ru
- Ли Силянъ** — аспирантка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: lixilian527@gmail.com
- Лю Яньчунь** — кандидат филологических наук, старший преподаватель Дальнянского университета иностранных языков.
E-mail: liuyanchun@mail.ru
- НИКОЛЕНКОВА,
Наталья
Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: natanik2004@mail.ru
- ОБЕРЮХТИНА,
Мария
Викторовна** — аспирантка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: abetina@yandex.ru
- ОСОКИНА,
Светлана
Анатольевна** — доктор филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: s. a.osokina2@yandex.ru

- ОСТАНИН,
Вадим
Владимирович** — кандидат философских наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: vadim_bh@mail.ru
- СИДОРОВА,
Марина
Юрьевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: sidorovadoma@mail.ru
- УЛАНОВА,
Екатерина
Эдуардовна** — кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: arvin-elf@mail.ru
- ШИБАНОВ,
Алексей
Алексеевич** — соискатель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: alexeytranslate@gmail.com
- ЯКИМОВА,
Светлана
Ивановна** — доктор филологических наук, профессор Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).
E-mail: 005563@pnu.edu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРИСЫЛАЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 40 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 25 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Не-научные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, подающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного мате-

риала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и. о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и. о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 2 • 2022

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Информационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843 в каталоге Почты России
Подписной индекс 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 31.05.2022.
Дата выхода издания в свет 10.06.2022.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 11,6. Тираж 500 экз. Заказ № 252.

Издательство Алтайского государственного университета
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 6б